

О хорошей и дурной женѣ,

по книгѣ Іисуса сына Сирахова.

Въ то время, какъ у всѣхъ древнихъ народовъ женщина почиталась существомъ низшимъ, сравнительно съ мужчиной, обязаннымъ безпрекословно повиноваться своему господину—мужу, быть его рабой,—народъ еврейскій, подъ водительствомъ Божіимъ, сохранилъ возвышенный взглядъ на жену, какъ на помощницу мужа, для которой онъ оставляетъ отца и мать, чтобы составить съ нею одну плоть (Бт. 2, 18, 24). Этотъ взглядъ проводится послѣдовательно во всей Библіи, гдѣ часто изображаются добродѣтельныя женщины, пользовавшіяся высокимъ уваженіемъ современниковъ и занимавшія вліятельное положеніе среди своего народа. Изъ женщинъ извѣстны и судіи, какъ Деввора, и пророчицы, какъ Маріамъ (Исх. 15, 20), Анна (1 Цар. 2, 1—10), Олдама (4 Цар. 22, 14) и др., и народныя героини, какъ Іаиль (Суд. 4, 21), Есѳирь и др.; онѣ, такимъ образомъ, принимали дѣятельное и видное участіе не только въ общественной, но и въ политической и церковной жизни своего народа.

Но въ учительныхъ книгахъ, наряду съ похвалами добрымъ женамъ (ср. Сир. 25, 11), встрѣчаются иногда и горячія порицанія, направленныя противъ злыхъ женъ, и предостереженія—не даваться въ ихъ сѣти (Прит. 7, 10—27, 21, 19, 25, 25, 30, 23, Еккл. 7, 27—29, Сир. 25, 15—29, 26, 7—15 и др.). Въ этихъ порицаніяхъ, иногда рѣзкихъ, нѣтъ и тѣни, конечно, мелкаго и наивнаго женоненавистничества, подобнаго тому, какое встрѣчается иногда у языческихъ авторовъ; Менандръ, напр., го-

ворилъ, что «изъ всѣхъ звѣрей, водящихся на землѣ и въ морѣ, самый злой звѣрь—женщина». Тѣ рѣзкіе отзывы о злой женѣ, какіе встрѣчаются у свящ. писателей, объясняются высотою библейскаго ученія о святости брака и семьи. Бракъ соединяетъ мужа и жену въ одну плоть, и понятно, какъ тяжко грѣшитъ нарушительница этого святого союза. Семья составляла крѣпкую клѣтку живого церковно-политическаго организма, какимъ былъ избранный народъ Божій, мужъ былъ ея главой, жена—его вѣрной помощницей, дѣти безпрекословно слушались родителей, и если случалось, что жена разрушала семью своимъ дурнымъ поведеніемъ, то на ея голову заслуженно падало всеобщее осужденіе и презрѣніе. Этимъ и объясняются суровыя порицанія противъ блудныхъ и злыхъ женъ, встрѣчающіяся въ Библіи. Грѣхъ мужа—прелюбодѣя, конечно, не менѣе тяжекъ, но послѣдствія его не столь разрушительны для семьи и рода, какъ послѣдствія прелюбодѣянія жены (ср. 23, 20—36); нужно принять во вниманіе ту тщательность, съ какою евреи старались охранять чистоту своего рода.

Въ Сир. 26, 1—23 сравниваются добрая и злая жена; въ концѣ отдѣла достоинства доброй жены рисуются чертами, подобными тѣмъ, какія въ книгѣ Пѣснь Пѣсней прилагаются къ невѣстѣ, олицетворяющей Церковь Божію.

О хорошей и дурной женѣ (Сир. 26, 1—23).

1. Счастливъ мужъ доброй жены,
   и число дней его удвоится;
2. доблестная жена приноситъ довольство мужу своему,
   и онъ окончитъ дни свои въ мирѣ;
3. добрая жена—счастливая доля,
   она достанется въ удѣлъ боящемуся Господа.
4. Богатъ онъ или бѣденъ, сердце его счастливо,
   и во всякое время лицо его свѣтло.

* * *

5. Отъ трехъ *вещей* трепещетъ сердце мое
   и предъ четвертою я устрашаюсь:
6. городского злословія, и народнаго возмущенія,
   и оболганія на смерть,—все это тяжело;
7. *но* боль сердца и горе—жена, ревнующая къ другой женщинѣ,

8. и бичъ языка—все это вмѣстѣ.
9. Злая жена—*какъ* жосткое воловье ярмо,
и берущій ее—какъ хватающій скорпіона.
10. Большая досада—жена, преданная пьянству,
и срама своего она не скроетъ.
11. Блудливость женщины—въ безстыдствѣ очей
и по вѣкамъ ея узнается.
12. За безстыдницей усиль надзоръ,
чтобы она, чувствуя послабленіе, не злоупотребила имъ;
13. слѣди за безстыдными очами,
чтобы не удивляться, когда она погрѣшитъ противъ тебя;
14. какъ жаждущій путникъ открываетъ уста
и пьетъ всякую воду, *какую найдетъ* поблизости,
15. *такъ* она сядетъ передъ всякимъ коломъ,
и для *всякой* стрѣлы откроетъ колчанъ.

* * *

16. Ласковость жены веселитъ ея мужа,
и благоразуміе ея утучняетъ его кости;
17. даръ Божій—жена молчаливая,
и нѣтъ цѣны благовоспитанной душѣ;
18. высшее счастье—жена стыдливая,
19. и никакая мѣра недостаточна для воздержной души.
20. Солнце, восходящее на небесахъ Господнихъ,—
21. такова красота доброй жены въ убранствѣ жилища ея;
22. лампада, сіяющая на святомъ свѣтильникѣ,—
такова красота лица ея при стройномъ станѣ;
23. золотые столпы на серебряномъ основаніи,—
таковы прекрасныя ноги ея на соразмѣрныхъ ступняхъ.

* * *

Въ 26 главѣ премудрый продолжаетъ рѣчь о женщинѣ, сравнивая хорошую и дурную жену. Сначала онъ говоритъ о томъ, какъ счастливъ человѣкъ, имѣющій добрую жену (26, 1—4), затѣмъ снова рисуетъ злую жену, совѣтуя строго слѣдить за женой, проявляющею дурныя наклонности (26, 5—15), и кончаетъ отдѣлъ поэтическимъ прославленіемъ жены благонравной (26, 16—23).

1—4. Добрая жена приноситъ счастье своему мужу; спокойно, весело, безъ всякихъ огорченій живя съ нею, онъ проживетъ вдвое дольше, чѣмъ тотъ, кто имѣетъ злую жену, разстраивающую его здоровье причиняемыми ему огорченіями. Такая добрая жена посылается Богомъ, по заявленію премудраго, только благочестивымъ людямъ, подобно тому, какъ злая посылается нечестивымъ (ср. 25, 21). Сл.: „Жены добрыя блаженъ есть мужъ, и число дней его сугубо. Жена добляя веселитъ мужа своего, и лѣта его исполнитъ миромъ. Жена добра часть блага, въ части боящихся Господа дана будетъ: Богатаго же и убогаго сердце благо, во всяко время лице тихо". 1 стихъ и первая половина 2-го сохранились въ Евр. С, 1 и 3 стихи приводятся, со ссылкою па бенъ-Сира, и въ талмудѣ [1]); въ Сир. 2 и 3 стихи ошибочно переставлены одинъ на мѣсто другого. Начало 1 стиха въ Евр. читается буквально: „жена добрая—блаженъ мужъ ея", т. е. счастливъ мужъ доброй жены, какъ и въ Гр. и Сл.; вмѣсто *тôбâ* „добрая" въ талмудѣ читается свободно *йафâ* „прекрасная". Вторая часть стиха служитъ объясненіемъ первой, и союзъ „и" замѣняетъ причинный „потому что", какъ и поставлено въ Сир. и Лат. „Число дней его", т. е. продолжительность его жизни,—такъ Сир.: „число дней его жизни". Сл. „жена добляя" во 2 стихѣ передаетъ Гр. ἀνδρεία „мужественная", Евр. *'ешет хайл* „жена силы" или „доблести", т. е. „доблестная". Глаголъ въ Евр. читается *тэдашшен* „утучняетъ", въ переводахъ свободно: „радуетъ",—вѣроятно, по связи со второю частью, разумѣется то довольство, какое доставляетъ мужу добрая жена. Подлежащимъ во второй части 2 стиха слѣдуетъ считать не жену, какъ въ Лат., Сл., и Рус., а мужа: „и онъ исполнитъ" или „окончитъ лѣта свои въ мирѣ",—при этомъ получается полное соотвѣтствіе съ 1b. Гр. гл. (248, Cpl.), Сир. и Лат. прибавляютъ: лѣта „жизни" своей. Вмѣсто „часть блага", т. е. счастливая доля, въ 3 стихѣ въ талмудѣ читается: „хорошій подарокъ", *маттанâ тôбâ*: вѣроятно, слово מתנה явилось здѣсь ошибочно вмѣсто первоначальнаго מנה „часть, доля"; и далѣе вмѣсто בחלק „въ части", какъ въ Сл. и Гр., въ талмудѣ читается בחיק „на груди". Отсюда видно, что талмудъ косвенно подтверждаетъ Гр. чтеніе. Сир. передаетъ 3 стихъ (послѣ 1-го) сво-

[1]) Jebamoth fol. 63b, ср. Synhedrin, fol. 100b, см. *Cowley* a. *Neubauer*, The orig. Hebrew of Eccli., p. XXIV.

бодно: „добрая жена дана будетъ мужу, боящемуся Господа, за добрыя дѣла его", такъ же почти и Лат.: „въ части боящихся Бога дана будетъ мужу за добрыя дѣла". Всѣ эти три стиха въ Евр. начинались, видимо, одинаково словомъ *'ишша̂* или *'ешет*, „жена". 4 стихъ въ Сл. переведенъ буквально съ Гр., при чемъ связь съ предыдущимъ выступаетъ не совсѣмъ ясно; вѣрнѣе въ Сир.: „если онъ богатъ и если онъ бѣденъ", т. е. независимо отъ того, богатъ онъ или бѣденъ, мужъ доброй жены чувствуетъ себя хорошо и выглядитъ прекрасно. „Сердце благо", т. е. сердце его счастливо, довольно, „лице тихо", точнѣе съ Гр. „весело, радостно", или „свѣтло", какъ въ Сир. Въ Гр. гл. (248, Cpl.) 4 стихъ читается съ прибавками: „богатаго же и бѣднаго сердце благо ко Господу, во всякое время имѣющіе веселое лицо восхвалятся".

5—8. Далѣе авторъ снова переходитъ къ изображенію дурной жены, и прежде всего ревность жены признаетъ для мужа болѣе тяжкимъ зломъ, чѣмъ сплетни, ненависть и клевета постороннихъ. Для яркости изображенія употребляется снова числовой оборотъ (ср. 25, 1 и др.): „отъ трехъ *вещей* трепещетъ сердце мое и предъ четвертою я устрашаюсь: городского злословія, и народнаго возмущенія, и оболганія на смерть", т. е. такой клеветы, которая можетъ повлечь наказаніе смертію. „Все это тяжело", говоритъ авторъ, но все-таки тяжелѣе этихъ трехъ несчастій то, когда жена начинаетъ ревновать мужа: „боль сердца и горе—жена, ревнующая къ другой женщинѣ, и бичъ языка—все это вмѣстѣ": когда человѣка преслѣдуютъ и посторонніе, и дома онъ находитъ врага, въ видѣ ревнующей жены, тогда жизнь превращается для него въ сплошную пытку, злые языки безпощадно бичуютъ его клеветой и поношеніями.

Подлинный смыслъ притчей можно возстановить здѣсь по сличенію Гр. и Сир. переводовъ. Сл.: „Отъ трехъ убояся (Остр.: отъ трехъ же уговѣ) сердце мое, и отъ лица четвертаго устрашихся (Остр.: убоахся). Преданія града, и собранія (Остр.: съборъ) народа, и оболганія, надъ смерть вся тяжестна (Остр.: и обольганія смерътна все вътъще). Болѣзнь (Остр.: вредъ же) сердца и сѣтованіе, жена ревнива о женѣ, И (Остр.: жена ревнива, жены ради ревнивы) язва языка (Остр.: язычна) всѣмъ пріобщающаяся (Остр.: общающися)". Сл. „убояся" передаетъ Гр. εὐλαβήθη „стало остерегаться,

бояться", въ Сир. же читается: „дрожитъ, трепещетъ", что здѣсь умѣстнѣе, такъ какъ далѣе можно ожидать усиленія образа. Такъ и читается въ Сл.: „устрашихся", и въ большинствѣ Гр. списковъ: ἐϑοβήϑην; въ другихъ же (B, 254, 308): ἐδεήϑην, „сталъ нуждаться" или „умолять", а въ нѣкоторыхъ (S, 23, Сир.-екз.): ἐδόϑην „я былъ данъ". Рус. и Р. 59 передаютъ второе чтеніе: „а при четвертомъ я молюсь", оставляя безъ перевода слово προσώπῳ „лицемъ", очень затрудняющее передачу Гр. чтенія, такъ какъ буквально выходитъ: „и на четвертомъ лицомъ (или: лицу) я убоялся (или: помолился)". Лат. читаетъ: „и въ четвертомъ лицо мое страшится", Коп.-с.: „я опустилъ лицо свое", и только Сл. (и Сл.-др.) предлагаетъ правильное чтеніе: „и отъ лица четвертаго устрашихся", хотя неизвѣстно, былъ ли оригиналъ такого чтенія въ Гр. спискахъ. Сир. передаетъ эту фразу неправильно: „и отъ четырехъ я убоялся весьма". Такимъ образомъ, Сл. предполагаетъ Евр. чтеніе *миппенé* „отъ лица", т. е. свободнѣе: „и предъ четвертою (вещью) я устрашаюсь". Далѣе Сл. „преданія" неточно передаетъ Гр. διαβολήν „клеветы" или „злословія", а Сл. и Гр. „собранія", повидимому,— буквальный переводъ Евр. *кагал* или *кэгиллâ* (ср. 42, 11), что здѣсь, по контексту, можетъ означать враждебное собраніе, направленное противъ извѣстнаго лица, возмущеніе народное. Сир. неправильно соединилъ слова этой фразы: „ропота собранія во множествѣ народа". Третье бѣдствіе названо въ Гр. и Сл.: „оболганія", т. е. клеветы, и всѣ эти три бѣдствія признаются „надъ смерть вся тяжестна",—такъ и въ Гр. и Ар.; Остр. же передаетъ иначе: „оболганія смертна", какъ и Рус.: „и оболганія на смерть", т. е. ведущаго къ смерти. Можно думать, что послѣднее пониманіе словъ бенъ-Сира правильнѣе, чѣмъ Сл., такъ какъ бѣдствіемъ, болѣе тяжкимъ, чѣмъ смерть, могло бы быть названо только послѣднее бѣдствіе, ревность жены, но рѣчь о немъ—въ слѣдующемъ стихѣ [1]). Здѣсь „жена ревнива о женѣ" разумѣется такая, которая ревнуетъ своего мужа къ посторонней женщинѣ, такъ какъ едва ли можно относить эти слова бенъ-Сира только къ тѣмъ случаямъ, когда мужъ имѣлъ нѣсколькихъ женъ, изъ коихъ одна ревновала мужа къ дру-

[1]) Ср. *Rud. Smend*, Die Weisheit des J. Sirach, S. 234.

гой [1]),—это слишкомъ ограничивало бы примѣненіе притчей бенъ-Сира въ жизни. Ревнивая жена называется „болью сердца и горемъ",—разумѣется,—для мужа. Сир. опускаетъ вторую половину 6-го и 7 стихъ и читаетъ, тѣсно связывая 8 стихъ съ предшествующими словами: ропотъ и проч.- „и язва языка все это вмѣстѣ". Въ Гр. и Сл. неизвѣстно, къ чему относится слово „пріобщающаяся": къ язвѣ ли (какъ въ Рус.: бичъ, „ко всѣмъ приражающійся", Р. 59: „касается всѣхъ"), или къ женѣ, и самый смыслъ этого слова трудно установить. Нужно думать, что Сир. читалъ здѣсь правильно, какъ общее заключеніе: „и бичъ языка—все это вмѣстѣ". Выраженіе „бичъ языка", т. е. злой, бичующій языкъ, встрѣчается и въ Іов. 5, 21: „отъ бича языка скрыетъ тя, и не убоишися отъ золъ находящихъ" (ср. Сир. 51, 3); разумѣется поношеніе отъ сосѣдей. Въ Лат. послѣдняя притча (7 и 8 стихи) читается: „скорбь сердца и печаль—жена ревнивая, въ женѣ ревнивой бичъ языка, сообщающій всѣмъ",—этотъ переводъ отразился и въ Остр.

9—11. Непріятности, причиняемыя мужу злою женой, сравниваются съ ярмомъ и даже съ укушеніемъ скорпіона. Ярмо, надѣтое на шею вола, если оно жостко и плохо пригнано къ его шеѣ, причиняетъ ему тяжкія страданія и раны, а укушеніе скорпіона крайне болѣзненно и ведетъ иногда къ смерти. Особенно тяжело для мужа, когда жена его предается порокамъ — пьянству или разврату: пьяная женщина ведетъ себя безобразно, а развратная легко узнается по безстыднымъ глазамъ. Сл.: „Воловое (Остр.: волуе) иго движимо жена лукавна, держайся ея яко емляйся скорпіи. Гнѣвъ великъ жена піянчива, и студа своего не покрыетъ. Блудъ женскій въ возвышеніи очесъ (Остр.: помизаніе очима), и бровми ея познанъ будетъ". Сл. и Гр. „воловое иго движимо" указываетъ на ярмо для воловъ, сдѣланное не по мѣркѣ и натирающее шею при работѣ, такъ что кожа иногда сбивается до ранъ: Сир.: „жосткое", что, вѣроятно, ближе къ подлиннику. „Держайся ея", Гр. ὁ κρατῶν αὐτῆς, „обладающій ею", т. е. берущій ее въ жены; Сир. даетъ иное значеніе: „терпящій ее". Слова „гнѣвъ великъ" указываютъ на ту досаду, которой часто предается мужъ пьяницы, такъ

[1]) Ср. Книга І. с. Сирахова въ р. переводѣ, С.-Петербургъ 1859, стр. 200.

какъ она срамитъ его передъ всѣми. Послѣ „піянчива“, т. е. склонная къ пьянству, Сир. и Гр. гл. (248, Cpl.) прибавляютъ: „блудливая“. „Возвышеніе очесъ“ здѣсь, какъ и въ 23, 4, означаетъ безстыдное выраженіе глазъ, свойственное сладострастнымъ людямъ, такъ что свободно можно перевести: „безстыдство очей“, Сл.-др. также свободно: „помизаніе очима“. Безстыдною игрой своихъ глазъ блудница уловляетъ мужчинъ въ свои сѣти, противъ чего предостерегаетъ писатель Прит. 6, 25: „сыне, да не побѣдитъ тя доброты похоть, ниже уловленъ буди твоима очима, ниже да восхитишися вѣждами ея“. Лат. отступаетъ отъ Гр. только въ передачѣ 10 стиха: „женщина пьяница—гнѣвъ великій, и поношеніе и безчестіе ея не покроется“.

12—15. Мужъ долженъ строго слѣдить за своею женой, если замѣчаетъ въ ней дурныя наклонности,—иначе, при слабомъ надзорѣ, она можетъ дойти до распутства и опозорить мужа. Сл.: „Надъ дщерію безстудною (Остр.: о дщери бестуднѣ) утверди стражу, да не попущеніе (Остр.: убо) обрѣтши, употребитъ себе (Остр.: погубится). Въ слѣдъ безстудна ока сохранися, и не дивися, аще въ тя согрѣшитъ. Яко жажденъ путникъ отверзетъ уста (Остр.: своа), и отъ всякія воды ближнія испіетъ: (Остр.: и) Прямо всякаго кола сядетъ, и прямо стрѣлы отверзетъ (Остр.: открыетъ) тулъ“. Въ Сир. здѣсь нѣтъ слова „дщерію“, такъ что и эти притчи относятся къ женѣ, о которой идетъ рѣчь въ контекстѣ. Въ Гр. также, вѣроятно, слово „дочь“ употреблено здѣсь не въ собственномъ смыслѣ, а въ смыслѣ „женщина, жена“, какъ въ 6 притчѣ во вставкѣ послѣ 23 стиха (см. ниже); можетъ быть, это слово взято изъ 42, 11, гдѣ почти буквально повторяется 12 стихъ. „Утверди стражу“, т. е. поставь крѣпкую, надежную стражу, усиленно наблюдай за женою, если она проявляетъ дурныя наклонности; Сир. неточно: „поставь много сторожей“. Иначе она, „попущеніе обрѣтши“, т. е. чувствуя послабленіе, попущеніе съ твоей стороны, злоупотребитъ твоей слабостью. Гр. читаетъ: ἑαυτῇ χρήσηται, „воспользуется собою“, Сл. „употребитъ себе“. Предполагаютъ здѣсь указаніе на неестественное удовлетвореніе своей страсти [1]). Но правильнѣе читать αὐτῇ „ею“, относя это мѣстоименіе къ слову ἄνεσιν „послабленіе“: она злоупотребитъ твоимъ попу-

[1]) Ср. V. *Ryssel* in *E. Kautzsch'* Apokryphen, I, S. 364.

щеніемъ [1]). Сир. передаетъ неправильно: „ибо нѣтъ ей покоя, пока она не украдетъ", т. е. не измѣнитъ мужу. Начало 11 стиха Сл. переводитъ буквально, но „безстудно око" несомнѣнно означаетъ здѣсь женщину съ безстыдными глазами, какъ и поправляетъ Гр. гл. (23, 253, Сир.-екз., также S); „позади безстыднаго глаза стереги" значитъ: „слѣди за безстыдными очами", т. е. за женою, склонною къ пороку, „чтобы не удивляться, когда она погрѣшитъ противъ тебя", когда впадетъ въ грѣхъ прелюбодѣянія. Сир. неточно: „за тою, у которой безстыдные глаза, бѣжи и не медли, чтобы она не обманула тебя". Неправильно переводитъ Рус.: „берегись безстыднаго глаза", при чемъ разумѣется, повидимому, посторонняя женщина. Далѣе рѣзкими чортами изображается сладострастіе блудной жены. Какъ усталый и жаждущій путникъ утоляетъ свою жажду водою, какая окажется ближе, такъ и сладострастная женщина удовлетворяетъ свою страсть съ каждымъ безъ разбора. „Колъ" въ 15 стихѣ означаетъ, вѣроятно, то же, что „стрѣла"; едва ли правильно толкованіе Р. 59: „у каждаго кола, къ которому пастухи прикрѣпляютъ свои шатры", такъ что фраза переводится: „сядетъ подлѣ каждаго шатра" (Рус.: „напротивъ всякаго шатра"), какъ блудница. Сир. переводитъ свободно и не совсѣмъ точно: „какъ жаждущій, который заходитъ съ дороги, и его уста открыты для холодной воды, и онъ пьетъ всякую воду, и ко всякому бревну прислоняется, и для всякой стрѣлы открытъ колчанъ его, такова и прелюбодѣйная жена, лоно которой открыто всякому человѣку". Лат. вмѣсто „безстудною" въ 12 стихѣ ставитъ „не отвращающеюся", вмѣсто „попущеніе обрѣтши"—„когда найдетъ случай" (такъ и Коп.-с.); 13 стихъ читаетъ: „всякой непочтительности ея остерегайся, и не удивляйся, если она пренебрежетъ тобою"; въ 14 стихѣ прибавляетъ: откроетъ уста „къ источнику" (Гр. гл. здѣсь имѣетъ прибавку: „нашедши источникъ", 248, Cpl.), а въ концѣ 15-го: „пока не кончитъ".

16—19. Снова переходя къ восхваленію хорошей жены (ср. 1—4 стихи), авторъ прежде всего хвалитъ ея скромность и благовоспитанность. Сл.: „Благодать женска возвеселитъ мужа ея, и кости его утучнитъ (Остр.: възвеселитъ) художество ея. Даяніе Господне жена молчалива, и нѣсть

[1]) Ср. *O. Fritzsche*, Kurzg. Handbuch zu Apokryphen, V, S. 144.

искупа наказанныя (Остр. ошибочно: показанныя) души. Благодать на благодати жена стыдлива: И нѣсть мѣрило всякое достойное воздержныя души (Остр.: и нѣсть достоина всяка мѣра удръжаныя душа)". Въ 16 стихѣ „благодать" означаетъ „любезность, ласковость" жены, а въ 18-мъ „благодать на благодати" — высшее счастье. „Кости его утучнитъ" (ср. Прит. 15, 30) значитъ—сдѣлаетъ его здоровымъ, своими заботами о мужѣ продлитъ его жизнь (ср. 1—2 стихи). Молчаливая жена признается „даромъ Божіимъ", какъ вообще добрая жена, ср. 3; „наказанная душа", т. е. благовоспитанная душа, или жена благовоспитанная, какъ въ 19 стихѣ— жена воздержная. Такой женѣ нѣтъ цѣны, какъ и вѣрному другу, ср. 6, 15, и нѣтъ такой мѣры, которая была бы достаточна, чтобы измѣрить достоинства такой жены, — они выше всякой мѣры. Въ Гр. гл. здѣсь имѣется три прибавки: жена молчаливая „и благосклонная" (70, 248, Cpl.), стыдливая „и вѣрная" (248, Cpl.), воздержной души „ея" (S*, 23, 248, 253, Cpl., Сир.-екз., Коп.-с.). Лат. также имѣетъ двѣ первыя прибавки: „умная и молчаливая", „святая и стыдливая", и кромѣ того въ 16 стихѣ читаетъ: „благодать жены прилежной". Сир. опускаетъ 16 стихъ; въ 17-мъ вмѣсто „молчаливая" читаетъ „добрая" и вмѣсто „благовоспитанной души" — „умѣренной (буквально: малости) гортани", какъ и въ 19 стихѣ вмѣсто „воздержной души" — „умѣренныхъ (буквально: малости) устъ"; видимо, Сир. неточно передаетъ здѣсь свой подлинникъ.

20—23. Похвала доброй женѣ заканчивается поэтическимъ сравненіемъ ея съ солнцемъ, красоты лица ея—съ сіяющимъ свѣтильникомъ, стройныхъ ногъ ея—съ золотыми столпами на серебряномъ основаніи; сходное съ послѣднимъ сравненіе примѣняется къ жениху въ П. П. 5, 15: „лыста его столпи марморовы, основани на степенехъ златыхъ". Сл.: „Солнце восходящее на высокихъ Господнихъ, и доброта жены добрыя въ красотѣ дому ея. Свѣтилникъ сіяя на свѣщницѣ святѣ, И доброта лица на возрастѣ постоянномъ (Остр.: стоащаго). Столпи злати на подстолпіихъ сребряныхъ, и нозѣ красни на плеснахъ добрѣ стоящихъ (Остр.: стоящи)". Въ Сир. всѣ три притчи начинаются сравнительнымъ союзомъ „какъ", котораго не было, вѣроятно, въ Евр., но онъ несомнѣнно подразумѣвается, такъ что въ „и", которымъ начинается вторая половина каждой притчи, имѣетъ значеніе: „такъ" или „та-

ковъ". Вмѣсто „восходящее" Сир. ставитъ свободно: „сіяющее". Гр. и Сл. „на высокихъ Господнихъ" означаетъ—на небѣ, Сир. также свободно: „на тверди небесной". Съ солнцемъ сравнивается прекрасная хозяйка дома, умѣющая украсить свое жилище: „красота доброй жены въ украшеніи жилища ея", или „въ убранствѣ", на фонѣ этого домашняго порядка добрая жена свѣтитъ, какъ солнце, такъ какъ уютность жилища больше всего зависитъ отъ жены. Вмѣсто „ея" (A, S, 23, 55, 106, 155, 157, 248, Cpl.) въ другихъ спискахъ Гр. читается ошибочно „его". Въ Сир. неточно: „такъ красота доброй жены въ жилищѣ дома ея",—такъ же и въ концѣ 22 стиха. Въ этомъ стихѣ вмѣсто солнца для сравненія берется „лампада, сіяющая на свѣтильникѣ святомъ", — разумѣется свѣтильникъ, бывшій во второмъ храмѣ, по примѣру скиніи и перваго храма (1 Мак. 1, 21, 4, 49—50). Сл. „въ возрастѣ постоянномъ" передаетъ Гр. ἐπὶ ἡλικίᾳ στασίμῃ, что здѣсь можетъ означать: „на стройномъ станѣ", надъ которымъ сіяетъ красивое лицо, подобно тому, какъ и ниже говорится о „прекрасныхъ ногахъ на твердыхъ ступняхъ". Указаніе возраста (Рус. и Р. 59: „въ зрѣломъ возрастѣ") было бы здѣсь неожиданно. 23 стихъ Сир. передаетъ также невѣрно: „какъ золотыя основанія на серебряныхъ столбахъ, такъ прекрасны ея пятки на расположеніи дома ея". Сл. „на плеснахъ добрѣ стоящихъ" передаетъ Гр. ἐπὶ πτέρναις εὐσταθμοῖς, какъ читается въ S; такъ и въ Лат.: „на твердыхъ ступняхъ женщины", въ остальныхъ же спискахъ Гр. читается: ἐπὶ στέρνοις εὐσταθοῦς „на грудяхъ стойкой" (или „стойкихъ" въ 248, Cpl.). Первое чтеніе, очевидно, правильнѣе, такъ какъ ноги возвышаются надъ „соразмѣрными пятками" или „ступнями". Разумѣется, вѣроятно, красивая форма ноги. Лат. вмѣсто „прекрасныя" ноги читаетъ „крѣпкія" и затѣмъ имѣетъ прибавку:

„основанія вѣчныя надъ твердою скалою,—
такъ и заповѣди Божіи въ сердцѣ святой женщины".

Послѣ 23 стиха въ Сир., Ар. и Гр. гл. (70, 248, Cpl.) имѣется длинная прибавка, въ которой рѣчь идетъ также о женщинѣ; хотя, повидимому, нѣкоторыя притчи въ этой вставкѣ читались первоначально по-еврейски, но отсутствіе ея въ большинствѣ Гр. списковъ и нѣкоторыя выраженія, буквально повторяющія предшествующія притчи, говорятъ

о томъ, что въ первоначальномъ текстѣ книгѣ бенъ-Сира ея не было. Вставка эта читается такъ:

1. „Чадо, цвѣтъ возраста твоего соблюдай здраво,
и не дай чужимъ силы твоей;
2. найди для себя добрый участокъ изъ всего поля,
и съ надеждою сѣй свое сѣмя, для хорошаго урожая:
3. такимъ образомъ, плоды твои пребудутъ,
и не повсюду будетъ родъ твой.
4. Женщина продажная считается подобною плевку,
а замужняя—какъ башня смерти для пользующихся ею.
5. Жена нечестивая дана будетъ въ удѣлъ беззаконнику,
благочестивая же дается боящемуся Господа.
6. Жена непристойная утратитъ стыдъ,
а благопристойная дочь будетъ совѣститься и мужа.
7. Жена безстыдная считается какъ собака,
а имѣющая стыдъ будетъ бояться Господа.
8. Жена, чтущая собственнаго мужа, явится предъ всѣми мудрою,
а не почитающая по высокомѣрію всѣми будетъ признана нечестивою.
9. Счастливъ мужъ доброй жены,
ибо число лѣтъ его будетъ двойное.
10. Сварливость жены *бываетъ* и при смиреніи,
и она обнаруживается какъ легкая горячка.
11. Жена крикливая и многорѣчивая
кажется трубой, созывающею на войну,
12. душа же всякаго человѣка, находящагося въ такихъ обстоятельствахъ,
будетъ проводить жизнь въ превратностяхъ войны".

Подъ „цвѣтомъ возраста" въ 1 притчѣ разумѣется юность, какъ и читается въ Сир.: „наблюдай за собою во время юности". Гр. читаетъ 2-ю такъ: „отыскавъ *изъ* всего поля участокъ хорошей земли (буквально: благоземельный), сѣй собственныя сѣмена, вѣря благородству твоему", Сир. же: „ищи твой жребій изъ каждой доброй доли, чтобы спокойно сѣять твои сѣмена твоими порожденіями"; съ добрымъ участкомъ сравнивается жена, выбранная изъ среды другихъ женщинъ, съ которою и долженъ человѣкъ жить, чтобы произвести доброе потомство. Вторая половина 3 притчи переведена съ Сир.,

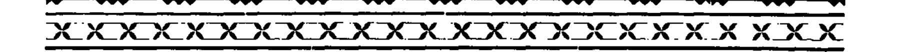
въ Гр. же она передана свободно: „и свободу благородія имѣя, возвеличатся“—плоды твои; имѣется въ виду сохраненіе производительной силы для собственнаго законнаго потомства. Вмѣсто „продажная“ въ 4 Сир. читаетъ неправильно: „прелюбодѣйная“, а вмѣсто „подобною плевку“ — „какъ ничто“; вѣроятно, въ еврейской притчѣ стояло здѣсь רק, которое Гр. правильно прочелъ *рок* „слюна“ (какъ въ Ис. 50, 6: „лица Моего не отвратихъ отъ студа заплеваній“, *рок*), Сир. же неправильно—*рик* или *рек* „пустое, ничтожное“. Подъ „башнею смерти“ разумѣется, можетъ быть, какое-либо извѣстное тогда орудіе казни, подобное „столпу, полну пепела“, описанному во 2 Мак. 13, 5—6 [1]). 5 притча близко напоминаетъ 3 стихъ настоящей главы. Вмѣсто „боящемуся“ 70 читаетъ „любящему“. Первая половина 6 притчи въ Гр. читается: „жена непристойная сотретъ безчестіе“, а въ Сир.: „жену не стыдящуюся сотретъ стыдъ“; вѣроятно, Гр. перевелъ точнѣе, и фраза получаетъ смыслъ: „утратитъ стыдъ“, что соотвѣтствуетъ и второй половинѣ притчи. „Дочь“ здѣсь то же, что „женщина“. Вторая часть 7 притчи въ Сир. читается неправильно: „и боящаяся Господа—это стыдъ для нея“. 9 притча есть буквальное повтореніе 1-го стиха. Слѣдующая притча, 10, читается только въ Сир., въ Гр. гл. ея нѣтъ; она, повидимому, имѣетъ тотъ смыслъ, что иногда сварливость женщины скрыта кажущимся смиреніемъ, но она скоро обнаруживается, какъ незамѣтная вначалѣ горячка даетъ себя знать впослѣдствіи. Вторая часть 11 притчи передана по Сир. тексту, въ Гр. она читается: „какъ труба непріятелей на бѣгство окажется“. Вмѣсто „крикливая“ (буквально съ Гр.—„велегласная“) Сир. читаетъ „созывающая“: очевидно, ново-еврейское слово *кôланûт* „крикливая“ [2]) Сир. прочиталъ невѣрно: קהלניתא „созывающая на собраніе“. Въ послѣдней притчѣ не совсѣмъ понятно выраженіе: „подобнаго такимъ“, какъ въ Гр., или „всему этому“, какъ въ Сир.; вѣроятно, разумѣется человѣкъ, „находящійся въ подобныхъ обстоятельствахъ“, т. е. мужъ крикливой и многорѣчивой жены. Вмѣсто Гр.: „онъ расположитъ душу“, Сир. правильнѣе читаетъ: „будетъ проводить жизнь“.

Прот. **А. Рождественскій.**

---

[1]) *Nestle*, см. *V. Ryssel* in *Kautzsch*'Apokryphen, I, S. 366.

[2]) См. *Jac. Levy*, Neuhebr. u. chald. Wörterbuch, IV, S. 259—260.

Центры раскола въ первой четверти XVIII вѣка.

Поморье.—Керженецъ.—Сибирь.—Вѣтка.—Стародубье.—Ряпина мыза.—Москва.

Центрами раскола оставались въ разсматриваемый нами періодъ времени почти тѣ же самые центры, которые появились еще въ XVII вѣкѣ. Но положеніе ихъ теперь было другое, чѣмъ тогда: одни центры теперь достигли полнаго своего разцвѣта; другіе, напротивъ, потеряли прежнее свое значеніе для раскола; наконецъ, возникли нѣкоторые центры и вновь. Въ качествѣ болѣе выдающихся центровъ можемъ назвать: Поморье, Вѣтку, отчасти Стародубье; центрами втораго типа являются: Керженецъ, Москва, отчасти Сибирь; вновь возникшіе центры: мѣста поселенія ѳедосѣевцевъ, съ Ряпиной мызой подъ конецъ, и затѣмъ поселенія раскольниковъ въ Валахіи и Турціи.

1. Въ Поморьѣ расколъ постепенно увеличивался въ своихъ размѣрахъ,—по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Громадной обширности край населенъ былъ очень мало, и чрезвычайно разбросанно, и весь покрытъ былъ дремучими, непроходимыми лѣсами, громадными болотами и топями, которыя совсѣмъ затрудняли сообщеніе между поселеніями, и тѣмъ самымъ какъ бы уединяли каждое изъ нихъ. Край этотъ занималъ пространство нынѣшнихъ губерній: Олонецкой, Архангельской и Вологодской. Лѣсная площадь въ этихъ губерніяхъ занимаетъ до 85 милліоновъ десятинъ, такъ что большая часть мѣстностей этихъ губерній занята именно лѣсами. Въ Архангельской губерніи къ этому присоединяются еще тундры, которыя занимаютъ здѣсь около 27 милліоновъ десятинъ. Въ

Олонецкой губерніи есть громадное количество болотъ и озеръ: въ одномъ Повѣнецкомъ уѣздѣ насчитывается болѣе одного милліона десятинъ болотъ и около двухъ тысячъ озеръ [21]). Дикая, малонаселенная мѣстность, съ своимъ вѣчнымъ лѣснымъ безмолвіемъ, естественно явилась лучшимъ убѣжищемъ для раскола. Здѣсь, въ лѣсныхъ трущобахъ, расколъ находилъ свой идеалъ пустыни, къ которой стремился, въ которой жаждалъ жить и которую называлъ «распрекрасною пустынею», «любезною другинею». Съ другой стороны, эти самые лѣса, топи и болота, затрудняя сообщеніе, обезопашивали раскольниковъ отъ наѣздовъ правительственныхъ чиновниковъ и обезпечивали имъ спокойную жизнь. Вотъ почему возникшая въ 1694 году въ Повѣнецкомъ уѣздѣ такъ называемая Выговская раскольническая пустынь [22]), находясь подъ управленіемъ умныхъ и дѣятельныхъ настоятелей, постепенно возрастаетъ: пріобрѣтаетъ большое количество насельниковъ, организуется во внутреннемъ своемъ строѣ и простираетъ свое рѣшающее вліяніе какъ на ближайшіе раскольническіе скиты, такъ и на болѣе отдаленные, охватывая, по возможности, всю Россію.

Говоря о началѣ Выговской пустыни, историкъ ея Иванъ Филипповъ говоритъ, что «совокупишася въ сіе общежительство богоизбраннін мужіе: Даніилъ, златое правило Христовой кротости; Петръ, устава церковнаго бодрое око; Андрей, мудрости драгоцѣнное сокровище; Симеонъ, сладковѣщательная ластовица и немолчная богословія уста; и прочіе дивніи мужіе, свѣтильницы истиннаго благочестія и честной добродѣтели хранилища» [23]). Указываемыя здѣсь лица суть первые организаторы Выговской пустыни, очень извѣстные своими трудами по укрѣпленію поморскаго раскола. Даніилъ Викуловъ—дьячекъ погоста Шунгскаго, Петръ Прокопьевъ—житель Повѣнца, Андрей Денисовъ—двоюродный братъ Петра, Семенъ Денисовъ—родной братъ Андрея. Что касается «прочихъ дивныхъ мужей», то ихъ называетъ Григорій Яковлевъ: это — Леонтій Ѳедосѣевъ—поповъ сынъ села Толвуйскаго и Михаилъ Ивановъ Вышатинъ, подьячій изъ Вязниковъ. Въ 1726 году монахъ Арсеній показывалъ, что на Выгѣ послѣ Даніила Викулова и Андрея Денисова считаются «учителями»: монахъ

---

[21]) Отеч. Зап. 1884, № 3, стр. 102.
[22]) Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII вѣка, стр. XI—XVI.
[23]) Ист. Выгов. пуст. *Филиппова*, Спб. 1862, стр. 87.

Варлаамъ Быковъ, уроженецъ Каргополя, посадскій человѣкъ Захарій Нуплевъ, изъ Олонца, новгородецъ Симонъ Іовлевъ и псковитянинъ Ипатъ Ефремовъ [24]). По словамъ Ивана Филиппова, жившіе въ Выговской пустыни «съ первыхъ лѣтъ» ея существованія «имѣяху съ собою честный соборъ добродѣтельныхъ мужей» [25]). Выговскимъ опредѣленіемъ 17 сентября 1702 года это до извѣстной степени подтверждается: опредѣленіе это, касавшееся выбора настоятеля общины, состоялось по соборному рѣшенію всѣхъ выговлянъ и скрѣплено было ихъ подписями [26]).

«Съ первыхъ годовъ» на Выгѣ жилъ іеромонахъ Соловецкій Пафнутій; сюда же нѣкогда пріѣзжалъ «старый священникъ Ѳеодосій», потомъ поселившійся на Вѣткѣ. Но это пребываніе «священныхъ» лицъ на Выгѣ оставило по себѣ только одно воспоминаніе. Не позже 1702 года Пафнутій ушелъ съ Выга [27]) и скоро здѣсь возникъ вопросъ о выборѣ главнаго руководителя Выговской общины. Такъ какъ Даніилъ Викуловъ, на котораго нѣкоторые могли указать, какъ на представителя общины, отказывался отъ управленія послѣднею, ссылаясь на свою старость, то выборъ палъ на Андрея Денисова «многаго ради его къ божественному Писанію прилежанія,— говорится въ опредѣленіи 17 сентября 1702 года,—и тщанія къ поученію» выговцевъ «заповѣдямъ Божіимъ, и за еже убо приличной не къ пользѣ ни единыя вины за нимъ не обрѣталось». Андрей, конечно, предвидѣлъ это избраніе, и, поэтому, чтобы болѣе упрочить свое положеніе въ общинѣ и свою власть надъ ея членами, согласился не сразу. Сначала онъ письменно отказался отъ избранія. Тогда собраніе стало просить Андрея настойчивѣе—«излиха уязвихомся понуждати его,—говорится въ опредѣленіи объ избраніи,—съ зельнымъ моленіемъ надолзѣ повергаяся къ ногамъ его». Отвѣчая на это, Андрей предложилъ съ своей стороны письменное условіе братіи, именно исполненіе правилъ «общежительнаго устава». И прежде всего онъ потребовалъ, «чтобъ ни единъ своего имѣнія не имѣлъ, ни до полмѣдницы», причемъ за нарушеніе этого пра-

---

[24]) Опис. док. и дѣлъ Синода, т. VI, стр. 390.

[25]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 94.

[26]) Рукоп. Владимірской семинаріи, № 75 гл. 2.

[27]) Пафнутій прожилъ на Выгѣ только семь лѣтъ (Ист. Выгов. пустыни, стр. 86—87. 113. 313).

вила отцы духовные не разрѣшали бы безъ его, Андрея, «вѣдомости», и чтобы «послѣ повечерни» повсюду соблюдалось полное молчаніе,—въ келіяхъ и въ службахъ. Затѣмъ, Денисовъ потребовалъ, чтобы щегольскаго платья, шапокъ, или другихъ вещей, члены Выговской общины не носили,—чтобы съ женскимъ отдѣленіемъ «жили по святыхъ отецъ уставомъ», съ матерями и сестрами видались бы не часто,—чтобы особой пищи «никому не имѣть», ѣсть только по двѣ «выти» въ день. Далѣе, Денисовъ поставилъ условіемъ, чтобы въ праздничные и воскресные дни «къ поученію, по чину, каковъ предастся», всѣ были готовы, а если явятся преслушники, и кого изъ нихъ онъ, Денисовъ, будетъ наказывать, въ томъ ему не возражали бы; съ его же разрѣшенія вели бы свое дѣло и отцы духовные — «какъ подобаетъ на исповѣдь приимать, и гдѣ бы имъ имѣти дѣтей духовныхъ». Наконецъ, еще условіе: «мірская хода, кромѣ братскихъ потребъ, отсѣчь, и въ другихъ кельяхъ гостьбищамъ, по сродникамъ, не быть». Таково было предложеніе со стороны Андрея Денисова. Старцы, клирошане, и всѣ выборные старосты «разныхъ службъ» изъявили на него полное согласіе. При этомъ всѣхъ «преслушниковъ» устанавливаемаго порядка предоставили Андрею «наказывать монастырскимъ смиреніемъ: на цѣпь ковати, и шелепами бити, и въ темницу сажати, и прочими казнями эпитимейными, кто чего достоинъ будетъ» [28]). О чемъ же свидѣтельствуетъ данное опредѣленіе [29])?

Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что внутреній порядокъ жизни Выговской пустыни Денисовъ задался устроить на началахъ чисто манастырскихъ: сюда клонились всѣ его пожеланія, всѣ требованія. На этихъ началахъ и была, дѣйствительно, организована вся жизнь Выговской раскольнической общины.

Задавшись такою цѣлью, выговцы скоро съумѣли устроить

[28]) Рукоп. Владимирской семинаріи № 75, гл. 2.

[29]) Опредѣленіе это, состоявшееся 17 сентября 1702 года, имѣло тѣмъ большую силу, что было постановлено на многолюдномъ собраніи. Хотя общее число членовъ собранія не извѣстно, но извѣстно то, что на собраніи 27 сентября предшествующаго 1701 года присутствовало 84 человѣка старцевъ, клирошанъ и служебниковъ (Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 13). А по показанію Ивана Емельянова, данному въ 1702 г. въ то время въ Выговскомъ „жилищѣ мужеска и женска полу“ было „съ 500 человѣкъ“ (Хр. Чт. 1904, май, стр. 749).

свою жизнь вполнѣ безбѣдно. Богатство Выговской пустыни было такъ велико, что обитатели ея, прежде, во время гоненій, сами нерѣдко терпѣвшіе голодъ, теперь нашли возможнымъ помогать изъ своихъ средствъ не только «суземскимъ жителямъ», т. е. раскольникамъ, жившимъ по разнымъ мѣстамъ Поморья, но и лицамъ стороннимъ, разумѣется, съ тайною мыслью привлечь ихъ на свою сторону. «Всякое изобильство,—говорится въ Исторіи Выговской пустыни,—въ обѣихъ обителяхъ умножашеся и распространяшеся отъ пашень, и отъ торговъ, и отъ морскихъ промысловъ, вездѣ изобильствующе, скоту умножающуся, конскіе дворы коньми и кобылами и жеребятами наполняхуся, и доилицъ дворы огустѣваху. Платье и обувь въ обоихъ обителѣхъ, изобильствующе, вся сія вышняго Бога промысломъ, безъ всякой тѣлесной нужды братство упокоевашеся. И видѣша отцы надъ собою милосердіе и посѣщеніе Божіе, положиша залогъ: всѣхъ приходящихъ гостей, и проѣзжихъ, и нищихъ, и странныхъ кормити безъ разбору, и бѣднымъ и нищимъ помогати во всякихъ нужныхъ случаяхъ. И въ то время бысть въ Олонецкомъ, и Каргопольскомъ, и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ, и во всѣхъ окольнихъ волостяхъ, и въ Лопскихъ погостахъ хлѣбная скудость, и недородъ, и гладъ великій. Многіе мірскіе нищіе пойдоша въ монастырь, овіи на конѣхъ, а иніи пѣши по зимамъ, и скитахуся изъ монастыря въ монастырь, и по скитамъ, просяще милостыни, и кормящеся множество народа... И тогда бысть двѣ дороги чрезъ монастырь: одна въ Каргопольскій уѣздъ, а другая къ морю. И начаша людіе оными дорогами ѣздити, приставая къ гостинной, и приказаша настоятели всѣхъ проѣзжихъ и нищихъ кормити безъ разбору»[30]. Естественно, что спокойная и безбѣдная жизнь въ Выговскомъ общежитіи произвела значительную перемѣну въ поморскихъ раскольникахъ: между прочимъ, ослабѣлъ и прежній аскетизмъ ихъ, и проповѣдники «суроваго житія», проводившіе прежде самую строгую жизнь, по необходимости теперь, среди общаго изобилія и довольства во всемъ, стали позволять себѣ и блага міра сего.

Главнѣйшія событія въ жизни Выга въ первое пятнадцатилѣтіе XVIII вѣка были слѣдующія.

Заявивъ государю челобитною о своемъ «старовѣрствѣ», выговцы въ самомъ началѣ XVIII вѣка получили отъ вновь на-

[30]) Истр. Выгов. пустыни, стр. 190.

значеннаго тогда губернаторомъ А. Д. Меньшикова бумагу на имя Данiила Викулова и Андрея Денисова, въ которой обѣщалось выговцамъ многое. Именно здѣсь говорилось, что «будучи нынѣ на Устьрѣцкихъ желѣзныхъ заводахъ», Меньшиковъ узналъ, что «изъ давнихъ лѣтъ собрався изъ разныхъ мѣстъ», живутъ выговцы «въ Олонецкомъ уѣздѣ на Выгѣ», и «имѣютъ правило по древнимъ книгамъ Московской печати древнихъ лѣтъ выходовъ»; и такъ какъ выговцы просили, чтобы «и впредь имъ такъ быть», то Меньшиковъ приказывалъ, чтобы выговцы были «съ сего числа во всякомъ послушанiи, какъ и прочихъ погостовъ жители», а съ своей стороны, повелѣвая прислать «письмо» съ изложенiемъ, въ чемъ нужаются, обѣщалъ лично ходатайствовать за выговцевъ предъ государемъ. Слѣдствiемъ это было слѣдующее.

7 сентября 1705 года выговцы добились весьма важнаго указа, которымъ «выгорѣцкiе жители» Тихонъ Ѳеофиловъ и Никифоръ Никитинъ собственно назначались: первый «старостою» для жителей всего Выгорѣцкаго суземка, а второй—его помощникомъ, «выборнымъ», такъ какъ «ихъ всѣ выгорѣцкiе жители выбрали къ мiрскимъ дѣламъ и выборъ за руками прислали», и которымъ въ то же время всѣ выгорѣцкiе жители ставились въ особое, привиллегированное, положенiе, какъ это легко видѣть въ отдѣльныхъ пунктахъ указа. Пунктъ 7: «отъ постороннихъ всякихъ людей тѣхъ всѣхъ новопоселенныхъ жителей оберегать, и въ обиду никому не давать». Пунктъ 8: «какiя имъ, выгорѣцкимъ жителямъ, еще для распространенiя, въ прибавку, надобны земли и угодья, и иныя довольности, и то, по доношенiю, что можно, все дано будетъ». Пункъ 10: «А впредь уставить старостѣ и выборному, къ работамъ чтобъ всѣ межъ себя имѣли уравненiе по людемъ, по пашнѣ, и по промысламъ, и по живностямъ, безъ спору, и иныхъ погостовъ льготнѣе». Пункъ 11: «А которые живутъ въ общежительствѣ, и отъ тѣхъ имѣть имъ, старостѣ и выборному, отъ начальныхъ надъ ними всякую вѣдомость, и на работы, буде отъ нихъ почему доведется быть, и то имѣть съ нихъ же повелѣнiя, а самимъ отнюдь дерзновенiя никакого надъ общежительными не чинить». Пунктъ 12: «Руду вновь сыскивать, и кто сыщетъ, о тѣхъ доносить; и имъ дано будетъ государево жалованiе, и отъ работы будутъ свобождены». Пунктъ 13: выговцы «опасенiя не имѣли бъ въ томъ, чтобъ излишней тягости работной быть;

для того, по доношенію старосты и выборнаго, даны будуть, для вспоможенія въ работѣ, кто надобны, изъ погостовъ». Пунктъ 15: «А какія дѣла сверхъ сихъ статей будутъ, о томъ доношеніе имѣть». О чемъ свидѣтельствуетъ это упоминаніе объ обереганіи выговцевъ, о прибавкѣ имъ земель и угодій, о льготности ихъ по исполненію работъ, объ обѣщаніи выговцамъ помощи въ работахъ назначеніемъ къ работѣ людей изъ погостовъ,—о чемъ, какъ не о томъ, что выговцы становились въ положеніе именно привиллегированное, равнаго которому раскольники другихъ мѣстностей тогда не имѣли [31]).

12 мая 1711 года былъ данъ новый указъ выговцамъ: Андрею Денисову «съ товарищи», которымъ повелѣвалось, чтобы «впредь никто» выговскимъ «общежителямъ» и «посланнымъ отъ нихъ обидъ, и утѣсненія, и въ вѣрѣ по старопечатнымъ книгамъ помѣшательства, отнюдь не чинилъ, подъ опасеніемъ жестокаго истязанія». Въ указѣ упоминается, что Андрей Денисовъ подавалъ жалобу: «когда де посылаются отъ нихъ въ уѣздъ, и на море ради промысловъ, и въ городы для покупки на прокормленіе, и для торгу», тѣмъ «отъ всякихъ чиновъ, а паче отъ духовнаго, чинятся имъ обиды, и въ вѣрѣ помѣшательство, также и проѣзжіе всякаго чина люди заѣзжаютъ съ большихъ дорогъ въ сторону, и берутъ подводы, отъ чего имъ чинится не малое разореніе». Въ силу даннаго указа выговцы имѣли не только право вести свои промыслы и торговлю, но имѣли и огражденіе отъ «помѣшательства въ вѣрѣ», иначе говоря: получили свободу открыто пропагандировать расколъ [32]).

5 марта 1714 года состоялся третій указъ на имя Андрея Денисова, послѣдовавшій также по его жалобѣ. Денисовъ писалъ, что «живетъ онъ въ Выговской пустыни по своему обѣщанію, удаляясь мірскихъ суетъ и мятежей; а въ пищахъ и одеждахъ, отъ своихъ трудовъ, въ тѣхъ пустыхъ мѣстахъ, пашнею и милостынею, за далекостью отъ жительствъ, удоволиться нечѣмъ, и терпятъ» они, выговцы, «нужды»; а выѣхать на море, и около его въ лѣсахъ, гдѣ надлежитъ, трудами жъ на общежительство уловить отъ рыбъ и отъ звѣрей такъ же, какъ, пріѣзжая, тутошніе жители кормятся, платя

[31]) Рукоп. Софійской библіотеки № 1543, лл. 21—24. Рукоп. И. П. Б. F. XVII. 53, л. 24 обор.

[32]) Рукоп. Соф. библ. № 1543, л. 25—26.

пошлины», они, выговцы, не смѣютъ, «понеже заставные люди и иные всякіе жители спрашиваютъ» у нихъ «указъ». Денисовъ просилъ, чтобы «великій государь пожаловалъ» — «велѣлъ дать» имъ «свой, великаго государя, указъ; и съ того указа посланнымъ изъ той пустыни» даны бы были «списки», т. е. паспорты, чтобы этимъ «спискамъ» всѣ «вѣрили». Въ указѣ на это данъ былъ такой отвѣтъ: «и по тому вашему челобитью, буде въ которыхъ мѣстахъ вольные есть промыслы, кто похощетъ рыбу и звѣрей ловить, и вамъ также бы противъ тѣхъ чинить, явяся, гдѣ надлежитъ, и пошлину платя, потому что вы въ работахъ вѣдомы къ Олонецкимъ желѣзнымъ заводамъ. И съ сего указа давать вамъ посланнымъ отъ васъ списки», т. е. паспорты; «а на заставахъ и во всѣхъ мѣстахъ сему указу вѣрить» [33]).

Итакъ, выговцы въ первое пятнадцатилѣтіе XVIII вѣка получили землю и угодія, получили право вести торговлю, право ловить рыбу и звѣрей, право свободно содержать свою вѣру, и благодаря всему этому, ихъ община быстро пошла въ ростъ.

Причиною такого снисходительнаго отношенія къ выговцамъ со стороны правительства Петра I было то, что выговцы были усердными работниками на вновь построенныхъ Петровскихъ заводахъ. Когда эти заводы строились, то «съ господиномъ Патрушевымъ» выговцамъ былъ присланъ указъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы выговцы «въ работахъ къ Повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей», потому что «его императорскому величеству для войны шведской и для умноженія оружія и всякихъ воинскихъ матеріаловъ» есть большая нужда, для чего строятся и эти заводы» [34]). Прочитавши указъ и посовѣтовавшись между собою, выговцы рѣшили написать государю челобитную, которая была представлена по назначенію Патрушевымъ чрезъ князя Меньшикова. Въ состоявшемся по этой челобитной указѣ, присланномъ выговцамъ чрезъ вице-комендапта Чоглокова, повелѣвалось «быть вѣдомымъ выгорѣцкимъ пустынножителемъ къ Повѣнецкимъ желѣзнымъ заводамъ въ рудоисканіи и въ подъемѣ; а въ вѣрѣ быти имъ свободнымъ, по прошенью ихъ, и дана съ Петровскаго за-

[33]) Рукоп. Соф. библ. № 1543, лл. 27—28.

[34]) Заводы эти были устроены: одинъ на рѣкѣ Лососинкѣ, а другой близъ Повѣнца („Русск. Обозр.“ 1894, январь, стр. 140).

вода позволительный указъ первому старостѣ Тихону Ѳеофилову, который поставленъ въ Суземкѣ, чтобы поселятися кому гдѣ надобно и свободно». И вотъ, «съ того времени»,—говорится въ Исторіи Выговской пустыни,—«нача Выговская пустыня быти подъ игомъ работы его императорскаго величества у Повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на Петровскомъ заводѣ, и начаша людіе съ разныхъ городовъ, старовѣрства ради, отъ гоненія собиратися и поселятися на блатахъ, по лѣсамъ, между горами, и вертепами, и озерами, въ непроходныхъ мѣстахъ, скитами и келіями, гдѣ кому возможно» [35]). На Петровскихъ заводахъ выговцы завели особаго «стряпчаго» по своимъ дѣламъ, каковымъ долгое время состоялъ Захарій Стефановъ, выходецъ Толвуйскій [36]).

Въ первое время развитію общинной жизни на Выгѣ много препятствовали «зяблые годы». Въ «Выгорѣцкомъ лѣтописцѣ» подъ 1705 годомъ сказано: «Годы зяблые семь лѣтъ были» [37]). «И бысть въ то время гладъ, и хлѣбный недородъ, и частыя зябели, и годы зеленые,—говорится въ Исторіи Выговской пустыни,—хлѣбъ не соспѣваше, и бысть велія хлѣбная скудость и гладъ... Тѣмъ же толчаху солому, и сосновую кару, и траву ѣдяху не малое время. И отъ такой великой нужды многіе не могоша оной нужды понести, съ Суземка съѣхаша», частію въ Нижегородскія пустыни, частію въ другія мѣста [38]). Вслѣдствіе этого число насельниковъ Выга въ это время довольно сократилось. Пришедшій на Выгъ около 1707 года и проживній здѣсь пять лѣтъ Василій Ивановъ Барминъ показывалъ въ 1722 году, что на Выгѣ «бѣльцовъ мужеска полу съ двѣсти человѣкъ» [39]). Денисовъ употребилъ, однако, всѣ усилія, чтобы поддержать и сохранить начатое на Выгѣ общежитіе. Прежде всего «обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ міру принесено

---

[35]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 114—115.

[36]) Тамъ же, стр. 308—309.

[37]) Выгорѣцкій лѣтописецъ при „Извѣщеніи“ Григорія Яковлева, стр. 150. Въ „житіи“ Андрея Денисова говорится, что „гладное искушеніе“ продолжалось больше „десятолѣтнаго обхожденія“ (Рук. И. П. Б. изъ собранія Погодина, № 1276, л. 54 ср. 82).

[38]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 109, 123, 137.

[39]) Опис. док. и дѣл. Синода. II, 1, стр. 790. По Исторіи Выговской пустыни въ это время въ „братствѣ“ было „числомъ до полуторыхъ сотъ и больше мужеска пола“ (стр. 109).

было: деньги, серебряныя монисты, и платье». Затѣмъ, Андрей Денисовъ съ нѣкоторыми изъ братіи поѣхалъ на Волгу, гдѣ тогда хлѣбъ былъ очень дешевъ: «четверть въ двѣ гривны». Частію купивъ хлѣбъ, частію выпросивъ въ милостыню, Денисовъ переправилъ его по Волгѣ и Шекснѣ до Вытегры, а отсюда въ Пигматку — Выговскую пристань на Онежскомъ озерѣ. «А изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ монастырь, и носяще рожь парепую посаки, и ѣдяху». Такимъ образомъ, насущная нужда была отчасти удовлетворена, но все же «въ то время бысть въ монастырѣ,—по словамъ Филиппова, — великая скудость и нужда хлѣбная, и всякихъ потребъ» [40]). «Въ Выгозерскомъ погостѣ» выговцы «взяша воды ловецкія въ Выгозерѣ на кортому», т. е. на откупъ, «такожде и на Водлозерѣ, и по инымъ озерамъ [41]) начаша рыбы ловити вездѣ, и уловиша рыбы, съ рыбою и съ рыбными штями соломенный хлѣбъ ядуще». На Выгозерѣ «въ рыбной ловитвѣ» отличался Трифонъ Пименовъ, уроженецъ погоста Шунгскаго [42]). Кромѣ Андрея Денисова поѣздку въ эти «зяблые годы» совершалъ еще Леонтій Өедосѣевъ, ѣздившій въ Новгородъ, Псковъ, Москву, и «братскія нужды правяше добрѣ... вельми помогаше, во всѣхъ правленіяхъ и совѣтахъ братскихъ, настоятелямъ и нарядникамъ»,— Иванъ Германовъ, уроженецъ села Толвуйскаго, ѣздившій въ Нижній Новгородъ,—Захарій Стефановъ, выходецъ изъ того же Толвуйскаго села, пришедшій на Выгъ «съ первыхъ годовъ» [43]).

При такихъ условіяхъ явилась мысль искать новое мѣсто для поселенія. Искали не мало по Поморью, по Волгѣ, въ Сибирскихъ «краяхъ». Удобное мѣсто для пашни нашли въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Чаженгѣ, въ 6 верстахъ за

---

[40]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 109—110.

[41]) На Волокозерѣ у выговцевъ была построена изба для рыболововъ еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка, какъ видно изъ показанія крестьянина Ивана Емельянова, которое указано въ грамотѣ Аѳанасія архіепископа Холмогорскаго 1702 года („Хр. Чт." 1904, т. CCXVII, стр. 749).

[42]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 137, 287. Раньше выговцы занимались рыбной ловлей на Водлозерѣ, въ Верховскихъ озерахъ, потомъ—на Онежскомъ озерѣ, Волокозерѣ, Шунозерѣ. Здѣсь много лѣтъ трудился нѣкто Стефанъ Васильевъ Смольникъ, выходецъ отъ Сумскаго острога. Вылавливаемую рыбу отвозили на ярмарки и на Петровскіе заводы, не считая поставки на Выгъ и Лексу (Тамъ же, стр. 316—317).

[43]) Тамъ же, стр. 267—268, 288, 306—307.

погостомъ Задняя Дуброва [44]). Землю осматривалъ самъ Андрей Денисовъ. «Осмотрѣша съ тамошними жителями и вси похвалиша, что оная земля къ пашнѣ вельми пристойна». Новгородскому губернатору Якову Корсакову написали прошеніе о желаніи пріобрѣсти эту землю. Тотъ назначилъ всеобщіе торги на землю и, когда всѣ прочіе отъ покупки земли отказались, она оставлена была за выговцами «на оброкъ». Пріобрѣтенная земля по объему была такова, что «во всѣ стороны» простиралась «на шестнадцать верстъ». Выговцы поставили здѣсь келіи, «начаша пашню пахати и скотъ держати: къ лѣту для пашни начаша братію посылати съ лошадьми, а зимою къ дому отъѣзжающе, а тамо малые люди остающеся для молоченья». «Въ пашняхъ вельми искусны были: Иванъ Емельяновъ, изъ деревни Хапезера,—Яковъ, житель Повѣнца, пришедшій на Выгъ «съ первыхъ лѣтъ»,—Трифонъ Петровъ, выходецъ изъ села Кузаранскаго, пришедшій также «съ первыхъ годовъ»,—Яковъ Стефановъ, выходецъ изъ села Космозерскаго. Старостою въ этомъ дѣлѣ былъ Кириллъ Емельяновъ, изъ дер. Лапиной. Покупка земли на Чаженгѣ произошла въ 1710 году [45]).

Такъ какъ «зяблые годы» на Выгѣ все продолжались, а въ плодородіи на Чаженгѣ выговцы въ теченіе первыхъ же лѣтъ владѣнія этимъ мѣстомъ увѣрились, то рѣшились было уйти съ Выга совсѣмъ, поселившись на Чаженгѣ. Но осуществить эту мысль не удалось. «Съ общаго совѣта послаша съ челобитной, для взятія указа, въ Новгородъ» Семена, брата Андрея Денисова, «съ товарищи» [46]). Нарубили уже много и лѣса для построекъ на Чаженгѣ. Но по доносу нѣкоего Семена Лыскова, жившаго нѣкогда на Выгѣ, Денисовъ былъ арестованъ въ Новгородѣ, посаженъ въ «Орлову темницу», въ которой просидѣлъ четыре года. Занятые хлопотами объ освобожденіи Семена, выговцы оставили намѣреніе переходить

[44]) Опис. док. и дѣлъ Синода X, стр. 631—632.

[45]) Тамъ же, стр. 138, 290—291, 295, 318, 319.

[46]) Когда, въ какомъ году, это случилось? Въ одной рукописи Исторіи Выговской пустыни сказано, что „поимка Семена Денисова въ Новгородѣ", случившаяся въ эту поѣздку, произошла „лѣта 7223, декабря 10" (Рукоп. Кіевской академіи, изъ собранія митр. Макарія № Аа. 120, гл. 33), т. е. въ 1714 году. Но въ прошеніи выговцевъ государю, подписанномъ 16 сентября 1714 года, говорится, что Семенъ Денисовъ былъ посланъ въ Новгородъ въ 1713 году (*Есиповъ*. Раскол. дѣла XVIII вѣка, I. стр. 305).

съ Выга, тѣмъ болѣе, что и «зяблые годы» здѣсь тогда прекратились [47]).

Между тѣмъ, получивъ въ 1711 и 1714 годахъ указы относительно промысловъ и торговли, выговцы постепенно развивали то и другое. Путешествуя въ «зяблые годы» по разнымъ городамъ Россіи, не исключая и Москвы, Андрей Денисовъ «нача у добрыхъ людей на торгъ изъ половины денегъ просити; добрые же люди денегъ ему въ торгъ даяху». Денисовъ, выбравъ надежныхъ людей изъ братіи, началъ посылать ихъ въ Низовые города хлѣбъ покупать и доставлять таковой въ Петербургъ. «И видя ихъ,—говоритъ Филипповъ,—такую нужду, а въ торгу правду, начаша имъ давати денегъ въ торгъ. И бысть сперва торгъ малый». Но «и отъ того торга начаша братству нѣкое споможеніе чинити: по вся годы хлѣбные припасы къ дому посылаху, чрезъ Вытегру водою въ Пигматку; въ то время на Вытегрѣ распространяхуся хлѣбные торги, и судовые промыслы, и бысть на Вытегрѣ велія судовая пристань въ Вянгахъ». Сначала выговцы ѣздили для торговъ на «старыхъ судахъ», а потомъ, когда Петръ I сдѣлалъ распоряженіе «суды строити всѣмъ новоманерные», завели суда новой конструкціи. «На Петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ» выговцы построили «постойные хоромы и амбары, и своихъ людей держаша» здѣсь «для торга и пріѣзда своихъ» [48]). Въ разныхъ мѣстахъ по дѣламъ «купечества» выговцы завели довѣренныхъ лицъ, которыя назывались «прикащиками». Таковые прикащики состояли: въ Архангельскѣ, въ Сибири, на границѣ Сибирской, на Мезени, въ Низовыхъ городахъ Волги, въ Петербургѣ [49]).

Кромѣ рыбной ловли, выговцы промышляли еще ловлей звѣрей, сначала на рѣчкѣ Пьоша, между Мезенью и Пустозерскомъ, а потомъ, послѣ 1707 года, на Канином носу. Первое время здѣсь годами жилъ Лука Ѳедоровъ, пришедшій на Выгъ около 1700 года, впослѣдствіи «соборный братъ», уроженецъ села Кижи. Съ нимъ жили здѣсь: Иванъ Вонифатьевъ, уроженецъ города Колы, грамотный человѣкъ и «знавшій Писаніе»,—Прокопій Семеновъ, уроженецъ погоста Толвуйскаго, ходившій на море «передовымъ человѣкомъ и кормщикомъ»,—Иванъ Емельяновъ, выходецъ изъ деревни Хашезера, прихода

[47]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 144—145, 148.

[48]) Тамъ же, стр. 139—141.

[49]) Извѣщеніе праведное, стр. 138—139.

села Шунгскаго, пришедшій еще на «старый заводъ», и ходившій для ловли звѣрей и рыбы, кромѣ Канина носа, на море Мурманское, на озеро Ладожское, на островъ Валаамъ, на Новую Землю [50]).

Между тѣмъ, и даже гораздо ранѣе, заводились постройки въ самомъ общежитіи, на Выгѣ. Чрезъ годъ послѣ поселенія на Выгѣ была построена часовня, во имя Преображенія Господня [51]), заведена столовая. Трапеза при часовнѣ была раздѣлена на двѣ половины: одна для мужчинъ, другая для женщинъ, потому что тѣ и другія и въ повседневной жизни жили въ двухъ отдѣленіяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Поставили «скотскіе дворы»: конный на братской сторонѣ, коровій—на женской. Около всего монастыря—ограду, а по срединѣ—стѣну съ малой келіей, имѣющей окно на «братскую» половину — «для прихода братіи къ своимъ сродницамъ для свиданія и иныхъ ради братскихъ нуждъ». Потомъ поставили двѣ «большія низменныя келіи»: одна возакамъ стоять, другая—лучину щепать и дровни дѣлать. Эта вторая «келія» была двухэтажная: въ верхнемъ этажѣ помѣстили чеботную. Затѣмъ, близъ столовой поставили больницу «немощнымъ людямъ и старымъ» [52]). Опять и эта «келія» имѣла два этажа: въ верхнемъ этажѣ сдѣлали швальню портнымъ. Далѣе, построили особыя келіи: Пафнутію Соловецкому, Андрею Денисову съ его отцомъ и братьями, Петру Прокопьеву, Даніилу Викулову. Наконецъ, на женскомъ отдѣленіи построили челядню и портомойную [53]). Мосты для проѣзда чрезъ рѣки Выгъ и Сосновку устроилъ нѣкій Аверкій, пришедшій изъ Оймогубской волости, и постриженный подъ именемъ Антонія Пафнутіемъ Соловецкимъ [54]). Все это было

[50]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 166—168, 282—283, 286—287, 319—320. Ср. житіе Ивана Вонифатьева — Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 164—171 обор.

[51]) Впослѣдствіи переименовали и назвали ее часовнею „Богоявленія Господня“ (Извѣщеніе праведное, стр. 32. М. 1888).

[52]) Первое время, лѣтъ 20-ть, при больницѣ служилъ выходецъ съ Устюга Великаго нѣкто Ѳеодоръ, пришедшій на Выгъ съ самаго начала, еще съ Даніиломъ Викуловымъ, и постриженный потомъ Пафнутьемъ Соловецкимъ подъ именемъ Ѳеодосія (Ист. Выгов. пустыни, стр. 278—280).

[53]) Тамъ же, стр. 106, 108, 112—113.

[54]) Аверкій пришелъ на Выгъ когда только еще „начинашеся жительство въ пустыни“ и прожилъ здѣсь семь или восемь лѣтъ (Тамъ же, стр. 53—54).

ранѣе іюня 1705 года, когда умеръ отецъ Андрея, здѣсь упоминаемый [55]).

Такъ какъ все устройство общежитія было заведено «по чину монастырскому», то и «на всякія службы монастырскія» назначили особыхъ распорядителей подъ именами «соборныхъ»: архиктиторовъ, киновіарховъ, эклисіарховъ, келарей, подкеларниковъ, нарядниковъ, казначеевъ, старость (чеботной, портной, кожевенной, мѣдной, кузнецкой, возаческой), гостинщиковъ (внутренній, внѣшній) [56]). Коновіархомъ былъ Даніилъ Викуловъ, архиктиторомъ Андрей Денисовъ [57]). Около 1713 года старшимъ нарядникомъ былъ избранъ «соборный» братъ Лука Θедоровъ: онъ долженъ былъ «надсматривать вся монастырскія службы»: торги, морскіе промыслы, производство хлѣбопашества, и вообще всѣхъ прочихъ нарядниковъ, а также слѣдить за денежнымъ приходомъ и расходомъ. Изъ числа другихъ нарядниковъ Исторія Выговской пустыни упоминаетъ Павла Космозерскаго, Ивана Германова, выходца изъ села Толвуйскаго, замѣчая, что Иванъ «въ монастырѣ надъ работниками въ нарядствѣ пребываше, и добрѣ службу свою правяше, съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ, вельми бо къ тому и къ строенію искусенъ бяше, и при своемъ нарядствѣ дворъ конной добрѣ построи» [58]). Рубашечнымъ казначеемъ — «для раздачи рубашекъ, и принимати отъ братіи, и въ мытье отдавати, и новыя шити и давати, и на коровьемъ дворѣ, у привратной, надсматривати всякое благочиніе и охраненіе» — былъ назначенъ Тимоѳей Трифоновъ, выходецъ изъ села Кузоранскаго, заявившій себя ранѣе «великими трудами» при постройкѣ монастыря и на пашнѣ. Казначеемъ «для раздачи одежды и обуви» былъ Зотикъ Емельяновъ, изъ деревни Хашезера, прихода села Шунгскаго. Нарядникомъ на Пурнозерскомъ заводѣ «съ первыхъ годовъ» былъ Иванъ Емельяновъ, выходецъ изъ деревни Лапиной близъ Сумъ [59]). Если въ 1705 году старостою для суземка былъ поставленъ Тихонъ Θеофиловъ, то позднѣе, именно въ 1724 году, обращались съ просьбами къ «выгорѣцкаго суземка старостѣ Θедору

[55]) Тамъ же, стр. 106.

[56]) Извѣщеніе праведное, стр. 32, 138.

[57]) Тамъ же, стр. 70, 73.

[58]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 166—167, 288, 289.

[59]) Тамъ же, стр. 293—294, 318—319.

Ларіонову» [60]). Старостамъ велѣно было «разрядить братію на пятки, и ко всякому пятку старѣйшаго или надсмотрителя устроить».

Видя неудобство нахожденія женскаго отдѣленія монастыря близь мужского, не смотря на то, что «въ келіи и предѣлы постницъ братіи входить» не было велѣно съ самаго начала,— рѣшили перевести это отдѣленіе на рѣку Лексу, гдѣ дотолѣ была только пашня, въ разстояніи двадцати верстъ отъ Выга. Такъ возникла «Пречестная обитель дѣвственныхъ лицъ честнаго и животворящаго креста Господня» [61]). Это было въ 1706 году. Поставили на Лексѣ часовню, столовую общую, кельи для жилья въ отдѣльности, скотскій дворъ, и обнесли все это помѣщеніе оградою по подобію Выговскаго общежитія. Вмѣсто игумении назначили «начальную матку»—престарѣлую старицу Февронію, «строительницей» — матку Пелагію [62]), казначеей — Екатерину Дементьеву [63]), уставщикомъ церковнымъ и «для вѣдѣнія божественнаго Писанія» — Соломонію, сестру Андрея Денисова, клирошанку Ирину—ей помощницею. Назначили также «пѣвцовъ, псаломщиковъ и прочихъ служителей по вся дни службу совершати по церковному уставу непремѣнно». Даніилъ Викуловъ, Андрей Денисовъ и Петръ Прокопьевъ часто приходили на Лексу «надсматривать и уставлять имъ чинъ». «Надъ всѣми трудами, надъ трудницами», поставили «десяцкихъ» изъ старицъ и бѣлицъ. Вообще «весь уставъ» женской Лексинской обители установили «противъ братскаго Выговскаго монастыря всенепремѣнно». Такъ же, какъ и тамъ, здѣсь было введено ежедневное богослуженіе, установлена общая для всѣхъ трапеза, во время обѣда и ужина чтеніе, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ всенощныя бдѣнія. Для исполненія работъ по пашнѣ и для другихъ тяжелыхъ «трудовъ» съ братской поло-

[60]) Опис. док. и дѣл. Синода, VI, стр. 393. Рукоп. И. П. Б. Q. I, 1065, л. 64 обор.

[61]) Извѣщеніе праведное. стр. 32. Рукоп. И. П. Б. Q. I, 1065, л. 67.

[62]) Въ Исторіи Выговской пустыни Пелагія названа сестрою извѣстнаго Захарія Стефанова. Пострижена въ иночество Пафнутіемъ Соловецкимъ. Была „вельми кротка и смиренна, кротко ступаніе, и взоръ, слово съ любовію ко всѣмъ растворено, и поставиша ю надъ сестрами большухою“ (стр. 347—348).

[63]) Въ Исторіи Выговской пустыни о Екатеринѣ Дементьевой говорится, что она жила на Выгѣ 39 лѣтъ, правила ежедневно по 1000 поклоновъ, „много время и власяницу на ногу тѣлу носила“ (стр. 365).

вины на Лексу были посланы особые служители съ надсмотрщикомъ Исаакомъ Ефимовымъ, родственникомъ Даніила Викулова. Эти служители жили въ особыхъ келіяхъ, близъ монастыря, на горкѣ. У воротъ монастырскихъ была поставлена келія «для свиданія сродственниковъ», да для «надсмотра» за этимъ опредѣлены двѣ или три «привратницы»; также «и отъ братіи—старика», которому было поручено «приводить и отводить» посѣтителей. Выстроены были на Лексѣ: мельница [64]), толчея, келія, больница, поварница, трапеза, портомойная, челядня, амбары, не считая келій для жилья [65]). Около 1725 года Андрей Денисовъ надумалъ было «новый строити монастырь женску полу, понеже старое мѣсто монастыря» казалось «зѣло тѣсно и мало, и невозможно было келіи прибавляти тѣсноты ради мѣста». Но братія съ этимъ предложеніемъ своего настоятеля не согласилась и большинствомъ голосовъ таковое отвергла [66]).

При постройкѣ Лексинской женской «обители», какъ и ранѣе при постройкѣ общежитія на Выгѣ, а позднѣе — на Чаженгѣ большую «ревность» въ трудахъ показали: кузнецъ Тимоѳей, по прозванію Корѣльскій, пришедшій еще до начала построекъ на Выгѣ, въ иночествѣ Тихонъ,—Никифоръ Астраханецъ, въ иночествѣ Никола [67]),—Михаилъ Павловъ, выходецъ изъ села Шунги,—Павелъ Лаврентіевъ, изъ села Космозерскаго,—Иванъ Зиновьевъ, пришедшій изъ села Толвуйскаго на Выгъ еще «на старый заводъ», хорошій плотникъ, построившій на Выгѣ часовню, толчею и мелею, вообще въ плотничномъ дѣлѣ «ходившій передовымъ» [68]).

Такъ отдѣливъ женское общежитіе, на Выгѣ оставили изъ женщинъ жить немногихъ,—не въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде жилъ здѣсь женскій полъ, а въ другомъ, за горкою, близъ кладбища. Здѣсь построили коровій дворъ, челядню, портомойную, молошницу; все это было обнесено оградой, у воротъ которой поставили келію «для свиданія сродственниковъ

---

[64]) На мельницѣ на Выгѣ нѣсколько лѣтъ трудился Климентъ, пришедшій изъ-за Шведскаго рубежа и на Выгѣ крещенный (Тамъ же, стр. 328—329).

[65]) Тамъ же, стр. 134—135, 192. Лексинскій уставъ 1706 года—Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1065, лл. 41—42.

[66]) Тамъ же, стр. 197—198.

[67]) Тамъ же, стр. 287—288.

[68]) Тамъ же стр. 289, 292—293

и для всякихъ братскихъ нуждъ приходящихъ». Для наблюденія здѣсь были поставлены «привратницы и надсмотрщицы». Здѣсь останавливались пріѣзжавшіе на Выгъ съ Лексы. Мѣсто это обыкновенно называлось «коровьимъ дворомъ» [69]).

Первымъ дѣломъ каждаго члена Выговской общины считалось богомоленіе, которое было общее и домашнее. Сначала, когда только еще заводили церковную службу, «поставили Петра Прокопьева въ чинъ экклесіаршескій, и къ нему пособниковъ: пѣвцовъ, псаломщиковъ и канонархистовъ избраша». Въ отлучку Петра его обязанности исполнялъ Леонтій Өедосѣевъ, поповъ сынъ села Толвуйскаго. По замѣчанію Исторіи Выговской пустыни «въ то время» на Выгѣ было «вельми скудно»: службу отправляли съ лучиною, иконъ и книгъ въ часовнѣ было очень мало, колоколовъ при часовнѣ не было и созывались къ богослуженію ударомъ въ доску. Потомъ пришли съ Москвы два мужа, вѣдущіе Писаніе: Прокопій Макарьевъ и Василій, въ иночествѣ Варлаамъ, и «изъ другихъ мѣстъ иные многіе». Съ того времени «начаша по праздникамъ всенощныя пѣти, по чину церковному, такожде и по воскреснымъ днямъ». Завелось чтеніе «книги»: послѣ утрени до Часовъ, послѣ полдней, послѣ ужина, и во время обѣда и ужина [70]). Первое время мѣсто такого чтеца занималъ вышеупомянутый Леонтій Өедосѣевъ, «первый по настоятелѣхъ», пришедшій на Выгъ еще «съ первыхъ лѣтъ». Съ самаго начала онъ былъ «прилеженъ къ чтенію, съ великою вѣрою и усердіемъ часто читаше книги... Видяще же отцы... его добродѣтельное начинаніе, повелѣваху ему братіи, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ, послѣ уденья книгу читати. Онъ же... читаше книги съ великимъ усердіемъ, и разумно бяше зѣло чтомое отъ него всѣмъ послушающимъ. Братія же вельми его любляху и почитающе не яко брата, но яко отца» [71]). Такъ устраивалась жизнь внутри самаго Выга [72]).

Недостатокъ книгъ и иконъ въ часовнѣ выговцы, впрочемъ, скоро восполнили. «Начаша посылати по градамъ изъ

[69]) Тамъ же, стр. 135—136, 261.

[70]) Тамъ же, стр. 107—108.

[71]) Тамъ же, стр. 266—267.

[72]) Братъ Леонтія Димитрій Өедосѣевъ, исполнявшій обязанности сторожа, пришелъ на Выгъ вскорѣ послѣ Леонтія, еще въ XVII вѣкѣ. Онъ же заводилъ часы и ставилъ поверстные столбы (Тамъ же, стр. 271).

своихъ, овогда Андрея Діонисіева съ братомъ Семеномъ, овогда и Петръ Прокопьевъ ѣздяше въ Новгородъ и Псковъ съ Гавріиломъ Семеновымъ, овогда Леонтій Поповъ Толвуйской: и начаша имъ добрые люди, милостивцы, подаяніе давати: овъ деньгами, овъ книгами и иконами, овъ хлѣбомъ. Такожде даваху на Псалтырь по умершимъ на поминовеніе» [73]). Особенно много ѣздилъ Андрей Денисовъ въ «нуждные годы», когда на Выгѣ длился голодъ: былъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Кіевѣ, и во многихъ другихъ городахъ. И вездѣ и всюду «промышляше книги и осматриваше: овыя покупаше, а овыя списываше, испытуя, како въ древнемъ благочестіи утверждатися и стояти». «И что у христолюбцевъ добываше, къ дому посылаше» [74]). Много трудился надъ собраніемъ книгъ и Петръ Прокопьевъ: онъ собиралъ житія святыхъ, покупая ихъ и списывая, и набралъ 12-ть книгъ Миней, которыя потомъ стали читаться на Выгѣ «по вся дни» [75]).

Сначала на Выгѣ «мало было знающихъ пѣвцовъ по знамени». Таковыми считались только: «отецъ Даніилъ, Петръ Прокопьевъ, да Леонтій Ѳеодосѣевъ: а иные наслышкою пояху за ними по крылосамъ». Когда построена была «обитель» на Лексѣ, то Андрей Денисовъ, посовѣтовавшись съ Даніиломъ Викуловымъ, «собра грамотниць, старыхъ и малыхъ, которыя не учены пѣнію, и нача ихъ самъ учити пѣнію». Нѣкоторыя выучивались скоро [76]).

Заведя училище на Выгѣ для обученія грамотѣ «молодыхъ дѣтей», Денисовъ завелъ и на Лексѣ школу писцовъ, «чтобы право писати». Въ обученіи грамотѣ принимали участіе: Иванъ Вонифатьевъ, Петръ Прокопьевъ и нѣкій Петръ изъ Колы, въ иночествѣ Пафнутій, пришедшій на Выгъ въ «первые годы» и бывшій въ школѣ даже «старостою» [77]).

Живя на Выгѣ, насельники общежитія старались использовать всѣ дары окружающей природы. Такъ, выговцы жили въ лѣсу, гдѣ можно было широко заниматься производствомъ смолы и дегтя. Въ Исторіи Выговской пустыни занесенъ дѣлецъ и на этомъ поприщѣ. Таковъ былъ Матвѣй Стефановъ,

[73]) Тамъ же, стр. 136.
[74]) Тамъ же, стр. 139.
[75]) Тамъ же, стр. 157.
[76]) Тамъ же, стр. 141.
[77]) Тамъ же, стр, 107. 157. 257. Житіе Ивана Вонифатьева — Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 164—171 обор.

выходецъ изъ села Космозерскаго, получившій постриженіе еще отъ Пафнутія Соловецкаго.

Имѣли также большія стада скота, зимою занимаясь выдѣлкою кожъ [78]).

Практиковалось на Выгѣ и юродство. Исторія Выговской пустыни называетъ юродовъ: Ермолая Амосова, выходца изъ села Шунгскаго, и нѣкоего Тита изъ Олонца. Оба эти лица «никогда новой обуви и одѣянія себѣ изъ казны не взимаше, и мѣста себѣ опредѣленнаго въ келіи не имѣяше»; одежду носили самую «плохую, искропанную и разодранную». Скитаясь по общежитіямъ, они переходили съ Выга на Лексу и обратно, иногда дѣлая кое что, иногда занимаясь предсказаніями [79]).

Послѣ 1715 года, когда мысль о переходѣ съ Выга на другое мѣсто была оставлена совсѣмъ, положеніе Выговской пустыни все улучшалось: все, что ранѣе было начато по организаціи жизни Выга, теперь совершенствовалось и приводилось въ систему, рыбные и звѣрпные промыслы теперь получили широкіе размѣры, торговля увеличилась и улучшилась, и жизнь Выговской пустыни, можно сказать, зацвѣла. Тяжелыхъ и горестныхъ событій въ это время почти не было. За данный періодъ можно отмѣтить развѣ только взятіе подъ стражу Даніила Викулова.

Это было въ 1718 году, когда на Выгъ еще не успѣлъ придти бѣжавшій изъ Новгородской тюрьмы Семенъ Денисовъ. Одинъ колодникъ, нѣкогда жившій на Выгѣ, сказалъ за собою «слово и дѣло», показавъ на выговцевъ. Даніила Викулова и «лучшихъ людей» велѣно было взять «къ розыску». Даніилъ въ это время случайно, по своимъ потребностямъ, пріѣхалъ на Петровскіе заводы. И вотъ его «взяша за караулъ и посадиша въ приказъ». «А по иныхъ послаша капитана, да съ нимъ 12 человѣкъ или больше солдатъ» на Выгъ. «И бысть тогда въ монастырѣ, и въ скитахъ, велій страхъ и ужасъ, и трепетъ на всѣхъ, наипаче же во обителехъ. И капитанъ, пріѣхавъ, нача спрашивати по реестру именами: овыхъ имена прописаны, а овыхъ отчество» только, «а иніи уже преставилися... И взявъ сказки подъ смертною казнью, что такихъ людей у нихъ, въ монастырѣ, не сыскалося на лицо и

[78]) Тамъ же, стр. 296. 323—324. Выдѣлкою кожъ занимался Алексѣй Лаврентьевъ Корельской, пришедшій сюда еще „на первый заводъ“.

[79]) Тамъ же, стр. 296—298. 324—325.

не бывало, свезе сказку на заводы. А иныхъ, прямыхъ людей, капитанъ не взя съ собою». Но всѣ опасенія были напрасны. «Начальникъ заводскій, иноземецъ», Вильямъ Генингъ написалъ противъ монастырской сказки «отписку милостивую», пославъ съ нею своего деньщика да выговца Никифора Семенова. Вслѣдствіе этого Даніилъ Викуловъ былъ освобожденъ и, къ радости выговцевъ, возвратился въ пустынь [80]).

25 апрѣля 1719 года умеръ Петръ Прокопьевъ. Послѣднее время Петръ сильно болѣлъ, но это не помѣшало ему «написать ко всѣмъ письмо, къ отцемъ и братіямъ», и на Лексу «къ матеремъ и сестрамъ»,—письмо, въ которомъ Петръ «просилъ у всѣхъ прощенія, въ чемъ кого оскорбилъ, или чѣмъ кому досадилъ», и самъ всѣхъ прощая и благословляя. Исторія Выговской пустыни свидѣтельствуетъ, что Петръ имѣлъ большую способность плакать: «яко отъ очію его слезы исхождаху всегда, овогда отъ слезъ и глаголати не можаше, не токмо въ келіи своей, но и на церковной службѣ, и книжномъ чтеніи, и на ученіи братіи». Поэтому Петра называли «слезоточивымъ» [81]). Послѣ Петра уставщикомъ былъ сдѣланъ Трифонъ Петровъ, сынъ священника села Космозерскаго [82]).

Въ 1721 году умерли два члена Выговской общины: Димитрій и Алексѣй, сподвижники и срачители извѣстнаго выговца Михаила Вышатина, пришедшіе на Выгъ изъ Нижегородскихъ пустынь. Андрей Денисовъ говорилъ этимъ покойникамъ, какъ и Петру Прокопьеву, надгробное слово, въ которомъ такъ описывалъ понесенную съ этою смертію выговцами утрату и скорбь: «Видится, яко и тварь вся нашей скорби сожалѣетъ: облацы солнце закрыша, небо помрачися, аэръ возбудися, стихіи смятошася, вѣтры возшумѣша, древеса вострясошася, горы помрачишася, удолія затмишася, вся видимая аки бы съ нами вкупѣ воздряхлствоваша. Сихъ ради нѣкую отраду скорби подати возжелахъ, со слезами чернило смѣсивъ, вашему боголюбію краткими словесы побесѣдовати усердствую». Въ заключеніе, обращаясь къ Михаилу Вышатину, Денисовъ говорилъ: «сподвижниче и срачителю сихъ, Ми-

[80]) Рукоп. Кіевской Академіи изъ собранія митр. Макарія N. Аа. 120, гл. 34.—Сохранились „благодарственныя письма“ выговцевъ Генингу, напр. 12 октября 1721 года. (Рукоп. Румянцевскаго музея, № 1252, лл. 289—291).

[81]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 156. 158.

[82]) Извѣщеніе праведное, стр. 78—79.

хаиле, други своя и стаинники отъ многоскорбнаго сего пути съ радостью отпущай во всеутѣшительное пристанище» [83]).

Въ 1722 году на Выгъ пріѣзжалъ миссіонеръ іеромонахъ Неофитъ, посланный Св. Синодомъ по указанію Петра I. Много хлопотъ употребили выговцы, чтобы дать отвѣты Неофиту, но они устроили дѣло такъ, что вышли изъ борьбы, какъ говорили въ расколѣ, побѣдителями.

Въ 1723 году состоялся пріѣздъ на Выгъ подполковника Неплюева для переписи жившихъ тамъ, въ сопровожденіи капитана Герасима Никулина. «Неплюевъ»,—гласитъ раскольническое сказаніе, — производилъ перепись «со смиреніемъ, никому зла не чинилъ, никого не озлоблялъ», и ни онъ, ни Никулинъ «никуда съ монастыря въ скиты не ѣздили» [84]). Значитъ, и эта перепись прошла благополучно: Викуловъ показалъ только 300 душъ, а ихъ было «близь тысящи» [85]).

8 февраля 1724 года, по личной запискѣ Петра I въ Сенатъ, посланъ былъ на Выгъ указъ съ воспрещеніемъ уходить въ Сибирь, какъ дѣлали выговцы дотолѣ [86]). Пріостановить подобный переходъ выговцамъ было легко, и данный указъ, поэтому, не произвелъ на нихъ удручающаго впечатлѣнія.

Такъ, по возможности, устраняя всѣ внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, Выговская пустынь постепенно обстраивалась и организовала свою жизнь.

Послѣ смерти Петра Прокопьева, поставили двѣ большія келіи съ одними сѣнями: одну возачью возакамъ, а другую въ качествѣ кожевни. Потомъ, нашли, что часовня стала «ветха и мала»; поэтому «поставиша часовню новую, велію», съ трапезой, и папертью; сложили въ ней двѣ большія печки. Далѣе, украсили часовню новыми, большими, иконами [87]). Наконецъ, поставили новыя кельи: Даніилу Викулову, Ивану

---

[83]) Рукоп. Румянцевскаго музея изъ собранія Ундольскаго № 1252, лл. 251—255 обор.

[84]) Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1083, лл. 143—153.

[85]) Извѣщеніе праведное, стр. 71. Въ табели генералъ-маіора Волкова 1723 года „раскольниковъ, которые жительство имѣютъ въ Олонецкомъ уѣздѣ" показано 911 человѣкъ (Собр. пост. по ч. раск. I, стр. 132, ср. Собр. пост. по в. п. и. V, стр. 101).

[86]) Рук. Софійской библ. № 1543, лл. 30—32 обор.

[87]) Иконникомъ на Выгѣ долго былъ Аѳанасій Леонтіевъ, пришедшій сюда съ Керженца. Онъ „у всѣхъ принимаше иконы въ починку, не можаше никому отказати", такъ что даже „не поспѣваше починивати" (Ист. Выгов. пустыни, стр. 322—323).

Германову, Даніилу Матвѣеву, уставщику Трифону Петрову,— затѣмъ: двѣ швальни—для портныхъ и чеботную,—далѣе: новую больницу, большую, съ заведеніемъ при ней даже богослуженія, — и еще: келью платенному казначею, келью «мѣдную», келью кузнечную, келью нарядчику Лукѣ Ѳедорову, келью «для пріѣзда своихъ торговыхъ» — Никитѣ Филимонову, и «для счету», келью плотникамъ «суды дѣлать», близь «мѣдной». Кромѣ того, построили новую ограду вокругъ монастыря, «въ столбы», захвативъ всѣ кельи, съ большими воротами къ рѣкѣ Выгу, а рядомъ—еще ворота малыя. «За монастыремъ гостинную устроиша для приходу всякимъ прихожимъ людямъ». Поставили новый «копиной» дворъ, съ сараями, новую дровнянную, келью большую—для работниковъ. Построили амбары: внутри ограды и внѣ ея, по берегу Выга. «И пожни по Выгу и по Лексѣ, малымъ рѣкамъ, расчищаху, и пашни распространяху, и братство умножашеся» [88]).

Издавна выговцы завели обычай посылать Петру I «гостинцы» съ привѣтственными «письмами». Посылали живыхъ и стрѣляныхъ оленей, птицъ далекаго сѣвера, иногда пару «сѣрыхъ коней», иногда пару «быковъ большихъ». Петръ I принималъ эти «гостинцы» и «милостиво» и «весело»; привѣтственныя подношенія читалъ всѣмъ вслухъ [89]). Этимъ выговцы достигали того, что неблагопріятнымъ донесеніямъ на выговцевъ Петръ I не вѣрилъ [90]).

Виновныхъ въ нарушеніи заведенныхъ правилъ принято было наказывать: кого поклонами на трапезѣ, кого отлученіемъ отъ трапезы; а упорныхъ велѣно было наказывать и тѣлесно, отсылая за этимъ таковыхъ въ монастырь [91]).

Но слѣдя за соблюденіемъ правилъ общежитія въ членахъ нисшей «братіи», архиктиторъ и киновіархъ сами являлись нарушителями этихъ правилъ. Андрей Денисовъ въ женскомъ «монастырѣ» построилъ на имя сестры Соломоніи большую келію, «многія покои, теплые и холодные, имущую», баню «потаенную», и жилъ самъ на Лексѣ, вообще «лучшая устраиваше себѣ, и келейнымъ своимъ, паче же сестрѣ своей и срод-

---

[88]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 150—151.

[89]) Тамъ же, стр. 140.

[90]) Вмѣстѣ съ Андреемъ Денисовымъ въ Петербургъ для этой цѣли ѣздилъ извѣстный выходецъ изъ села Толвуйскаго Захарій Стефановъ (Тамъ же, стр. 308—309).

[91]) Тамъ же, стр. 143.

ницамъ»,—яденія, «сребро и золото, подаваемое изъ Сибири слитками», все бралъ въ собственность, и называлъ «келейнымъ». Даніилъ Викуловъ построилъ своей дочери Анастасіи такую «келію», что она имѣла до 30 дверей и до 50 оконъ, и жилъ въ ней самъ съ своею «келейницею» [92]).

Изъ праздниковъ съ особенною торжественностью праздновался Ивановскій праздникъ на Лексѣ, что бывалъ 24 іюня, когда съѣзжалось посѣтителей болѣе 2000 человѣкъ обоего пола и когда совершалось перекрещиваніе взрослыхъ и крещеніе младенцевъ [93]).

Таково было устройство Выговскаго общежитія, таковы его промыслы, торговля и вся вообще обстановка. Главное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принадлежало, конечно, Андрею Денисову, который оставилъ за собой право даже выбирать членовъ Выгорѣцкаго «собора». Но формально обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принадлежало Выгорѣцкому собору. Въ составъ этого собора входили старцы—духовники, экклисіархъ или уставщикъ, келарь, казначей и староста съ выборными отъ скитовъ. Собраніе собора происходило въ особой «соборной келіи», подъ предсѣдательствомъ настоятелей. За отсутствіемъ предсѣдателя на соборѣ первенствовалъ экклисіархъ. Вопросы спорные рѣшались по большинству голосовъ. Власть собора была очень велика: соборъ касался дѣлъ строительныхъ, экономическихъ, торговыхъ, административныхъ, религіозныхъ. Дѣлая постановленіе, соборъ нерѣдко приводилъ въ основаніе каноническія правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Когда оказывалось, что какое-нибудь постановленіе не соблюдается, то соборъ требовалъ отъ пустынножителей обязательства къ его исполненію. Частныхъ лицъ, виновныхъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, приводили на соборъ подъ карауломъ и присуждали: или къ временному отлученію отъ общества, или къ публичному покаянію, или къ заключенію въ «смирительной келіи», или къ сидѣнію на цѣпи. Андрей Денисовъ писалъ «воззванія ко всей Выгорѣцкой киновіи» о соблюденіи «правилъ», устанавливаемыхъ «соборомъ» [94]).

Выговское и Лексинское общежитія были главными раскольническими поселеніями въ Поморьѣ. Но и помимо этихъ

[92]) Извѣщеніе праведное, стр. 72—74. Ист. Выгов. пустыни, стр. 207.
[93]) Извѣщеніе праведное, стр. 112. *Есиповъ*. Раск. дѣла XVIII вѣка, I, стр. 376.
[94]) „Словарь" Любопытнаго, № 23.

убѣжищъ расколъ имѣлъ послѣдователей вездѣ—во всѣхъ направленіяхъ по нынѣшнимъ губерніямъ: Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Въ одномъ опредѣленіи Св. Синода, относящемся къ 1724 году, было сказано, что въ одномъ «Олонецкомъ уѣздѣ, по росписямъ священническимъ, раскольниковъ явилось въ приходѣхъ ихъ многое число» [95]). Тоже нужно сказать и о всѣхъ другихъ уѣздахъ названныхъ губерній. Во всѣхъ нихъ находилось много «скитовъ», при которыхъ по большей части имѣлись часовни, и всѣ они состояли подъ вѣдѣніемъ Выга. Памятники указываютъ 18 раскольническихъ часовень [96]): столько же приблизительно извѣстно и раскольническихъ скитовъ. Таковы скиты: Сергіевъ [97]), Огорѣлышскій [98]), Тихвинскій Боръ, или просто Боровскій [99]), Тагозерскій у Бѣлаго озера [100]), Шелтопорожскій [101]), Березовка [102]), Волозерскій, Нельяки, Лумбыши, Тервозерскій, Кодозерскій, Икшозерскій или Ладожскій, на рѣкѣ Чаженгѣ, на рѣкѣ Андомѣ, на рѣкѣ Пормѣ [103]), Солотозерскій [104]), Гавшезерскій. Въ разсматриваемый нами періодъ всѣ эти скиты уже существовали. Напримѣръ, Сергіевъ скитъ возникъ еще при жизни инока Корнилія, расколоучителя XVII вѣка [105]); въ скитахъ Огорѣлышскій и Тихвинскій Боръ жилъ не позже 1707 года посадскій человѣкъ изъ погоста Кижскаго Иванъ Кирилловъ [106]); въ Тагозерскомъ, Шелтопорожскомъ, Икшозерскомъ, Солотозерскомъ, Волозерскомъ, Тервозерскомъ, Кодозерскомъ скитахъ извѣстны жители еще XVII вѣка [107]); изъ скита Березовка была привезена келья еще при постройкѣ женскаго общежитія на Лексѣ [108]); на Чаженгѣ выговцы за-

[95]) Собр. пост. в. п. и. IV, стр. 261.
[96]) Извѣщеніе праведное, стр. 43.
[97]) Тамъ же, стр. 58. 139.
[98]) Тамъ же, стр. 87.
[99]) Тамъ же, стр. 87. 139.
[100]) Тамъ же, стр. 93. 140.
[101]) Тамъ же, стр. 95. 139. 141.
[102]) Тамъ же, стр. 95. 98. 139. 141.
[103]) Тамъ же, стр. 115. 117. 140. 142.
[104]) Тамъ же, стр. 139.
[105]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 116.
[106]) Иванъ Кирилловъ умеръ въ 1724 году, а прожилъ въ Суземкѣ и на Выгѣ 17-ть лѣтъ (Тамъ же, стр. 326—328).
[107]) Тамъ же, стр. 104. 122.
[108]) Тамъ же, стр. 247.

вели жительство, какъ мы знаемъ, въ 1710 году; Гавшезерскій скитъ, находившійся въ 40 верстахъ отъ Выга, далъ пріютъ старцу Арсенію вскорѣ послѣ 1701 года [109]); скитъ на рѣкѣ Андомѣ, находившійся въ 50 верстахъ отъ Вытегры, около 1708 года жилъ уже полною жизнью [110]); на рѣкѣ Пормѣ, въ 25 верстахъ отъ поселенія раскольниковъ на Чаженгѣ, жило около 400 человѣкъ, и наиболѣе извѣстенъ «толкъ» подъ начальствомъ «дѣвки» Прасковьи Гостьиной [111]).

Андрей Денисовъ часто ѣздилъ по окружнымъ скитамъ «на праздники» и «учаше съ моленіемъ всѣхъ скитскихъ жителей добродѣтельному и спасительному житію»,—«чины и уставы соборно имъ уставляя, духовныхъ надсмотрщиковъ поставляя, съ письменнымъ укрѣпленіемъ» [112]), каковыя «письма» отчасти сохранились даже и досолѣ. Напримѣръ, сохранились посланія Андрея Денисова въ Тихвинскій скитъ, къ Прасковьѣ Гостьиной и др. Часто ѣздилъ по скитамъ и экклисіархъ Петръ Прокопьевъ,—учить, чтобы «церковныя службы торжествовати по уставу и по чину» [113]). *)

---

[109]) Опис. док. и дѣл. Синода, VI, стр. 388—389. Около 1711 года въ Гавшезерскомъ скитѣ нашли пріютъ раскольники Филимонъ и Тарасій (Рук. И. П. Б. Q, I, 1088, лл. 5—12 обор.).

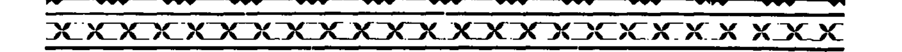
[110]) Старицы Пелагея, Меланья и Ирина, явившись къ судіи Приказа церковныхъ дѣлъ въ 1719 году, показали, что, будучи совращены въ расколъ Андреемъ Денисовымъ, они жили 13 лѣтъ въ кельяхъ подлѣ рѣки Андомы, а „оныхъ келій построено тамъ со 100, въ которыхъ обрѣтается людей мужеска и женска полу, старцовъ, старицъ и бѣльцовъ, 600 человѣкъ“ (Опис. док. и дѣл. Синода, I, стр. 79—80).

[111]) Опис. док. и дѣл. Синода, X, стр. 632.

[112]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 143—144.

[113]) Тамъ же, стр, 158.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Центры раскола въ первой четверти XVIII вѣка.

Поморье.—Керженецъ.—Сибирь.—Вѣтка.—Стародубье.—Ряпина мыза.—Москва.

Центрами раскола оставались въ разсматриваемый нами періодъ времени почти тѣ же самые центры, которые появились еще въ XVII вѣкѣ. Но положеніе ихъ теперь было другое, чѣмъ тогда: одни центры теперь достигли полнаго своего разцвѣта; другіе, напротивъ, потеряли прежнее свое значеніе для раскола; наконецъ, возникли нѣкоторые центры и вновь. Въ качествѣ болѣе выдающихся центровъ можемъ назвать: Поморье, Вѣтку, отчасти Стародубье; центрами втораго типа являются: Керженецъ, Москва, отчасти Сибирь; вновь возникшіе центры: мѣста поселенія ѳедосѣевцевъ, съ Ряпиной мызой подъ конецъ, и затѣмъ поселенія раскольниковъ въ Валахіи и Турціи.

1. Въ Поморьѣ расколъ постепенно увеличивался въ своихъ размѣрахъ,—по причинамъ вполнѣ понятнымъ. Громадной обширности край населенъ былъ очень мало, и чрезвычайно разбросанно, и весь покрытъ былъ дремучими, непроходимыми лѣсами, громадными болотами и топями, которыя совсѣмъ затрудняли сообщеніе между поселеніями, и тѣмъ самымъ какъ бы уединяли каждое изъ нихъ. Край этотъ занималъ пространство нынѣшнихъ губерній: Олонецкой, Архангельской и Вологодской. Лѣсная площадь въ этихъ губерніяхъ занимаетъ до 85 милліоновъ десятинъ, такъ что большая часть мѣстностей этихъ губерній занята именно лѣсами. Въ Архангельской губерніи къ этому присоединяются еще тундры, которыя занимаютъ здѣсь около 27 милліоновъ десятинъ. Въ

Олонецкой губерніи есть громадное количество болотъ и озеръ: въ одномъ Повѣнецкомъ уѣздѣ насчитывается болѣе одного милліона десятинъ болотъ и около двухъ тысячъ озеръ [21]). Дикая, малонаселенная мѣстность, съ своимъ вѣчнымъ лѣснымъ безмолвіемъ, естественно явилась лучшимъ убѣжищемъ для раскола. Здѣсь, въ лѣсныхъ трущобахъ, расколъ находилъ свой идеалъ пустыни, къ которой стремился, въ которой жаждалъ жить и которую называлъ «распрекрасною пустынею», «любозною другинею». Съ другой стороны, эти самые лѣса, топи и болота, затрудняя сообщеніе, обезопашивали раскольниковъ отъ наѣздовъ правительственныхъ чиновниковъ и обезпечивали имъ спокойную жизнь. Вотъ почему возникшая въ 1694 году въ Повѣнецкомъ уѣздѣ такъ называемая Выговская раскольническая пустынь [22]), находясь подъ управленіемъ умныхъ и дѣятельныхъ настоятелей, постепенно возрастаетъ: пріобрѣтаетъ большое количество насельниковъ, организуется во внутреннемъ своемъ строѣ и простираетъ свое рѣшающее вліяніе какъ на ближайшіе раскольническіе скиты, такъ и на болѣе отдаленные, охватывая, по возможности, всю Россію.

Говоря о началѣ Выговской пустыни, историкъ ея Иванъ Филипповъ говоритъ, что «совокупишася въ сіе общежительство богоизбраннін мужіе: Даніилъ, златое правило Христовой кротости; Петръ, устава церковнаго бодрое око: Андрей, мудрости драгоцѣнное сокровище; Симеонъ, сладковѣщательная ластовица и немолчная богословія уста; и прочіе дивніи мужіе, свѣтильницы истиннаго благочестія и честной добродѣтели хранилища» [23]). Указываемыя здѣсь лица суть первые организаторы Выговской пустыни, очень извѣстные своими трудами по укрѣпленію поморскаго раскола. Даніилъ Викуловъ—дьячекъ погоста Шунгскаго, Петръ Прокопьевъ—житель Повѣнца, Андрей Денисовъ—двоюродный братъ Петра, Семенъ Денисовъ—родной братъ Андрея. Что касается «прочихъ дивныхъ мужей», то ихъ называетъ Григорій Яковлевъ: это — Леонтій Өедосѣевъ—поповъ сынъ села Толвуйскаго и Михаилъ Ивановъ Вышатинъ, подьячій изъ Вязниковъ. Въ 1726 году монахъ Арсеній показывалъ, что на Выгѣ послѣ Даніила Викулова и Андрея Денисова считаются «учителями»: монахъ

[21]) Отеч. Зап. 1884, № 3, стр. 102.
[22]) Внутренніе вопросы въ расколѣ XVII вѣка, стр. XI—XVI.
[23]) Ист. Выгов. пуст. *Филиппова*, Спб. 1862, стр. 87.

Варлаамъ Быковъ, уроженецъ Каргополя, посадскій человѣкъ Захарій Пупловъ, изъ Олонца, новгородецъ Симонъ Іовлевъ и псковитянинъ Ипатъ Ефремовъ [24]). По словамъ Ивана Филиппова, жившіе въ Выговской пустыни «съ первыхъ лѣтъ» ея существованія «имѣяху съ собою честный соборъ добродѣтельныхъ мужей» [25]). Выговскимъ опредѣленіемъ 17 сентября 1702 года это до извѣстной степени подтверждается: опредѣленіе это, касавшееся выбора настоятеля общины, состоялось по соборному рѣшенію всѣхъ выговлянъ и скрѣплено было ихъ подписями [26]).

«Съ первыхъ годовъ» на Выгѣ жилъ іеромонахъ Соловецкій Пафнутій; сюда же нѣкогда пріѣзжалъ «старый священникъ Ѳеодосій», потомъ поселившійся на Вѣткѣ. Но это пребываніе «священныхъ» лицъ на Выгѣ оставило по себѣ только одно воспоминаніе. Не позже 1702 года Пафнутій ушелъ съ Выга [27]) и скоро здѣсь возникъ вопросъ о выборѣ главнаго руководителя Выговской общины. Такъ какъ Даніилъ Викуловъ, на котораго нѣкоторые могли указать, какъ на представителя общины, отказывался отъ управленія послѣднею, ссылаясь на свою старость, то выборъ палъ на Андрея Денисова «многаго ради его къ божественному Писанію прилежанія,— говорится въ опредѣленіи 17 сентября 1702 года,—и тщанія къ поученію» выговцевъ «заповѣдямъ Божіимъ, и за еже убо приличной не къ пользѣ ни единыя вины за нимъ не обрѣталось». Андрей, конечно, предвидѣлъ это избраніе, и, поэтому, чтобы болѣе упрочить свое положеніе въ общинѣ и свою власть надъ ея членами, согласился не сразу. Сначала онъ письменно отказался отъ избранія. Тогда собраніе стало просить Андрея настойчивѣе—«излиха уязвихомся понуждати его,—говорится въ опредѣленіи объ избраніи,—съ зельнымъ моленіемъ надолзѣ привергаяся къ ногамъ его». Отвѣчая на это, Андрей предложилъ съ своей стороны письменное условіе братіи, именно исполненіе правилъ «общежительнаго устава». И прежде всего онъ потребовалъ, «чтобъ ни единъ своего имѣнія не имѣлъ, ни до полмѣдницы», причемъ за нарушеніе этого пра-

---

[24]) Опис. док. и дѣлъ Синода, т. VI, стр. 390.

[25]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 94.

[26]) Рукоп. Владимірской семинаріи, № 75 гл. 2.

[27]) Пафнутій прожилъ на Выгѣ только семь лѣтъ (Ист. Выгов. пустыни, стр. 86—87. 113. 313).

вила отцы духовные не разрѣшали бы безъ его, Андрея, «вѣдомости», и чтобы «послѣ повечерни» повсюду соблюдалось полное молчаніе,—въ келіяхъ и въ службахъ. Затѣмъ, Денисовъ потребовалъ, чтобы щегольскаго платья, шапокъ, или другихъ вещей, члены Выговской общины не носили,—чтобы съ женскимъ отдѣленіемъ «жили по святыхъ отецъ уставомъ», съ матерями и сестрами видались бы не часто,—чтобы особой пищи «никому не имѣть», ѣсть только по двѣ «выти» въ день. Далѣе, Денисовъ поставилъ условіемъ, чтобы въ праздничные и воскресные дни «къ поученію, по чину, каковъ предастся», всѣ были готовы, а если явятся преслушники, и кого изъ нихъ онъ, Денисовъ, будетъ наказывать, въ томъ ему не возражали бы; съ его же разрѣшенія вели бы свое дѣло и отцы духовные — «какъ подобаетъ на исповѣдь принимать, и гдѣ бы имъ имѣти дѣтей духовныхъ». Наконецъ, еще условіе: «мірская хода, кромѣ братскихъ потребъ, отсѣчь, и въ другихъ кельяхъ гостьбищамъ, по сродникамъ, не быть». Таково было предложеніе со стороны Андрея Денисова. Старцы, клирошане, и всѣ выборные старосты «разныхъ службъ» изъявили на него полное согласіе. При этомъ всѣхъ «преслушниковъ» устанавливаемаго порядка предоставили Андрею «наказывать монастырскимъ смиреніемъ: на цѣпь ковати, и шелепами бити, и въ темницу сажати, и прочими казнями эпитимейными, кто чего достоинъ будетъ» [28]). О чемъ же свидѣтельствуетъ данное опредѣленіе [29])?

Оно свидѣтельствуетъ о томъ, что внутреній порядокъ жизни Выговской пустыни Денисовъ задался устроить на началахъ чисто манастырскихъ: сюда клонились всѣ его пожеланія, всѣ требованія. На этихъ началахъ и была, дѣйствительно, организована вся жизнь Выговской раскольнической общины.

Задавшись такою цѣлью, выговцы скоро съумѣли устроить

[28]) Рукоп. Владимирской семинаріи № 75, гл. 2.

[29]) Опредѣленіе это, состоявшееся 17 сентября 1702 года, имѣло тѣмъ большую силу, что было постановлено на многолюдномъ собраніи. Хотя общее число членовъ собранія не извѣстно, но извѣстно то, что на собраніи 27 сентября предшествующаго 1701 года присутствовало 84 человѣка старцевъ, клирошанъ и служебниковъ (Рукоп. Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 13). А по показанію Ивана Емельянова, данному въ 1702 г. въ то время въ Выговскомъ „жилищѣ мужеска и женска полу“ было „съ 500 человѣкъ“ (Хр. Чт. 1904, май, стр. 749).

свою жизнь вполнѣ безбѣдно. Богатство Выговской пустыни было такъ велико, что обитатели ея, прежде, во время гоненій, сами нерѣдко терпѣвшіе голодъ, теперь нашли возможнымъ помогать изъ своихъ средствъ не только «суземскимъ жителямъ», т. е. раскольникамъ, жившимъ по разнымъ мѣстамъ Поморья, но и лицамъ стороннимъ, разумѣется, съ тайною мыслью привлечь ихъ на свою сторону. «Всякое изобильство,—говорится въ Исторіи Выговской пустыни,—въ обѣихъ обителяхъ умножашеся и распространяшеся отъ пашень, и отъ торговъ, и отъ морскихъ промысловъ, вездѣ изобильствующе, скоту умножающуся, конскіе дворы коньми и кобылами и жеребятами наполняхуся, и доилицъ дворы огустѣваху. Платье и обувь въ обоихъ обителѣхъ, изобильствующе, вся сія вышняго Бога промысломъ, безъ всякой тѣлесной нужды братство упокоевашеся. И видѣша отцы надъ собою милосердіе и посѣщеніе Божіе, положиша залогъ: всѣхъ приходящихъ гостей, и проѣзжихъ, и нищихъ, и странныхъ кормити безъ разбору, и бѣднымъ и нищимъ помогати во всякихъ нужныхъ случаяхъ. И въ то время бысть въ Олонецкомъ, и Каргопольскомъ, и Бѣлоозерскомъ уѣздахъ, и во всѣхъ окольнихъ волостяхъ, и въ Лопскихъ погостахъ хлѣбная скудость, и недородъ, и гладъ великій. Многіе мірскіе нищіе пойдоша въ монастырь, овіи на конѣхъ, а иніи пѣши по зимамъ, и скитахуся изъ монастыря въ монастырь, и по скитамъ, просяще милостыни, и кормящеся множество народа... И тогда бысть двѣ дороги чрезъ монастырь: одна въ Каргопольскій уѣздъ, а другая къ морю. И начаша людіе оными дорогами ѣздити, приставая къ гостинной, и приказаша настоятели всѣхъ проѣзжихъ и нищихъ кормити безъ разбору» [30]. Естественно, что спокойная и безбѣдная жизнь въ Выговскомъ общежитіи произвела значительную перемѣну въ поморскихъ раскольникахъ: между прочимъ, ослабѣлъ и прежній аскетизмъ ихъ, и проповѣдники «суроваго житія», проводившіе прежде самую строгую жизнь, по необходимости теперь, среди общаго изобилія и довольства во всемъ, стали позволять себѣ и блага міра сего.

Главнѣйшія событія въ жизни Выга въ первое пятнадцатилѣтіе XVIII вѣка были слѣдующія.

Заявивъ государю челобитною о своемъ «старовѣрствѣ», выговцы въ самомъ началѣ XVIII вѣка получили отъ вновь на-

[30]) Истр. Выгов. пустыни, стр. 190.

значеннаго тогда губернаторомъ А. Д. Меньшикова бумагу на имя Данiила Викулова и Андрея Денисова, въ которой обѣщалось выговцамъ многое. Именно здѣсь говорилось, что. «будучи нынѣ на Устьрѣцкихъ желѣзныхъ заводахъ». Меньшиковъ узналъ, что «изъ давнихъ лѣтъ собрався изъ разныхъ мѣстъ», живутъ выговцы «въ Олонецкомъ уѣздѣ на Выгѣ», и «имѣютъ правило по древнимъ книгамъ Московской печати древнихъ лѣтъ выходовъ»; и такъ какъ выговцы просили, чтобы «и впредь имъ такъ быть». то Меньшиковъ приказывалъ, чтобы выговцы были «съ сего числа во всякомъ послушанiи, какъ и прочихъ погостовъ жители», а съ своей стороны, повелѣвая прислать «письмо» съ изложенiемъ, въ чемъ нужаются, обѣщалъ лично ходатайствовать за выговцевъ предъ государемъ. Слѣдствiемъ это было слѣдующее.

7 сентября 1705 года выговцы добились весьма важнаго указа, которымъ «выгорѣцкiе жители» Тихонъ Өеофиловъ и Никифоръ Никитинъ собственно назначались: первый «старостою» для жителей всего Выгорѣцкаго суземка, а второй— его помощникомъ, «выборнымъ», такъ какъ «ихъ всѣ выгорѣцкiе жители выбрали къ мiрскимъ дѣламъ и выборъ за руками прислали», и которымъ въ то же время всѣ выгорѣцкiе жители ставились въ особое, привиллегированное, положенiе, какъ это легко видѣть въ отдѣльныхъ пунктахъ указа. Пунктъ 7: «отъ постороннихъ всякихъ людей тѣхъ всѣхъ новопоселенныхъ жителей оберегать, и въ обиду никому не давать». Пунктъ 8: «какiя имъ, выгорѣцкимъ жителямъ, еще для распространенiя, въ прибавку, надобны земли и угодья, и иныя довольности, и то, по доношенiю, что можно, все дано будетъ». Пункъ 10: «А впредь уставить старостѣ и выборному, къ работамъ чтобъ всѣ межъ себя имѣли уравненiе по людемъ, по пашнѣ, и по промысламъ, и по живностямъ, безъ спору, и иныхъ погостовъ льготнѣе». Пункъ 11: «А которые живутъ въ общежительствѣ, и отъ тѣхъ имѣть имъ, старостѣ и выборному, отъ начальныхъ надъ ними всякую вѣдомость, и на работы, буде отъ нихъ почему доведется быть, и то имѣть съ нихъ же повелѣнiя, а самимъ отнюдь дерзновенiя никакого надъ общежительными не чинить». Пунктъ 12: «Руду вновь сыскивать, и кто сыщетъ, о тѣхъ доносить; и имъ дано будетъ государево жалованiе, и отъ работы будутъ свобождены». Пунктъ 13: выговцы «опасенiя не имѣли бъ въ томъ, чтобъ излишней тягости работной быть:

для того, по доношенію старосты и выборнаго, даны будуть, для вспоможенія въ работѣ, кто надобны, изъ погостовъ». Пунктъ 15: «А какія дѣла сверхъ сихъ статей будуть, о томъ доношеніе имѣть». О чемъ свидѣтельствуетъ это упоминаніе объ оберегапіи выговцевъ, о прибавкѣ имъ земель и угодій, о льготности ихъ по исполненію работъ, объ обѣщаніи выговцамъ помощи въ работахъ назначеніемъ къ работѣ людей изъ погостовъ,—о чемъ, какъ не о томъ, что выговцы становились въ положеніе именно привиллегированное, равнаго которому раскольники другихъ мѣстностей тогда не имѣли [31]).

12 мая 1711 года былъ данъ новый указъ выговцамъ: Андрею Денисову «съ товарищи», которымъ повелѣвалось, чтобы «впредь никто» выговскимъ «общежителямъ» и «посланнымъ отъ нихъ обидъ, и утѣсненія, и въ вѣрѣ по старопечатнымъ книгамъ помѣшательства, отнюдь не чинилъ, подъ опасеніемъ жестокаго истязанія». Въ указѣ упоминается, что Андрей Денисовъ подавалъ жалобу: «когда де посылаются отъ нихъ въ уѣздъ, и на море ради промысловъ, и въ городы для покупки на прокормленіе, и для торгу», тѣмъ «отъ всякихъ чиновъ, а паче отъ духовнаго, чинятся имъ обиды, и въ вѣрѣ помѣшательство, также и проѣзжіе всякаго чина люди заѣзжаютъ съ большихъ дорогъ въ сторону, и берутъ подводы, отъ чего имъ чинится не малое разореніе». Въ силу даннаго указа выговцы имѣли не только право вести свои промыслы и торговлю, но имѣли и огражденіе отъ «помѣшательства въ вѣрѣ», иначе говоря: получили свободу открыто пропагандировать расколъ [32]).

5 марта 1714 года состоялся третій указъ на имя Андрея Денисова, послѣдовавшій также по его жалобѣ. Денисовъ писалъ, что «живетъ онъ въ Выговской пустыни по своему обѣщанію, удаляясь мірскихъ суетъ и мятежей; а въ пищахъ и одеждахъ, отъ своихъ трудовъ, въ тѣхъ пустыхъ мѣстахъ, пашнею и милостынею, за далекостью отъ жительствъ, удоволиться нечѣмъ, и терпятъ» они, выговцы, «нужды»; а выѣхать на море, и около его въ лѣсахъ, гдѣ надлежитъ, трудами жъ на общежительство уловить отъ рыбъ и отъ звѣрей такъ же, какъ, пріѣзжая, тутошніе жители кормятся, платя

---

[31]) Рукоп. Софійской библіотеки № 1543, лл. 21—24. Рукоп. И. П. Б. F. XVII. 53, л. 24 обор.

[32]) Рукоп. Соф. библ. № 1543, л. 25—26.

пошлины», они, выговцы, не смѣютъ, «понеже заставные люди и иные всякіе жители спрашиваютъ» у нихъ «указъ». Денисовъ просилъ, чтобы «великій государь пожаловалъ» — «велѣлъ дать» имъ «свой, великаго государя, указъ; и съ того указа посланнымъ изъ той пустыни» даны бы были «списки», т. е. паспорты, чтобы этимъ «спискамъ» всѣ «вѣрили». Въ указѣ на это данъ былъ такой отвѣтъ: «и по тому вашему челобитью, буде въ которыхъ мѣстахъ вольные есть промыслы, кто похощетъ рыбу и звѣрей ловить, и вамъ также бы противъ тѣхъ чинить, явяся, гдѣ надлежить, и пошлину платя, потому что вы въ работахъ вѣдомы къ Олонецкимъ желѣзнымъ заводамъ. И съ сего указа давать вамъ посланнымъ отъ васъ списки», т. е. паспорты; «а на заставахъ и во всѣхъ мѣстахъ сему указу вѣрить» [33]).

Итакъ, выговцы въ первое пятнадцатилѣтіе XVIII вѣка получили землю и угодія, получили право вести торговлю, право ловить рыбу и звѣрей, право свободно содержать свою вѣру, и благодаря всему этому, ихъ община быстро пошла въ ростъ.

Причиною такого снисходительнаго отношенія къ выговцамъ со стороны правительства Петра I было то, что выговцы были усердными работниками на вновь построенныхъ Петровскихъ заводахъ. Когда эти заводы строились, то «съ господиномъ Патрушевымъ» выговцамъ былъ присланъ указъ, въ которомъ повелѣвалось, чтобы выговцы «въ работахъ къ Повѣнецкимъ заводамъ были послушны и чинили бы всякое вспоможеніе по возможности своей», потому что «его императорскому величеству для войны шведской и для умноженія оружія и всякихъ воинскихъ матеріаловъ» есть большая нужда, для чего строятся и эти заводы» [34]). Прочитавши указъ и посовѣтовавшись между собою, выговцы рѣшили написать государю челобитную, которая была представлена по назначенію Патрушевымъ чрезъ князя Меньшикова. Въ состоявшемся по этой челобитной указѣ, присланномъ выговцамъ чрезъ вице-коменданта Чоглокова, повелѣвалось «быть вѣдомымъ выгорѣцкимъ пустынножителемъ къ Повѣнецкимъ желѣзнымъ заводамъ въ рудоисканіи и въ подъемѣ; а въ вѣрѣ быти имъ свободнымъ, по прошенью ихъ, и дана съ Петровскаго за-

[33]) Рукоп. Соф. библ. № 1543, лл. 27—28.

[34]) Заводы эти были устроены: одинъ на рѣкѣ Лососинкѣ, а другой близъ Повѣнца („Русск. Обозр." 1894, январь, стр. 140).

вода позволительный указъ первому старостѣ Тихону Өеофилову, который поставленъ въ Суземкѣ, чтобы поселятися кому гдѣ надобно и свободно». И вотъ, «съ того времени»,—говорится въ Исторіи Выговской пустыни,—«нача Выговская пустыня быти подъ игомъ работы его императорскаго величества у Повѣнецкихъ заводовъ, а вѣдома на Петровскомъ заводѣ. и начаша людіе съ разныхъ городовъ, староврства ради, отъ гоненія собиратися и поселятися на блатахъ, по лѣсамъ, между горами, и вертепами, и озерами, въ непроходныхъ мѣстахъ, скитами и келіями, гдѣ кому возможно» [35]. На Петровскихъ заводахъ выговцы завели особаго «стряпчаго» по своимъ дѣламъ, каковымъ долгое время состоялъ Захарій Стефановъ, выходецъ Толвуйскій [36].

Въ первое время развитію общинной жизни на Выгѣ много препятствовали «зяблые годы». Въ «Выгорѣцкомъ лѣтописцѣ» подъ 1705 годомъ сказано: «Годы зяблые семь лѣтъ были» [37]. «И бысть въ то время гладъ, и хлѣбный недородъ, и частыя зябели, и годы зеленые,—говорится въ Исторіи Выговской пустыни,—хлѣбъ не соспѣваше, и бысть велія хлѣбная скудость и гладъ... Тѣмъ же толчаху солому, и сосновую кару, и траву ѣдяху не малое время. И отъ такой великой нужды многіе не могоша оной нужды понести, съ Суземка съѣхаша», частію въ Нижегородскія пустыни, частію въ другія мѣста [38]. Вслѣдствіе этого число насельниковъ Выга въ это время довольно сократилось. Пришедшій на Выгъ около 1707 года и проживщій здѣсь пять лѣтъ Василій Ивановъ Барминъ показывалъ въ 1722 году, что на Выгѣ «бѣльцовъ мужеска полу съ двѣсти человѣкъ» [39]. Денисовъ употребилъ, однако, всѣ усилія, чтобы поддержать и сохранить начатое на Выгѣ общежитіе. Прежде всего «обрали тогда у всѣхъ въ братствѣ, что у кого съ собою изъ міру принесено

---

[35]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 114—115.

[36]) Тамъ же, стр. 308—309.

[37]) Выгорѣцкій лѣтописецъ при „Извѣщеніи“ Григорія Яковлева, стр. 150. Въ „житіи“ Андрея Денисова говорится, что „гладное искушеніе“ продолжалось больше „десятолѣтнаго обхожденія“ (Рук. И. П. Б. изъ собранія Погодина, № 1276, л. 54 ср. 82).

[38]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 109, 123, 137.

[39]) Опис. док. и дѣл. Синода. II, 1, стр. 790. По Исторіи Выговской пустыни въ это время въ „братствѣ“ было „числомъ до полуторыхъ сотъ и больше мужеска пола“ (стр. 109).

было: деньги, серебряныя монисты, и платье». Затѣмъ, Андрей Денисовъ съ нѣкоторыми изъ братіи поѣхалъ на Волгу, гдѣ тогда хлѣбъ былъ очень дешевъ: «четверть въ двѣ гривны». Частію купивъ хлѣбъ, частію выпросивъ въ милостыню, Денисовъ переправилъ его по Волгѣ и Шекснѣ до Вытегры, а отсюда въ Пигматку — Выговскую пристань на Онежскомъ озерѣ. «А изъ Пигматки начаша оный хлѣбъ въ крошняхъ на себѣ носити въ монастырь, и носяще рожь парепую посаки, и ѣдяху». Такимъ образомъ, насущная нужда была отчасти удовлетворена, но все же «въ то время бысть въ монастырѣ,—по словамъ Филиппова, — великая скудость и нужда хлѣбная, и всякихъ потребъ» [40]). «Въ Выгозерскомъ погостѣ» выговцы «взяша воды ловецкія въ Выгозерѣ на кортому», т. е. на откупъ, «такожде и на Водлозерѣ, и по инымъ озерамъ [41]) начаша рыбы ловити вездѣ, и уловиша рыбы, съ рыбою и съ рыбными штями соломенный хлѣбъ ядуще». На Выгозерѣ «въ рыбной ловитвѣ» отличался Трифонъ Пименовъ, уроженецъ погоста Шунгскаго [42]). Кромѣ Андрея Денисова поѣздку въ эти «зяблые годы» совершалъ еще Леонтій Ѳедосѣевъ, ѣздившій въ Новгородъ, Псковъ, Москву, и «братскія нужды правяше добрѣ... вельми помогаше, во всѣхъ правленіяхъ и совѣтахъ братскихъ, настоятелямъ и нарядникамъ»,— Иванъ Германовъ, уроженецъ села Толвуйскаго, ѣздившій въ Нижній Новгородъ,—Захарій Стефановъ, выходецъ изъ того же Толвуйскаго села, пришедшій на Выгъ «съ первыхъ годовъ» [43]).

При такихъ условіяхъ явилась мысль искать новое мѣсто для поселенія. Искали не мало по Поморью, по Волгѣ, въ Сибирскихъ «краяхъ». Удобное мѣсто для пашни нашли въ Каргопольскомъ уѣздѣ, на рѣкѣ Чаженгѣ, въ 6 верстахъ за

---

[40]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 109—110.

[41]) На Волокозерѣ у выговцевъ была построена изба для рыболововъ еще въ самомъ началѣ XVIII вѣка, какъ видно изъ показанія крестьянина Ивана Емельянова, которое указано въ грамотѣ Аѳанасія архіепископа Холмогорскаго 1702 года („Хр. Чт.“ 1904, т. CCXVII, стр. 749).

[42]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 137, 287. Раньше выговцы занимались рыбной ловлей на Водлозерѣ, въ Верховскихъ озерахъ, потомъ—на Онежскомъ озерѣ, Волокозерѣ, Шунозерѣ. Здѣсь много лѣтъ трудился нѣкто Стефанъ Васильевъ Смольникъ, выходецъ отъ Сумскаго острога. Выловливаемую рыбу отвозили на ярмарки и на Петровскіе заводы, не считая поставки на Выгъ и Лексу (Тамъ же, стр. 316—317).

[43]) Тамъ же, стр. 267—268, 288, 306—307.

погостомъ Задняя Дуброва [44]). Землю осматривалъ самъ Андрей Денисовъ. «Осмотрѣша съ тамошними жителями и вси похвалиша, что оная земля къ пашнѣ вельми пристойна». Новгородскому губернатору Якову Корсакову написали прошеніе о желаніи пріобрѣсти эту землю. Тотъ назначилъ всеобщіе торги на землю и, когда всѣ прочіе отъ покупки земли отказались, она оставлена была за выговцами «на оброкъ». Пріобрѣтенная земля по объему была такова, что «во всѣ стороны» простиралась «на шестнадцать верстъ». Выговцы поставили здѣсь келіи, «начаша пашню пахати и скотъ держати: къ лѣту для пашни начаша братію посылати съ лошадьми, а зимою къ дому отъѣзжающе, а тамо малые люди остающеся для молоченья». «Въ пашняхъ вельми искусны были: Иванъ Емельяновъ, изъ деревни Хашезера,—Яковъ, житель Повѣнца, пришедшій на Выгъ «съ первыхъ лѣтъ»,—Трифонъ Петровъ, выходецъ изъ села Кузаранскаго, пришедшій также «съ первыхъ годовъ»,—Яковъ Стефановъ, выходецъ изъ села Космозерскаго. Старостою въ этомъ дѣлѣ былъ Кириллъ Емельяновъ, изъ дер. Лапиной. Покупка земли на Чаженгѣ произошла въ 1710 году [45]).

Такъ какъ «зяблые годы» на Выгѣ все продолжались, а въ плодородіи на Чаженгѣ выговцы въ теченіе первыхъ же лѣтъ владѣнія этимъ мѣстомъ увѣрились, то рѣшились было уйти съ Выга совсѣмъ, поселившись на Чаженгѣ. Но осуществить эту мысль не удалось. «Съ общаго совѣта послаша съ челобитной, для взятія указа, въ Новгородъ» Семена, брата Андрея Денисова, «съ товарищи» [46]). Нарубили уже много и лѣса для построекъ на Чаженгѣ. Но по доносу нѣкоего Семена Лыскова, жившаго нѣкогда на Выгѣ, Денисовъ былъ арестованъ въ Новгородѣ, посаженъ въ «Орлову темницу», въ которой просидѣлъ четыре года. Занятые хлопотами объ освобожденіи Семена, выговцы оставили намѣреніе переходить

---

[44]) Опис. док. и дѣлъ Синода X, стр. 631—632.

[45]) Тамъ же, стр. 138, 290—291, 295, 318, 319.

[46]) Когда, въ какомъ году, это случилось? Въ одной рукописи Исторіи Выговской пустыни сказано, что „поимка Семена Денисова въ Новгородѣ“, случившаяся въ эту поѣздку, произошла „лѣта 7223, декабря 10“ (Рукоп. Кіевской академіи, изъ собранія митр. Макарія № Аа. 120, гл. 33), т. е. въ 1714 году. Но въ прошеніи выговцевъ государю, подписанномъ 16 сентября 1714 года, говорится, что Семенъ Денисовъ былъ посланъ въ Новгородъ въ 1713 году (*Есиповъ*. Раскол. дѣла XVIII вѣка, I. стр. 305).

съ Выга, тѣмъ болѣе, что и «зяблые годы» здѣсь тогда прекратились [47]).

Между тѣмъ, получивъ въ 1711 и 1714 годахъ указы относительно промысловъ и торговли, выговцы постепенно развивали то и другое. Путешествуя въ «зяблые годы» по разнымъ городамъ Россіи, не исключая и Москвы, Андрей Денисовъ «нача у добрыхъ людей на торгъ изъ половины денегъ просити; добрые же люди денегъ ему въ торгъ даяху». Денисовъ, выбравъ надежныхъ людей изъ братіи, началъ посылать ихъ въ Низовые города хлѣбъ покупать и доставлять таковой въ Петербургъ. «И видя ихъ,—говоритъ Филипповъ,—такую нужду, а въ торгу правду, начаша имъ давати денегъ въ торгъ. И бысть сперва торгъ малый». Но «и отъ того торга начаша братству нѣкое споможеніе чинити: по вся годы хлѣбные припасы къ дому посылаху, чрезъ Вытегру водою въ Пигматку; въ то время на Вытегрѣ распространяхуся хлѣбные торги, и судовые промыслы, и бысть на Вытегрѣ велія судовая пристань въ Вянгахъ». Сначала выговцы ѣздили для торговъ на «старыхъ судахъ», а потомъ, когда Петръ I сдѣлалъ распоряженіе «суды строити всѣмъ новоманерные», завели суда новой конструкціи. «На Петровскихъ заводахъ и на Вытегрѣ» выговцы построили «постойные хоромы и амбары, и своихъ людей держаша» здѣсь «для торга и пріѣзда своихъ» [48]). Въ разныхъ мѣстахъ по дѣламъ «купечества» выговцы завели довѣренныхъ лицъ, которыя назывались «прикащиками». Таковые прикащики состояли: въ Архангельскѣ, въ Сибири, на границѣ Сибирской, на Мезени, въ Низовыхъ городахъ Волги, въ Петербургѣ [49]).

Кромѣ рыбной ловли, выговцы промышляли еще ловлей звѣрей, сначала на рѣчкѣ Пьоша, между Мезенью и Пустозерскомъ, а потомъ, послѣ 1707 года, на Канином носу. Первое время здѣсь годами жилъ Лука Ѳедоровъ, пришедшій на Выгъ около 1700 года, впослѣдствіи «соборный братъ», уроженецъ села Кижи. Съ нимъ жили здѣсь: Иванъ Вонифатьевъ, уроженецъ города Колы, грамотный человѣкъ и «знавшій Писаніе»,—Прокопій Семеновъ, уроженецъ погоста Толвуйскаго, ходившій на море «передовымъ человѣкомъ и кормщикомъ»,—Иванъ Емельяновъ, выходецъ изъ деревни Хашезера, прихода

[47]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 144—145, 148.

[48]) Тамъ же, стр. 139—141.

[49]) Извѣщеніе праведное, стр. 138—139.

села Шунгскаго, пришедшій еще на «старый заводъ», и ходившій для ловли звѣрей и рыбы, кромѣ Канина носа, на море Мурманское, на озеро Ладожское, на островъ Валаамъ, на Новую Землю [50]).

Между тѣмъ, и даже гораздо ранѣе, заводились постройки въ самомъ общежитіи, на Выгѣ. Чрезъ годъ послѣ поселенія на Выгѣ была построена часовня, во имя Преображенія Господня [51]), заведена столовая. Трапеза при часовнѣ была раздѣлена на двѣ половины: одна для мужчинъ, другая для женщинъ, потому что тѣ и другія и въ повседневной жизни жили въ двухъ отдѣленіяхъ, на нѣкоторомъ разстояніи одинъ отъ другого. Поставили «скотскіе дворы»: конный на братской сторонѣ, коровій—на женской. Около всего монастыря—ограду, а по срединѣ—стѣну съ малой келіей, имѣющей окно на «братскую» половину — «для прихода братіи къ своимъ сродницамъ для свиданія и иныхъ ради братскихъ нуждъ». Потомъ поставили двѣ «большія низменныя келіи»: одна возакамъ стоять, другая—лучину щепать и дровни дѣлать. Эта вторая «келія» была двухэтажная: въ верхнемъ этажѣ помѣстили чеботную. Затѣмъ, близъ столовой поставили больницу «немощнымъ людямъ и старымъ» [52]). Опять и эта «келія» имѣла два этажа: въ верхнемъ этажѣ сдѣлали швальню портнымъ. Далѣе, построили особыя келіи: Пафнутію Соловецкому, Андрею Денисову съ его отцомъ и братьями, Петру Прокопьеву, Даніилу Викулову. Наконецъ, на женскомъ отдѣленіи построили челядню и портомойную [53]). Мосты для проѣзда чрезъ рѣки Выгъ и Сосновку устроилъ нѣкій Аверкій, пришедшій изъ Ооймогубской волости, и постриженный подъ именемъ Антонія Пафнутіемъ Соловецкимъ [54]). Все это было

---

[50]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 166—168, 282—283, 286—287, 319—320. Ср. житіе Ивана Вонифатьева — Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 164—171 обор.

[51]) Впослѣдствіи переименовали и назвали ее часовнею „Богоявленія Господня“ (Извѣщеніе праведное, стр. 32. М 1888).

[52]) Первое время, лѣтъ 20-ть, при больницѣ служилъ выходецъ съ Устюга Великаго нѣкто Ѳеодоръ, пришедшій на Выгъ съ самаго начала, еще съ Даніиломъ Викуловымъ, и постриженный потомъ Пафнутьемъ Соловецкимъ подъ именемъ Ѳеодосія (Ист. Выгов. пустыни, стр. 278—280).

[53]) Тамъ же, стр. 106, 108, 112—113.

[54]) Аверкій пришелъ на Выгъ когда только еще „начинашеся жительство въ пустыни“ и прожилъ здѣсь семь или восемь лѣтъ (Тамъ же, стр. 53—54).

ранѣе іюня 1705 года, когда умеръ отецъ Андрея, здѣсь упоминаемый [55]).

Такъ какъ все устройство общежитія было заведено «по чину монастырскому», то и «на всякія службы монастырскія» назначили особыхъ распорядителей подъ именами «соборныхъ»: архиктиторовъ, киновіарховъ, эклисіарховъ, келарей, подкеларниковъ, нарядниковъ, казначеевъ, старостъ (чеботной, портной, кожевенной, мѣдной, кузнецкой, возаческой), гостинщиковъ (внутренній, внѣшній) [56]). Коновіархомъ былъ Даніилъ Викуловъ, архиктиторомъ Андрей Денисовъ [57]). Около 1713 года старшимъ нарядникомъ былъ избранъ «соборный» братъ Лука Ѳедоровъ: онъ долженъ былъ «надсматривать вся монастырскія службы»: торги, морскіе промыслы, производство хлѣбопашества, и вообще всѣхъ прочихъ нарядниковъ, а также слѣдить за денежнымъ приходомъ и расходомъ. Изъ числа другихъ нарядниковъ Исторія Выговской пустыни упоминаетъ Павла Космозерскаго, Ивана Германова, выходца изъ села Толвуйскаго, замѣчая, что Иванъ «въ монастырѣ надъ работниками въ нарядствѣ пребываше, и добрѣ службу свою правяше, съ великимъ тщаніемъ и усердіемъ, вельми бо къ тому и къ строенію искусенъ бяше, и при своемъ нарядствѣ дворъ конной добрѣ построи» [58]). Рубашечнымъ казначеемъ — «для раздачи рубашекъ, и принимати отъ братіи, и въ мытье отдавати, и новыя шити и давати, и на коровьемъ дворѣ, у привратной, надсматривати всякое благочиніе и охраненіе» — былъ назначенъ Тимоѳей Трифоновъ, выходецъ изъ села Кузоранскаго, заявившій себя ранѣе «великими трудами» при постройкѣ монастыря и на пашнѣ. Казначеемъ «для раздачи одежды и обуви» былъ Зотикъ Емельяновъ, изъ деревни Хашезера, прихода села Шунгскаго. Нарядникомъ на Пурнозерскомъ заводѣ «съ первыхъ годовъ» былъ Иванъ Емельяновъ, выходецъ изъ деревни Лапиной близъ Сумъ [59]). Если въ 1705 году старостою для суземка былъ поставленъ Тихонъ Ѳеофиловъ, то позднѣе, именно въ 1724 году, обращались съ просьбами къ «выгорѣцкаго суземка старостѣ Ѳедору

[55]) Тамъ же, стр. 106.
[56]) Извѣщеніе праведное, стр. 32, 138.
[57]) Тамъ же, стр. 70, 73.
[58]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 166—167, 288, 289.
[59]) Тамъ же, стр. 293—294, 318—319.

Ларіонову» [60]). Старостамъ велѣно было «разрядить братію на пятки, и ко всякому пятку старѣйшаго или надсмотрителя устроить».

Видя неудобство нахожденія женскаго отдѣленія монастыря близъ мужского, не смотря на то, что «въ келіи и предѣлы постницъ братіи входить» не было велѣно съ самаго начала,— рѣшили перевести это отдѣленіе на рѣку Лексу, гдѣ дотолѣ была только пашня, въ разстояніи двадцати верстъ отъ Выга. Такъ возникла «Пречестная обитель дѣвственныхъ лицъ честнаго и животворящаго креста Господня» [61]). Это было въ 1706 году. Поставили на Лексѣ часовню, столовую общую, кельи для жилья въ отдѣльности, скотскій дворъ, и обнесли все это помѣщеніе оградою по подобію Выговскаго общежитія. Вмѣсто игуменіи назначили «начальную матку»—престарѣлую старицу Февронію, «строительницей» — матку Пелагію [62]), казначеей — Екатерину Дементьеву [63]), уставщикомъ церковнымъ и «для вѣдѣнія божественнаго Писанія» — Соломонію, сестру Андрея Денисова, клирошанку Ирину—ей помощницею. Назначили также «пѣвцовъ, псаломщиковъ и прочихъ служителей по вся дни службу совершати по церковному уставу непремѣнно». Даніилъ Викуловъ, Андрей Денисовъ и Петръ Прокопьевъ часто приходили на Лексу «надсматривать и уставлять имъ чинъ». «Надъ всѣми трудами, надъ трудницами», поставили «десяцкихъ» изъ старицъ и бѣлицъ. Вообще «весь уставъ» женской Лексинской обители установили «противъ братскаго Выговскаго монастыря всенепремѣнно». Такъ же, какъ и тамъ, здѣсь было введено ежедневное богослуженіе, установлена общая для всѣхъ трапеза, во время обѣда и ужина чтеніе, по воскресеньямъ и праздничнымъ днямъ всенощныя бдѣнія. Для исполненія работъ по пашнѣ и для другихъ тяжелыхъ «трудовъ» съ братской поло-

[60]) Опис. док. и дѣл. Синода, VI, стр. 393. Рукоп. И. П. Б. Q. I, 1065, л. 64 обор.

[61]) Извѣщеніе праведное, стр. 32. Рукоп. И. П. Б. Q. I, 1065, л. 67.

[62]) Въ Исторіи Выговской пустыни Пелагія названа сестрою извѣстнаго Захарія Стефанова. Пострижена въ иночество Пафнутіемъ Соловецкимъ. Была „вельми кротка и смиренна, кротко ступаніе, и взоръ, слово съ любовію ко всѣмъ растворено, и поставиша ю надъ сестрами большухою“ (стр. 347—348).

[63]) Въ Исторіи Выговской пустыни о Екатеринѣ Дементьевой говорится, что она жила на Выгѣ 39 лѣтъ, правила ежедневно по 1000 поклоновъ, „много время и власяницу на ногу тѣлу носила“ (стр. 365).

вины на Лексу были посланы особые служители съ надсмотрщикомъ Исаакомъ Ефимовымъ, родственникомъ Даніила Викулова. Эти служители жили въ особыхъ келіяхъ, близъ монастыря, на горкѣ. У воротъ монастырскихъ была поставлена келія «для свиданія сродственниковъ», да для «надсмотра» за этимъ опредѣлены двѣ или три «привратницы»; также «и отъ братіи—старика», которому было поручено «приводить и отводить» посѣтителей. Выстроены были на Лексѣ: мельница [64]), толчея, келія, больница, поварница, трапеза, портомойная, челядня, амбары, не считая келій для жилья [65]). Около 1725 года Андрей Денисовъ надумалъ было «новый строити монастырь женску полу, понеже старое мѣсто монастыря» казалось «зѣло тѣсно и мало, и невозможно было келіи прибавляти тѣсноты ради мѣста». Но братія съ этимъ предложеніемъ своего настоятеля не согласилась и большинствомъ голосовъ таковое отвергла [66]).

При постройкѣ Лексинской женской «обители», какъ и ранѣе при постройкѣ общежитія на Выгѣ, а позднѣе — на Чаженгѣ большую «ревность» въ трудахъ показали: кузнецъ Тимоѳей, по прозванію Корѣльскій, пришедшій еще до начала построекъ на Выгѣ, въ иночествѣ Тихонъ,—Никифоръ Астраханецъ, въ иночествѣ Никола [67]),—Михаилъ Павловъ, выходецъ изъ села Шунги,—Павелъ Лаврентіевъ, изъ села Космозерскаго,—Иванъ Зиновьевъ, пришедшій изъ села Толвуйскаго на Выгъ еще «на старый заводъ», хорошій плотникъ, построившій на Выгѣ часовню, толчею и мелею, вообще въ плотничномъ дѣлѣ «ходившій передовымъ» [68]).

Такъ отдѣливъ женское общежитіе, на Выгѣ оставили изъ женщинъ жить немногихъ,—не въ томъ мѣстѣ, гдѣ прежде жилъ здѣсь женскій полъ, а въ другомъ, за горкою, близъ кладбища. Здѣсь построили коровій дворъ, челядню, портомойную, молошницу; все это было обнесено оградой, у воротъ которой поставили келію «для свиданія сродственниковъ

---

[64]) На мельницѣ на Выгѣ нѣсколько лѣтъ трудился Климентъ, пришедшій изъ-за Шведскаго рубежа и на Выгѣ крещенный (Тамъ же, стр. 328—329).

[65]) Тамъ же, стр. 134—135, 192. Лексинскій уставъ 1706 года—Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1065, лл. 41—42.

[66]) Тамъ же, стр. 197—198.

[67]) Тамъ же, стр. 287—288.

[68]) Тамъ же стр. 289, 292—293

и для всякихъ братскихъ нуждъ приходящихъ». Для наблюденія здѣсь были поставлены «привратницы и надсмотрщицы». Здѣсь останавливались пріѣзжавшіе на Выгъ съ Лексы. Мѣсто это обыкновенно называлось «коровьимъ дворомъ» [69]).

Первымъ дѣломъ каждаго члена Выговской общины считалось богомоленіе, которое было общее и домашнее. Сначала, когда только еще заводили церковную службу, «поставили Петра Прокопьева въ чинъ экклесіаршескій, и къ нему пособниковъ: пѣвцовъ, псаломщиковъ и канонархистовъ избраша». Въ отлучку Петра его обязанности исполнялъ Леонтій Ѳедосѣевъ, поповъ сынъ села Толвуйскаго. По замѣчанію Исторіи Выговской пустыни «въ то время» на Выгѣ было «вельми скудно»: службу отправляли съ лучиною, иконъ и книгъ въ часовнѣ было очень мало, колоколовъ при часовнѣ не было и созывались къ богослуженію ударомъ въ доску. Потомъ пришли съ Москвы два мужа, вѣдущіе Писаніе: Прокопій Макарьевъ и Василій, въ иночествѣ Варлаамъ, и «изъ другихъ мѣстъ иные многіе». Съ того времени «начаша по праздникамъ всенощныя пѣти, по чину церковному, такожде и по воскреснымъ днямъ». Завелось чтеніе «книги»: послѣ утрени до Часовъ, послѣ полдней, послѣ ужина, и во время обѣда и ужина [70]). Первое время мѣсто такого чтеца занималъ вышеупомянутый Леонтій Ѳедосѣевъ, «первый по настоятелѣхъ», пришедшій на Выгъ еще «съ первыхъ лѣтъ». Съ самаго начала онъ былъ «прилеженъ къ чтенію, съ великою вѣрою и усердіемъ часто читаше книги... Видяще же отцы... его добродѣтельное начинаніе, повелѣваху ему братіи, по воскреснымъ днямъ и по праздникамъ, послѣ уденья книгу читати. Онъ же... читаше книги съ великимъ усердіемъ, и разумно бяше зѣло чтомое отъ него всѣмъ послушающимъ. Братія же вельми его любляху и почитающе не яко брата, но яко отца» [71]). Такъ устраивалась жизнь внутри самаго Выга [72]).

Недостатокъ книгъ и иконъ въ часовнѣ выговцы, впрочемъ, скоро восполнили. «Начаша посылати по градамъ изъ

[69]) Тамъ же, стр. 135—136, 261.

[70]) Тамъ же, стр. 107—108.

[71]) Тамъ же, стр. 266—267.

[72]) Братъ Леонтія Димитрій Ѳедосѣевъ, исполнявшій обязанности сторожа, пришелъ на Выгъ вскорѣ послѣ Леонтія, еще въ XVII вѣкѣ. Онъ же заводилъ часы и ставилъ поверстные столбы (Тамъ же, стр. 271).

своихъ, овогда Андрея Діонисіева съ братомъ Семеномъ, овогда и Петръ Прокопьевъ ѣздяше въ Новгородъ и Псковъ съ Гавріиломъ Семеновымъ, овогда Леонтій Поповъ Толвуйской; и начаша имъ добрые люди, милостивцы, подаяніе давати: овъ деньгами, овъ книгами и иконами, овъ хлѣбомъ. Такожде даваху на Псалтырь по умершимъ на поминовеніе» [73]). Особенно много ѣздилъ Андрей Денисовъ въ «нуждные годы», когда на Выгѣ длился голодъ: былъ въ Москвѣ, въ Нижнемъ Новгородѣ, въ Кіевѣ, и во многихъ другихъ городахъ. И вездѣ и всюду «промышляше книги и осматриваше: овыя покупаше, а овыя списываше, испытуя, како въ древнемъ благочестіи утверждатися и стояти». «И что у христолюбцевъ добываше, къ дому посылаше» [74]). Много трудился надъ собраніемъ книгъ и Петръ Прокопьевъ: онъ собиралъ житія святыхъ, покупая ихъ и списывая, и набралъ 12-ть книгъ Миней, которыя потомъ стали читаться на Выгѣ «по вся дни» [75]).

Сначала на Выгѣ «мало было знающихъ пѣвцовъ по знамени». Таковыми считались только: «отецъ Даніилъ, Петръ Прокопьевъ, да Леонтій Ѳеодосѣевъ: а иные наслышкою пояху за ними по крылосамъ». Когда построена была «обитель» на Лексѣ, то Андрей Денисовъ, посовѣтовавшись съ Даніиломъ Викуловымъ, «собра грамотницъ, старыхъ и малыхъ, которыя не учены пѣнію, и нача ихъ самъ учити пѣнію». Нѣкоторыя выучивались скоро [76]).

Заведя училище на Выгѣ для обученія грамотѣ «молодыхъ дѣтей», Денисовъ завелъ и на Лексѣ школу писцовъ, «чтобы право писати». Въ обученіи грамотѣ принимали участіе: Иванъ Вонифатьевъ, Петръ Прокопьевъ и нѣкій Петръ изъ Колы, въ иночествѣ Пафнутій, пришедшій на Выгъ въ «первые годы» и бывшій въ школѣ даже «старостою» [77]).

Живя на Выгѣ, насельники общежитія старались использовать всѣ дары окружающей природы. Такъ, выговцы жили въ лѣсу, гдѣ можно было широко заниматься производствомъ смолы и дегтя. Въ Исторіи Выговской пустыни занесенъ дѣлецъ и на этомъ поприщѣ. Таковъ былъ Матвѣй Стефановъ,

---

[73]) Тамъ же, стр. 136.

[74]) Тамъ же, стр. 139.

[75]) Тамъ же, стр. 157.

[76]) Тамъ же, стр. 141.

[77]) Тамъ же, стр, 107. 157. 257. Житіе Ивана Вонифатьева — Рукоп. Румянцевскаго музея, № 2552, лл. 164—171 обор.

выходецъ изъ села Космозерскаго, получившій постриженіе еще отъ Пафнутія Соловецкаго.

Имѣли также большія стада скота, зимою занимаясь выдѣлкою кожъ [78]).

Практиковалось на Выгѣ и юродство. Исторія Выговской пустыни называетъ юродовъ: Ермолая Амосова, выходца изъ села Шунгскаго, и нѣкоего Тита изъ Олонца. Оба эти лица «никогда новой обуви и одѣянія себѣ изъ казны не взимаше, и мѣста себѣ опредѣленнаго въ келіи не имѣяше»; одежду носили самую «плохую, искропанную и разодранную». Скитаясь по общежитіямъ, они переходили съ Выга на Лексу и обратно, иногда дѣлая кое что, иногда занимаясь предсказаніями [79]).

Послѣ 1715 года, когда мысль о переходѣ съ Выга на другое мѣсто была оставлена совсѣмъ, положеніе Выговской пустыни все улучшалось: все, что ранѣе было начато по организаціи жизни Выга, теперь совершенствовалось и приводилось въ систему, рыбные и звѣриные промыслы теперь получили широкіе размѣры, торговля увеличилась и улучшилась, и жизнь Выговской пустыни, можно сказать, zацвѣла. Тяжелыхъ и горестныхъ событій въ это время почти не было. За данный періодъ можно отмѣтить развѣ только взятіе подъ стражу Даніила Викулова.

Это было въ 1718 году, когда на Выгъ еще не успѣлъ придти бѣжавшій изъ Новгородской тюрьмы Семенъ Денисовъ. Одинъ колодникъ, нѣкогда жившій на Выгѣ, сказалъ за собою «слово и дѣло», показавъ на выговцевъ. Даніила Викулова и «лучшихъ людей» велѣно было взять «къ розыску». Даніилъ въ это время случайно, по своимъ потребностямъ, пріѣхалъ на Петровскіе заводы. И вотъ его «взяша за караулъ и посадиша въ приказъ». «А по иныхъ послаша капитана, да съ нимъ 12 человѣкъ или больше солдатъ» на Выгъ. «И бысть тогда въ монастырѣ, и въ скитахъ, велій страхъ и ужасъ, и трепетъ на всѣхъ, наипаче же во обителехъ. и капитанъ, пріѣхавъ, нача спрашивати по реестру именами: овыхъ имена прописаны, а овыхъ отчество» только, «а иніи уже преставилися... И взявъ сказки подъ смертною казнью, что такихъ людей у нихъ, въ монастырѣ, не сыскалося на лицо и

---

[78]) Тамъ же, стр. 296. 323—324. Выдѣлкою кожъ занимался Алексѣй Лаврентьевъ Корельской, пришедшій сюда еще „на первый заводъ“.

[79]) Тамъ же, стр. 296—298. 324—325.

не бывало, свезе сказку на заводы. А иныхъ, прямыхъ людей, капитанъ не взя съ собою». Но всѣ опасенія были напрасны. «Начальникъ заводскій, иноземецъ», Вильямъ Генингъ написалъ противъ монастырской сказки «отписку милостивую», пославъ съ нею своего деньщика да выговца Никифора Семенова. Вслѣдствіе этого Даніилъ Викуловъ былъ освобожденъ и, къ радости выговцевъ, возвратился въ пустынь [80]).

25 апрѣля 1719 года умеръ Петръ Прокопьевъ. Послѣднее время Петръ сильно болѣлъ, но это не помѣшало ему «написать ко всѣмъ письмо, къ отцемъ и братіямъ», и на Лексу «къ матеремъ и сестрамъ»,—письмо, въ которомъ Петръ «просилъ у всѣхъ прощенія, въ чемъ кого оскорбилъ, или чѣмъ кому досадилъ», и самъ всѣхъ прощая и благословляя. Исторія Выговской пустыни свидѣтельствуетъ, что Петръ имѣлъ большую способность плакать: «яко отъ очію его слезы исхождаху всегда, овогда отъ слезъ и глаголати не можаше, не токмо въ келіи своей, но и на церковной службѣ, и книжномъ чтеніи, и на ученіи братіи». Поэтому Петра называли «слезоточивымъ» [81]). Послѣ Петра уставщикомъ былъ сдѣланъ Трифонъ Петровъ, сынъ священника села Космозерскаго [82]).

Въ 1721 году умерли два члена Выговской общины: Димитрій и Алексѣй, сподвижники и срачители извѣстнаго выговца Михаила Вышатина, пришедшіе на Выгъ изъ Нижегородскихъ пустынь. Андрей Денисовъ говорилъ этимъ покойникамъ, какъ и Петру Прокопьеву, надгробное слово, въ которомъ такъ описывалъ понесенную съ этою смертію выговцами утрату и скорбь: «Видится, яко и тварь вся нашей скорби сожалѣетъ: облацы солнце закрыша, небо помрачися, аэръ возбудися, стихіи смятошася, вѣтры возшумѣша, древеса вострясошася, горы помрачишася, удолія затмишася, вся видимая аки бы съ нами вкупѣ воздряхлствоваша. Сихъ ради нѣкую отраду скорби подати возжелахъ, со слезами чернило смѣсивъ, вашему боголюбію краткими словесы побесѣдовати усердствую». Въ заключеніе, обращаясь къ Михаилу Вышатину, Денисовъ говорилъ: «сподвижниче и срачителю сихъ, Ми-

[80]) Рукоп. Кіевской Академіи изъ собранія митр. Макарія N. Аа. 120, гл. 34.—Сохранились „благодарственныя письма“ выговцевъ Генингу, напр. 12 октября 1721 года (Рукоп. Румянцевскаго музея, № 1252, лл. 289—291).

[81]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 156. 158.

[82]) Извѣщеніе праведное, стр. 78—79.

хаиле, други своя и стаинники отъ многоскорбнаго сего пути съ радостью отпущай во всеутѣшительное пристанище» [83]).

Въ 1722 году на Выгъ пріѣзжалъ миссіонеръ іеромонахъ Неофитъ, посланный Св. Синодомъ по указанію Петра I. Много хлопотъ употребили выговцы, чтобы дать отвѣты Неофиту, но они устроили дѣло такъ, что вышли изъ борьбы, какъ говорили въ расколѣ, побѣдителями.

Въ 1723 году состоялся пріѣздъ на Выгъ подполковника Неплюева для переписи жившихъ тамъ, въ сопровожденіи капитана Герасима Никулина. «Неплюевъ»,—гласитъ раскольническое сказаніе, — производилъ перепись «со смиреніемъ, никому зла не чинилъ, никого не озлоблялъ», и ни онъ, ни Никулинъ «никуда съ монастыря въ скиты не ѣздили» [84]). Значитъ, и эта перепись прошла благополучно: Викуловъ показалъ только 300 душъ, а ихъ было «близь тысящи» [85]).

8 февраля 1724 года, по личной запискѣ Петра I въ Сенатъ, посланъ былъ на Выгъ указъ съ воспрещеніемъ уходить въ Сибирь, какъ дѣлали выговцы дотолѣ [86]). Пріостановить подобный переходъ выговцамъ было легко, и данный указъ, поэтому, не произвелъ на нихъ удручающаго впечатлѣнія.

Такъ, по возможности, устраняя всѣ внѣшнія неблагопріятныя обстоятельства, Выговская пустынь постепенно обстраивалась и организовала свою жизнь.

Послѣ смерти Петра Прокопьева, поставили двѣ большія келіи съ одними сѣнями: одну возачью возакамъ, а другую въ качествѣ кожевни. Потомъ, нашли, что часовня стала «ветха и мала»; поэтому «поставиша часовню новую, велію», съ трапезой, и папертью; сложили въ ней двѣ большія печки. Далѣе, украсили часовню новыми, большими, иконами [87]). Наконецъ, поставили новыя кельи: Даніилу Викулову, Ивану

---

[83]) Рукоп. Румянцевскаго музея изъ собранія Ундольскаго № 1252, лл. 251—255 обор.

[84]) Рукоп. И. П. Б. Q. I. 1083, лл. 143—153.

[85]) Извѣщеніе праведное, стр. 71. Въ табели генералъ-маіора Волкова 1723 года „раскольниковъ, которые жительство имѣютъ въ Олонецкомъ уѣздѣ“ показано 911 человѣкъ (Собр. пост. по ч. раск. I, стр. 132, ср. Собр. пост. по в. п. и. V, стр. 101).

[86]) Рук. Софійской библ. № 1543, лл. 30—32 обор.

[87]) Иконникомъ на Выгѣ долго былъ Аѳанасій Леонтіевъ, пришедшій сюда съ Керженца. Онъ „у всѣхъ принимаше иконы въ починку, не можаше никому отказати“, такъ что даже „не поспѣваше починивати“ (Ист. Выгов. пустыни, стр. 322—323).

Германову, Даніилу Матвѣеву, уставщику Трифону Петрову,—затѣмъ: двѣ швальни—для портныхъ и чеботную,—далѣе: новую больницу, большую, съ заведеніемъ при ней даже богослуженія, — и еще: келью платенному казначею, келью «мѣдную», келью кузнечную, келью нарядчику Лукѣ Ѳедорову, келью «для пріѣзда своихъ торговыхъ» — Никитѣ Филимонову, и «для счету», келью плотникамъ «суды дѣлать», близь «мѣдной». Кромѣ того, построили новую ограду вокругъ монастыря, «въ столбы», захвативъ всѣ кельи, съ большими воротами къ рѣкѣ Выгу, а рядомъ—еще ворота малыя. «За монастыремъ гостинную устроиша для приходу всякимъ прихожимъ людямъ». Поставили новый «конишой» дворъ, съ сараями, новую дровнянную, келью большую—для работниковъ. Построили амбары: внутри ограды и внѣ ея, по берегу Выга. «И пожни по Выгу и по Лексѣ, малымъ рѣкамъ, расчищаху, и пашни распространяху, и братство умножашеся» [88]).

Издавна выговцы завели обычай посылать Петру I «гостинцы» съ привѣтственными «письмами». Посылали живыхъ и стрѣляныхъ оленей, птицъ далекаго сѣвера, иногда пару «сѣрыхъ коней», иногда пару «быковъ большихъ». Петръ I принималъ эти «гостинцы» и «милостиво» и «весело»; привѣтственныя подношенія читалъ всѣмъ вслухъ [89]). Этимъ выговцы достигали того, что неблагопріятнымъ донесеніямъ на выговцевъ Петръ I не вѣрилъ [90]).

Виновныхъ въ нарушеніи заведенныхъ правилъ принято было наказывать: кого поклонами на трапезѣ, кого отлученіемъ отъ трапезы; а упорныхъ велѣно было наказывать и тѣлесно, отсылая за этимъ таковыхъ въ монастырь [91]).

Но слѣдя за соблюденіемъ правилъ общежитія въ членахъ низшей «братіи», архиктиторъ и киновіархъ сами являлись нарушителями этихъ правилъ. Андрей Денисовъ въ женскомъ «монастырѣ» построилъ на имя сестры Соломоніи большую келію, «многія покои, теплые и холодные, имущую», баню «потаенную», и жилъ самъ на Лексѣ, вообще «лучшая устраиваше себѣ, и келейнымъ своимъ, паче же сестрѣ своей и срод-

[88]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 150—151.

[89]) Тамъ же, стр. 140.

[90]) Вмѣстѣ съ Андреемъ Денисовымъ въ Петербургъ для этой цѣли ѣздилъ извѣстный выходецъ изъ села Толвуйскаго Захарій Стефановъ (Тамъ же, стр. 308—309).

[91]) Тамъ же, стр. 143.

ницамъ»,—яденія, «сребро и золото, подаваемое изъ Сибири слитками», все бралъ въ собственность, и называлъ «келейнымъ». Даніилъ Викуловъ построилъ своей дочери Анастасіи такую «келію», что она имѣла до 30 дверей и до 50 оконъ, и жилъ въ ней самъ съ своею «келейницею» [92]).

Изъ праздниковъ съ особенною торжественностью праздновался Ивановскій праздникъ на Лексѣ, что бывалъ 24 іюня, когда съѣзжалось посѣтителей болѣе 2000 человѣкъ обоего пола и когда совершалось перекрещиваніе взрослыхъ и крещеніе младенцевъ [93]).

Таково было устройство Выговскаго общежитія, таковы его промыслы, торговля и вся вообще обстановка. Главное рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принадлежало, конечно, Андрею Денисову, который оставилъ за собой право даже выбирать членовъ Выгорѣцкаго «собора». Но формально обсужденіе и рѣшеніе всѣхъ дѣлъ принадлежало Выгорѣцкому собору. Въ составъ этого собора входили старцы—духовники, экклисіархъ или уставщикъ, келарь, казначей и староста съ выборными отъ скитовъ. Собраніе собора происходило въ особой «соборной келіи», подъ предсѣдательствомъ настоятелей. За отсутствіемъ предсѣдателя на соборѣ первенствовалъ экклисіархъ. Вопросы спорные рѣшались по большинству голосовъ. Власть собора была очень велика: соборъ касался дѣлъ строительныхъ, экономическихъ, торговыхъ, административныхъ, религіозныхъ. Дѣлая постановленіе, соборъ нерѣдко приводилъ въ основаніе каноническія правила вселенскихъ и помѣстныхъ соборовъ. Когда оказывалось, что какое-нибудь постановленіе не соблюдается, то соборъ требовалъ отъ пустынножителей обязательства къ его исполненію. Частныхъ лицъ, виновныхъ въ томъ или другомъ дѣлѣ, приводили на соборъ подъ карауломъ и присуждали: или къ временному отлученію отъ общества, или къ публичному покаянію, или къ заключенію въ «смирительной келіи», или къ сидѣнію на цѣпи. Андрей Денисовъ писалъ «воззванія ко всей Выгорѣцкой киновіи» о соблюденіи «правилъ», устанавливаемыхъ «соборомъ» [94]).

Выговское и Лексинское общежитія были главными раскольническими поселеніями въ Поморьѣ. Но и помимо этихъ

[92]) Извѣщеніе праведное, стр. 72—74. Ист. Выгов. пустыни, стр. 207.

[93]) Извѣщеніе праведное, стр. 112. *Есиповъ*. Раск. дѣла XVIII вѣка, I, стр. 376.

[94]) „Словарь“ Любопытнаго, № 23.

убѣжищъ расколъ имѣлъ послѣдователей вездѣ—во всѣхъ направленіяхъ по нынѣшнимъ губерніямъ: Архангельской, Олонецкой и Вологодской. Въ одномъ опредѣленіи Св. Синода, относящемся къ 1724 году, было сказано, что въ одномъ «Олонецкомъ уѣздѣ, по росписямъ священническимъ, раскольниковъ явилось въ приходѣхъ ихъ многое число» [95]). Тоже нужно сказать и о всѣхъ другихъ уѣздахъ названныхъ губерній. Во всѣхъ нихъ находилось много «скитовъ», при которыхъ по большей части имѣлись часовни, и всѣ они состояли подъ вѣдѣніемъ Выга. Памятники указываютъ 18 раскольническихъ часовень [96]): столько же приблизительно извѣстно и раскольническихъ скитовъ. Таковы скиты: Сергіевъ [97]), Огорѣлышскій [98]), Тихвинскій Боръ, или просто Боровскій [99]), Тагозерскій у Бѣлаго озера [100]), Шелтопорожскій [101]), Березовка [102]), Волозерскій, Нельяки, Лумбыши, Тервозерскій, Кодозерскій, Икшозерскій или Ладожскій, на рѣкѣ Чаженгѣ, на рѣкѣ Андомѣ, на рѣкѣ Пормѣ [103]), Солотозерскій [104]), Гавшезерскій. Въ разсматриваемый нами періодъ всѣ эти скиты уже существовали. Напримѣръ, Сергіевъ скитъ возникъ еще при жизни инока Корнилія, расколоучителя XVII вѣка [105]); въ скитахъ Огорѣлышскій и Тихвинскій Боръ жилъ не позже 1707 года посадскій человѣкъ изъ погоста Кижскаго Иванъ Кирилловъ [106]); въ Тагозерскомъ, Шелтопорожскомъ, Икшозерскомъ, Солотозерскомъ, Волозерскомъ, Тервозерскомъ, Кодозерскомъ скитахъ извѣстны жители еще XVII вѣка [107]); изъ скита Березовка была привезена келья еще при постройкѣ женскаго общежитія на Лексѣ [108]); на Чаженгѣ выговцы за-

[95]) Собр. пост. в. п. и. IV, стр. 261.
[96]) Извѣщеніе праведное, стр. 43.
[97]) Тамъ же, стр. 58. 139.
[98]) Тамъ же, стр. 87.
[99]) Тамъ же, стр. 87. 139.
[100]) Тамъ же, стр. 93. 140.
[101]) Тамъ же, стр. 95. 139. 141.
[102]) Тамъ же, стр. 95. 98. 139. 141.
[103]) Тамъ же, стр. 115. 117. 140. 142.
[104]) Тамъ же, стр. 139.
[105]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 116.
[106]) Иванъ Кирилловъ умеръ въ 1724 году, а прожилъ въ Суземкѣ и на Выгѣ 17-ть лѣтъ (Тамъ же, стр. 326—328).
[107]) Тамъ же, стр. 104. 122.
[108]) Тамъ же, стр. 247.

вели жительство, какъ мы знаемъ, въ 1710 году; Гавшезерскій скитъ, находившійся въ 40 верстахъ отъ Выга, далъ пріютъ старцу Арсенію вскорѣ послѣ 1701 года [109]); скитъ на рѣкѣ Андомѣ, находившійся въ 50 верстахъ отъ Вытегры, около 1708 года жилъ уже полною жизнью [110]); на рѣкѣ Пормѣ, въ 25 верстахъ отъ поселенія раскольниковъ на Чаженгѣ, жило около 400 человѣкъ, и наиболѣе извѣстенъ «толкъ» подъ начальствомъ «дѣвки» Прасковьи Гостьиной [111]).

Андрей Денисовъ часто ѣздилъ по окружнымъ скитамъ «на праздники» и «учаше съ моленіемъ всѣхъ скитскихъ жителей добродѣтельному и спасительному житію»,—«чины и уставы соборно имъ уставляя, духовныхъ надсмотрщиковъ поставляя, съ письменнымъ укрѣпленіемъ» [112]), каковыя «письма» отчасти сохранились даже и досолѣ. Напримѣръ, сохранились посланія Андрея Денисова въ Тихвинскій скитъ, къ Прасковьѣ Гостьиной и др. Часто ѣздилъ по скитамъ и экклисіархъ Петръ Прокопьевъ,—учить, чтобы «церковныя службы торжествовати по уставу и по чину» [113]). *)

---

[109]) Опис. док. и дѣл. Синода, VI, стр. 388—389. Около 1711 года въ Гавшезерскомъ скитѣ нашли пріютъ раскольники Филимонъ и Тарасій (Рук. И. П. Б. Q, I, 1088, лл. 5—12 обор.).

[110]) Старицы Пелагея, Меланья и Ирина, явившись къ судіи Приказа церковныхъ дѣлъ въ 1719 году, показали, что, будучи совращены въ расколъ Андреемъ Денисовымъ, они жили 13 лѣтъ въ кельяхъ подлѣ рѣки Андомы, а „оныхъ келій построено тамъ со 100, въ которыхъ обрѣтается людей мужеска и женска полу, старцовъ, старицъ и бѣльцовъ, 600 человѣкъ“ (Опис. док. и дѣл. Синода, I, стр. 79—80).

[111]) Опис. док. и дѣл. Синода, X, стр. 632.

[112]) Ист. Выгов. пустыни, стр. 143—144.

[113]) Тамъ же, стр, 158.

*) Окончаніе слѣдуетъ.

Патріаршій судъ надъ убійцами въ Византіи X—XV в.

Историческій этюдъ *).

ПАТРІАРШІЙ судъ распространялся въ Византіи не только на убійцъ, но и на виновниковъ другихъ тяжкихъ преступленій, близкихъ къ убійству, при чемъ отъ такого суда не освобождались даже императоры. Характернымъ, въ разсматриваемомъ отношеніи, примѣромъ можетъ служить патріаршій судъ надъ византійскимъ императоромъ Михаиломъ VIII Палеологомъ (1259—1282 г.). Извѣстно, что Михаилъ Палеологъ достигъ царскаго престола путемъ преступленія. Въ концѣ августа 1258 года [25]) скончался никейскій императоръ Θеодоръ II Ласкарисъ, оставивъ престолъ своему семилѣтнему сыну Іоанну (1258—1259 г.) и назначивъ опекуномъ своего друга и сподвижника протовестіарія Георгія Музалона [26]). Но умный и благородный Музалонъ скоро палъ жертвою темнаго заговора, причемъ его не спасло и убѣжище въ храмѣ, гдѣ онъ находился въ моментъ убійства. Дѣло было такъ. Въ девятый день по смерти императора Θеодора II Ласкариса, въ Сосандрскій монастырь (близъ Магнезіи) [27]), гдѣ былъ погребенъ его прахъ, собрались для

*) Окончаніе. См. февраль.

[25]) *Jean Pappadopoulos*, Théodore II Lascaris, empereur de Nicée, p. 138. Paris 1908.

[26]) *Georgius Pachymeres*, Historia, I, 39. Bonnae; *Nicephorus Gregoras*, Byzantina historia, I, 62. Bonnae; *Georgius Acropolites*, Annales, p. 154 (recensuit *Heisenberg*). Lipsiae 1903.

[27]) Этотъ монастырь былъ построенъ въ честь Богоматери императоромъ Іоанномъ III Дукою Ватаци (1222—1254 г.), отцомъ Θеодора II (*Gregoras*, I, 44).

участія въ церковномъ поминовеніи почившаго юный императоръ Іоаннъ, его опекунъ Георгій Музалонъ съ родственниками, представители византійской аристократіи, придворныя дамы, знатные и богатые члены византійскаго общества. Музалонъ и не подозрѣвалъ о заговорѣ противъ него, между тѣмъ какъ многіе византійскіе аристократія были возмущены назначеніемъ его, незнатнаго по происхожденію, на почетный постъ регента и опекуна юнаго василевса и составили коварный планъ его убійства. Душею заговора былъ, повидимому, Михаилъ Палеологъ, великій коноставлъ (начальникъ военнаго отряда, состоявшаго изъ иностранцевъ, преимущественно итальянцевъ и французовъ), будущій императоръ. И вотъ, когда въ храмѣ Сосандрскаго монастыря совершалось заупокойное богослуженіе, привлеченные къ участію въ заговорѣ солдаты— преимущественно изъ отряда иностранцевъ—подняли внѣ храма большой шумъ, кричали о томъ, что они нанесутъ величайшее зло врагамъ царской власти, и потомъ стали толпами входить въ храмъ. Занявши всѣ выходы въ храмѣ и поставивъ вездѣ стражу, мятежники подняли въ храмѣ буйный крикъ, изъ котораго всѣмъ стало ясно, что они явились сюда не для участія въ церковномъ поминовеніи василевса, а для убійства. При крикахъ убійцъ священная пѣснь замолкла, пѣвцы разсѣялись и спрятались по угламъ, гдѣ надѣялись спастись, священнослужители и монахи разбѣжались [28]). Георгій Музалонъ убѣжалъ въ алтарь и спрятался подъ святымъ престоломъ, думая сохранить этимъ свою жизнь, его братъ укрылся за одною большою дверью въ храмѣ, а зять поспѣшилъ спрятаться около царскаго мавзолея. Но ни одинъ изъ Музалоновъ не избѣгъ смерти. Убійцы, ворвавшись въ храмъ въ большомъ числѣ, обыскали всѣ тайныя мѣста и съ кровожадностью звѣрей умерщвляли всѣхъ, кого находили, изъ среды прикосновенныхъ къ Музалонамъ лицъ. Георгія Музалона умертвилъ нѣкто Карлъ, который, вошедши въ алтарь и обыскавши здѣсь все, сперва не нашелъ своей жертвы и хотѣлъ уже идти назадъ. Но судьба (μοῖρα) не избавила Музалона отъ гибели. Этотъ Карлъ заглянулъ подъ престолъ и увидѣвъ несчастнаго, стоявшаго на колѣняхъ, бросился и умертвилъ его,

---

[28]) Византійскіе историки не говорятъ, что патріархъ Арсеній Авторіанъ (1155—1260 г.) присутствовалъ въ это время въ Сосандрскомъ монастырѣ; онъ, вѣроятно, находился въ Никеѣ.

хотя протовестарій умолялъ убійцу о спасеніи и предлагалъ ему дорого выкупить свою кровь. Совершивъ свое постыдное дѣло, заговорщики удалились изъ храма, а потомъ бросились грабить дома Музалоновъ [29]). И такъ, убѣжище въ храмѣ, въ алтарѣ, не всегда оказывалось неприкосновеннымъ, какъ свидѣтельствуетъ трагическая судьба Музалоновъ. Впрочемъ, когда разгораются политическія страсти, когда закулисными факторами дѣлъ частныхъ и общественныхъ служатъ честолюбіе и властолюбіе хитрыхъ и сильныхъ натуръ, не останавливающихся ни предъ чѣмъ въ своихъ притязаніяхъ и интригахъ,—какъ это и было въ разсматриваемое время въ Византіи,—тогда исторія отмѣчаетъ и болѣе поразительные факты людской злобы и несправедливости.

Великій коноставлъ Михаилъ Палеологъ, поставивъ себѣ цѣлью занять царскій престолъ, пошелъ и дальше по пути преступленій. Послѣ убійства Георгія Музалона, онъ съумѣлъ расположить въ свою пользу не только членовъ сената, но и патріарха Арсенія, и былъ объявленъ опекуномъ императора Іоанна, правителемъ государства—съ титуломъ деспота, каковой титулъ давался только сыновьямъ, братьямъ и зятьямъ царствовавшаго императора. Но Палеологу всего этого было мало: его властолюбивая и честолюбивая душа рвалась къ царскому вѣнцу и къ титулу автократора и василевса, хотя между нимъ и престоломъ и стояла клятва, торжественно имъ данная еще предъ отцомъ малолѣтняго императора и предъ освященнымъ соборомъ въ томъ, что онъ не будетъ злоумышлять противъ царствующей фамиліи Ласкáрисовъ и не станетъ искать императорскаго престола. Однако, путемъ подкупа однихъ и обмана другихъ лицъ, въ томъ числѣ патріарха Арсенія, Палеологу удалось даже устроить (въ 1260 г.) свою коронацію. Патріархъ Арсеній былъ такъ возмущенъ недостойнымъ образомъ дѣйствій Палеолога, что отказался отъ престола и удалился въ приморскій монастырекъ Пасхасія [30]).

Между тѣмъ 25 іюня 1261 г. Михаилъ Палеологъ отнялъ у латинянъ Константинополь и совершилъ (15 августа) торжественный въѣздъ въ возвращенную столицу. Такъ какъ патріаршій престолъ Византіи былъ въ это время вакантнымъ, то священный синодъ, при содѣйствіи императора, рѣшилъ

---

[29]) *Pachymeres*, I, 57—62; *Gregoras*, I, 62—66; *Acropolites*, 155.
[30]) *Pachymeres*, I, 111—112; *Gregoras*, I, 80.

вновь избрать на каѳедру бывшаго патріарха Арсенія, уединенно проживавшаго въ монастырѣ Пасхасія. Арсеній согласился занять патріаршій престолъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, если Палеологъ принесетъ предъ нимъ извиненіе за причиненныя обиды и несправедливости. Императоръ принялъ это условіе и—смиренно исполнилъ его послѣ торжественнаго вступленія Арсенія на патріаршій престолъ. Но скоро доброе согласіе, установившееся между императоромъ и патріархомъ, было нарушено гнуснымъ преступленіемъ Палеолога, для честолюбія и властолюбія котораго не было никакихъ преградъ. Горѣвшій жаждою единовластія и, въ силу этого непреодолимаго стремленія, ставившій преходящую славу гораздо выше страха Божія, царь проникся намѣреніемъ самымъ гнуснымъ и богопротивнымъ: онъ приказалъ ослѣпить царевича Іоанна,—дитя нѣжное и почти вовсе не понимавшее, что такое радость или печаль,—дитя, ставившее въ равномъ значеніи и власть, и повиновеніе, довѣрявшее одному только патріарху и окружавшимъ лицамъ, не знавшее, что такое клятва... И однако, совершилось то, что царемъ было приказано, и отрокъ, едва вышедшій изъ лѣтъ самаго нѣжнаго дѣтства, былъ лишенъ зрѣнія. Исполнители преступнаго царскаго приказанія, явившись 25 декабря 1261 г. во дворецъ юнаго василевса Іоанна Ласкариса, оказали несчастному только то состраданіе, что истребили ему глаза не раскаленнымъ желѣзомъ, а какою то раскаленной металлической побрякушкой (ἠχείῳ τινὶ πυρωθέντι): держа несчастную жертву за голову, палачи начали трясти ею предъ насильно открытыми глазами царственнаго отрока, зрѣніе катораго отъ сильнаго жара, исходившаго отъ металла, стало ослабѣвать, а потомъ и совершенно померкло. Тогда преступные слуги преступнаго царя взяли свою почти безчувственную несчастную жертву и отнесли въ крѣпость Дакивизу, близъ моря, гдѣ и заключили юнаго василевса, приставивъ надежную стражу. «А клятвы, условія и страшныя обѣщанія (данныя Палеологомъ раньше),—говоритъ историкъ Георгій Пахимеръ,—были, какъ овопци, поглощены царемъ, который, казалось, имѣлъ благочестіе, за что и былъ церковью избранъ для власти. И вотъ, оправдалось изреченіе, что власть обнаружитъ человѣка,—такъ какъ и здѣсь власть показала, сколько Палеологъ заботился о справедливости и благоговѣніи къ

[31]) *Pachymeres*, I, 191 192.

Богу; ослѣпивъ свою душу суетною славою, онъ приказалъ подвергнуть невиннаго отрока ослѣпленію тѣлесному» [31]).

Вѣсть о страшномъ злодѣйствѣ, не смотря на глубокую, окружавшую его, тайну, скоро сдѣлалась извѣстна византійскому обществу и произвела сильное среди него движеніе. Особенно пораженъ былъ роковой тайной патріархъ Арсеній. Узнавъ о преступленіи, онъ,—по словамъ историка Никифора Григоры,—«вздрогнулъ, вскочилъ съ мѣста, и бросаясь изъ комнаты въ комнату, жалобно вопилъ, безпощадно билъ себя въ грудь, выражалъ мысли, ножомъ пронзающія сердце, жаловался небу и землѣ на совершившуюся неправду, звалъ стихіи отомстить беззаконію, искалъ хотя чѣмъ-нибудь облегчить свое горе и, не находя, испускалъ изъ глубины сердца раздирающіе душу стоны» [32]). Когда бурная скорбъ прошла, патріархъ Арсеній поспѣшилъ созвать на соборъ всѣхъ находившихся въ столицѣ архіереевъ и «горько жаловался имъ на то, что его обманули, изъявлялъ свое негодованіе по тому поводу, что нарушеніемъ клятвъ попираются Божественные законы, и спрашивалъ, что слѣдуетъ дѣлать, дабы ложь не смѣялась надъ истиной и преступникъ, не подвергшись должному наказанію, не считалъ себя счастливымъ». Архіереи выразили свое негодованіе и омерзеніе къ поступку царя и заявили, что они послѣдуютъ за патріархомъ, какую бы мѣру онъ ни примѣнилъ въ отношеніи къ царственному преступнику [33]).

И вотъ, началась упорная и горячая борьба патріарха съ василевсомъ, силы моральной съ физической, причемъ патріархъ боролся «мечемъ духовнымъ, которое есть слово Божіе—διὰ τῆς μαχαίρας τοῦ πνεύματος, ὅ ἐστι ῥῆμα Θεοῦ» [34]). Рѣшивши наказать царя не тѣлесно, но, насколько возможно, подѣйствовать на его душу, Арсеній отправилъ во дворецъ Палеолога своего референдарія, который отъ его имени и объявилъ царю обличеніе за нечестивый поступокъ и отлученіе отъ церкви (ἔλεγχον καὶ ἀφορισμόν). «Здѣсь кое-кто, — говоритъ историкъ Пахимеръ, — могъ бы упрекнуть патріарха за совершенное, такъ какъ (все) произошло «не по обычаю»— ὡς οὐ κατὰ τρόπον γεγόνασι, но, съ другой стороны, онъ можетъ быть и оправданъ, такъ какъ поступить иначе не представля-

[32]) *Gregoras*, I, 93.
[33]) *Pachymeres*, I, 202.
[34]) Ibid.

лось возможности». Упрекать патріарха (продолжаетъ историкъ) можно было бы за то, что онъ, подвергнувъ царя отлученію, позволилъ членамъ клира пѣть для него, такъ что они чрезъ посредство священныхъ службъ находились въ общеніи съ нимъ, да и самъ патріархъ совершалъ священныя богослуженія, на которыхъ открыто поминался тотъ, кого онъ связалъ духовными узами. А оправданіемъ для патріарха могло служить то, что для такого лица, какъ императоръ, назначенная епитимія была достаточной, такъ что, при условіи увеличенія ея, возникала опасность привести все въ хаосъ и вызвать самолюбиваго царя на что-либо и безумное [35]). Историкъ Никифоръ Григора, въ свою очередь, говоритъ, что патріархъ, подвергнувъ царя церковному отлученію и запретивъ совершать его поминовеніе за богослуженіемъ, поступилъ такъ изъ опасенія, чтобы Михаилъ Палеологъ, побуждаемый гнѣвомъ, не произвелъ какія либо нововведенія относительно церкви и чтобы патріарху не пришлось—по пословицѣ—попасть въ пламя, избѣгая дыма (καπνὸν φεύγειν ἐθέλων εἰς πῦρ ἐμπεσεῖν [36]).

Изъ предложенныхъ разъясненій византійскихъ историковъ Пахимера и Григоры видно, что патріархъ Арсеній въ примѣненіи къ Михаилу Палеологу мѣръ духовнаго наказанія за нарушеніе клятвы относительно законнаго наслѣдника византійскаго престола и за преступленіе ослѣпленія его руководился принципомъ акривіи каноновъ, но не во всей безусловной его силѣ и значеніи. Отсюда, наряду съ обличеніемъ и отлученіемъ царя отъ церкви и св. причастія, патріархъ допустилъ совершеніе для него богослуженій придворнымъ духовенствомъ и возношеніе его имени за богослуженіемъ во всѣхъ храмахъ имперіи. Разумѣется, строгая и послѣдовательная акривія, не справлявшаяся ни съ личностью нарушителя каноновъ, ни съ условіями частнаго или общественнаго положенія, ни съ духомъ времени, не допускала такого послабленія или снисхожденія. Это и отмѣтилъ Пахимеръ въ словахъ— οὐ κατὰ τρόπον γεγόνασι. Но этотъ историкъ, какъ и Григора, вслѣдъ за тѣмъ и объясняетъ, что отступленіе отъ строгой и безусловной акривіи было допущено патріархомъ по соображеніямъ высшаго порядка, исключавшимъ мотивы личные для

[35]) *Pachymeres*, I, 203.
[36]) *Gregoras*, I. 93.

него или интересы субъективнаго значенія. Дѣло шло о благѣ церкви, а не самаго патріарха, о правильномъ теченіи жизни церковной, которая могла—при другой политикѣ—потерпѣть ущербъ отъ самолюбія и гнѣва василевса. Что же касается патріарха Арсенія, то для личной его гибели было вполнѣ достаточно и тѣхъ мѣръ противъ царя, которыя были имъ приняты по руководству ослабленной акривіи. Значить, пріемъ патріарха οὐ κατὰ τρόπον не только понятенъ, но до извѣстной степени оправдывается современнымъ положеніемъ церковныхъ дѣлъ въ Византіи. Съ другой стороны, уклоненіе отъ обычнаго τρόπος'а состояло и въ томъ, что надъ василевсомъ, вопреки обыкновенію, не былъ произведенъ формальный патріаршій судъ, какой совершался, напримѣръ, надъ убійцами. Но это отступленіе было сдѣлано также по мотивамъ нѣкотораго снисхожденія—τοιούτῳ προσώπῳ τὰ τῆς ἐπιτιμήσεως αὐτάρκως εἶχε, т. е. въ виду исключительнаго положенія преступника, какъ автократора и василевса. Однако, царю было сдѣлано «обличеніе», т. е. указана его вина въ связи съ прежними его клятвами и обѣщаніями, нарушеніе которыхъ и изобличено было соотвѣтствующими предписаніями церковныхъ каноновъ, а затѣмъ онъ былъ подвергнутъ «отлученію» (ἀφορισμός), которое—въ строгомъ своемъ примѣненіи, въ отношеніи, напримѣръ, убійцъ, — состояло въ лишеніи св. причастія до 20 и болѣе лѣтъ, въ запрещеніи участвовать въ богослуженіи въ теченіе трехъ лѣтъ, въ разрѣшеніи стоять въ притворѣ храма, плакать и просить прощенія у входящихъ и выходящихъ, нести епитимію въ пищѣ и т. п. Впрочемъ, Михаилу Палеологу и въ отношеніи отлученія было оказано патріархомъ снисхожденіе сравнительно съ другими подобными преступниками. При всемъ томъ, «никогда еще византійскій императоръ не подвергался такому униженію въ собственномъ дворцѣ» [37]), какое испыталъ Михаилъ Палеологъ во время объявленія ему чрезъ референдарія патріаршаго «обличенія» и «отлученія отъ церкви». Какъ же императоръ Михаилъ Палеологъ отнесся къ обличенію и отлученію, которымъ его подвергъ патріархъ Арсеній за ослѣпленіе юнаго василевса Іоанна Ласкариса? Историческое освѣщеніе этого вопроса должно уяснить дополнительными чертами уже извѣстное намъ

---

[37]) Проф. *И. Е. Троицкій,* Арсеній, патріархъ никейскій и константинопольскій, и арсениты, стр. 53. Спб. 1873.

положеніе византійскаго патріарха, какъ высшаго церковнаго судіи даже по дѣламъ уголовнаго характера.

Когда патріархъ,—говоритъ Пахимеръ,—наказалъ царя за его преступленіе, то послѣдній волей-неволей принялъ епитимію и, давши мѣсто справедливому обсужденію (θυμῷ νῷ), сталъ успокоиваться, не допуская и укоризны (ибо это было недостойно), а только оправдывалъ, какъ могъ, обстоятельства своего преступленія; хорошо, однако, зная, что онъ подчиняется неизбѣжной необходимости, василевсъ спокойно переносилъ и свой гнѣвъ и просилъ времени для покаянія, послѣ котораго онъ могъ бы получить прощеніе; вѣдь онъ надѣялся, что если немного помолчитъ, а потомъ покажетъ видъ, что раскаялся, и станетъ просить разрѣшенія, то тотчасъ для него послѣдуетъ и прощеніе [38]). Григора, въ свою очередь, разсказываетъ, что царь спокойно переносилъ епитимію въ теченіе многихъ дней и, принявши видъ покорности ждалъ разрѣшенія отъ епитиміи [39]). Но василевсъ ошибся въ своихъ разсчетахъ на скорое и легкое избавленіе отъ патріаршей епитиміи: въ лицѣ Арсенія онъ встрѣтилъ мужественнаго и спокойнаго защитника церковной правды, безбоязненнаго и самоотверженнаго борца за церковныя каноны, ни мало не способнаго къ снисхожденію и послабленію тамъ, гдѣ это не вызывалось высшими мотивами церковной политики. И, вотъ, время шло, а патріархъ Арсеній продолжалъ оставлять царя подъ отлученіемъ и вовсе не склоненъ былъ разрѣшать его. Самоувѣренность Михаила стала колебаться, спокойствіе начало исчезать и въ дѣйствіяхъ его обнаружилась нѣкоторая сдержанность. Червь совѣсти, — говоритъ Пахимеръ, — точилъ его сердце, какъ кость, и онъ казался смиреннымъ, хотя и старался возвеличить свое царское достоинство, боясь подвергнуться презрѣнію и лишиться необходимаго вліянія [40]). При всемъ томъ,—говоритъ тотъ же историкъ,—императоръ ежедневно возмущенъ былъ духомъ, потому что совѣсть не давала ему покоя: связанный столь великими узами (епитиміей), онъ все вмѣнялъ ни во что. Посему не имѣя основанія для своего оправданія, ни намѣренія отвергнуть (патріаршій) судъ, онъ въ такомъ затруднительномъ положеніи обра-

[38]) *Pachymeres*, I, 204.
[39]) *Gregoras*, I, 93.
[40]) *Pachymeres*, I, 204.

тился къ посредникамъ — людямъ духовнымъ и близкимъ патріарху—и горячо просилъ снять съ него узы и наложить на кающагося такое врачество, какое патріархъ желаетъ: онъ готовъ исполнить все, что патріархъ прикажетъ, а сдѣланнаго уже нельзя измѣнить. Когда посредники-архіереи явились къ патріарху и изложили ему рѣчи царя, при чемъ очень многое прибавили и отъ себя въ его пользу, то Арсеній пренебрегъ ихъ просьбою и даже совсѣмъ не хотѣлъ ихъ слушать: «я пригрѣлъ (βαλεῖν εἰς τὸν κόλπον) голубя, — сказалъ, между прочимъ, патріархъ, — а этотъ голубь превратился въ змѣю и уязвилъ меня на смерть». Патріархъ говорилъ и многое другое въ такомъ же родѣ, прибавивъ, что онъ ни въ какомъ случаѣ не разрѣшитъ царя отъ отлученія, хотя бы ему угрожали бѣдствіями, даже самою смертью [41]). Посланные, возвратившись къ царю, сообщили ему отвѣтъ патріарха и повергли его еще въ болѣе тяжелое положеніе. Тогда царь, имѣя въ виду, что τὸ αὐτοπρόσωπον—ἀντιφάρμακον (личное ходатайство—лучшее средство для врачества), рѣшился лично отправиться къ патріарху, раскаяться и просить прощенія. И вотъ онъ,—по сообщенію Пахимера,—много разъ являлся къ патріарху и просилъ уврачевать его (духовную) язву, а патріархъ. въ свою очередь, повелѣвалъ ему пользоваться врачеваніемъ, но только выражалъ свою мысль прикровенно и неопредѣленно, а не въ рѣшительныхъ и ясныхъ формахъ,—и говорилъ царю: «исполни врачество и я приму тебя». И когда царь много разъ просилъ врачества, а патріархъ не высказывался ясно, то царь однажды сказалъ: «да кто знаетъ, согласишься ли ты принять меня, если я сдѣлаю и больше?» На это патріархъ отвѣтилъ: великіе грѣхи требуютъ и великаго врачеванія. А царь, желая узнать сокровенную мысль патріарха, сказалъ: «что же? не приказываешь ли мнѣ отказаться отъ царства?» И съ этими словами взялся за ефесъ своего меча, какъ бы желая отвязать его и передать патріарху. Когда же патріархъ быстро протянулъ руку, какъ бы желая взять подаваемый царемъ мечъ, то царь запѣлъ палинодію (παλινῳδίαν) и сталъ упрекать патріарха въ покушеніи на его жизнь, коль скоро онъ этого желаетъ. Въ другой разъ царь, находясь у патріарха, снялъ съ своей головы калиптру и, не стѣсняясь присутствіемъ многихъ постороннихъ лицъ, наблю-

---

[41]) *Pachymeres*, I, 211--212.

давшихъ эту картину, палъ ницъ къ ногамъ патріарха и умолялъ его простить ему сдѣланное преступленіе. Но патріархъ съ гнѣвомъ отвергъ его и не обратилъ вниманія на то, что царь крѣпко обнималъ его ноги. Когда же царь, вставши, продолжалъ усиленно просить патріарха и настойчиво добиваться прощенія, то Арсеній тотчасъ пошелъ въ свою келію и предъ самымъ лицомъ императора захлопнулъ дверь, оставивъ его не при чемъ. «Такъ робко преступленіе, такъ почтенна добродѣтель»!—восклицаетъ по этому поводу историкъ Пахимеръ [42]).

Много разъ императоръ дѣлалъ предъ Арсеньемъ такого рода попытки, многое предпринималъ и испыталъ, но все оканчивалась для него или неудачей или униженіемъ. Наконецъ, царь пришелъ въ сильный гнѣвъ, въ его душѣ пробудилась жажда мести самоотверженному защитнику церковныхъ канововъ. Въ безсильной злобѣ противъ патріарха василевсъ публично обвинять его въ жестокости и говорилъ, будто «патріархъ приказываетъ ему оставить государственныя дѣла, не собирать податей, не требовать пошлинъ, не принимать никакого участія въ судопроизводствѣ, вообще сложить съ себя всякую власть» [43]). Завинивъ патріарха въ политическомъ преступленіи, Палеологъ при этомъ говорилъ: «такъ-то умѣетъ врачевать нашъ духовный врачъ»! Не ограничившись этою клеветою противъ патріарха, царь вмѣстѣ съ тѣмъ и угрожалъ, что если Арсеній пренебрежительно отнесется къ канонамъ, опредѣляющимъ покаяніе, то онъ, византійскій василевсъ, обратится къ римскому папѣ и станетъ его умолять о прощеніи. Но и эта угроза осталась безцѣльной. «Въ такомъ состояніи,— говоритъ Пахимеръ, — раздраженный и гнѣвный, царь опять приступилъ къ управленію государственными дѣлами, но уже не рѣшался снова умолять патріарха,—такъ какъ зналъ, что не будетъ имѣть успѣха,—но старался устроить обстоятельства для мщенія (патріарху)» [44]). Это мщеніе состояло въ намѣреніи низложить Арсенія съ патріаршаго престола. Однако, достигнуть этого было не легко, потому что безукоризненная жизнь и дѣятельность патріарха не представляли поводовъ, которыми василевсъ могъ бы воспользоваться для своей цѣли.

---

[42]) *Pachymeres*, 212—213.
[43]) *Pachymeres*, I, 213.
[44]) *Pachymeres*, I, 213—214.

Въ виду этого. царь сталъ интриговать противъ патріарха среди архіереевъ и успѣлъ склонить нѣкоторыхъ изъ нихъ на свою сторону. Въ 1265 г., послѣ многихъ другихъ столкновеній царя съ патріархомъ, причемъ послѣдній мужественно отстаивалъ свою позицію борца и защитника церковныхъ канановъ. Михаилъ Палеологъ пригласилъ во дворецъ архіереевъ—своихъ сторонниковъ, изложилъ предъ ними затруднительныя обстоятельства своего положенія, жаловался на то, что церковное отлученіе, наложенное на него патріархомъ Арсеніемъ, отнимаетъ у него свободу дѣйствій и просилъ ихъ найти, наконецъ, средство, къ снятію съ него этого отлученія. «Я просилъ у патріарха прощенія съ искреннимъ раскаяніемъ,—говорилъ Палеологъ архіереямъ,—и настойчиво добивался отъ него врачевства, хотя бы то было раскаленное желѣзо, но онъ отказывалъ и, вмѣсто раскаянія, возбуждалъ отчаяніе... Я многократно приходилъ къ патріарху, но онъ отсылалъ меня, и хотя я искалъ способовъ врачеванія, но не получалъ и даже подвергался порицаніямъ. Патріархъ ничего не открывалъ мнѣ, кромѣ необходимости исцѣлить язву, но какъ исцѣлить, не научалъ, призывалъ меня къ дѣлу, но я не зналъ, что надо дѣлать. Можно предполагать, что все это было насмѣшкой... Мнѣ кажется, онъ желаетъ, чтобы я за свой проступокъ оставилъ престолъ и возвратился къ частной жизни. Но кому онъ предполагаетъ отдать царство,—рѣшительно не знаю. Какія отсюда произойдутъ для государства слѣдствія,—это очевидно само собою... Да и какъ поручиться, что я, лишенный власти, стану жить спокойно. И что станется съ моею женою и дѣтьми?.. Или патріархъ не знаетъ, что однажды вкусившему блаженство царствованія не иначе можно съ нимъ разстаться, какъ черезъ смерть? Да и зачѣмъ нужно было возводить человѣка на такую высоту, когда чрезъ нѣсколько времени приходится низложить его? Зачѣмъ лишать власти того, кто едва только вкусилъ ее? А съ другой стороны, развѣ не церковію опредѣлено покаяніе и не на божественныхъ законахъ оно основано? Развѣ не вы врачуете имъ многихъ? Или для царей въ церкви существуютъ особые законы сравнительно съ прочими?.. Я не могу больше переносить своихъ страданій,—сказалъ въ заключеніе царь, — мнѣ необходимо или отъ васъ получить исцѣленіе, или искать способа врачеванія въ другомъ мѣстѣ» [45]). Рѣчь императора, составленная искусно и

[45]) *Pachymeres*, I, 251—255.

произнесенная съ чувствомъ, произвела впечатлѣніе на архіереевъ, которые и обѣщали царю свое содѣйствіе въ уврачеваніи его недуга. По ихъ совѣту, императоръ долженъ былъ еще разъ отправить къ патріарху особое посольство съ просьбою снять съ него церковное отлученіе, а архіереи, въ свою очередь, обѣщались ходатайствовать за василевса предъ Арсеніемъ. Но все было напрасно: Палеологъ отправилъ къ патріарху не одно, а нѣсколько посольствъ, въ томъ числѣ и своего духовника Іосифа Галисійскаго,—за него ходатайствовали предъ Арсеніемъ и архіереи, просившіе разрѣшить царя отъ клятвы и назначить ему другое вразумленіе, — патріархъ остался неумолимъ, настаивалъ на осуществленіи царемъ назначенной епитиміи и порицалъ архіереевъ и царскаго духовника за ихъ попытки даровать царю прощеніе помимо воли его, патріарха [16]).

Послѣ этого борьба василевса противъ патріарха возгорѣлась съ новой силой. Палеологъ рѣшилъ во что бы то ни стало низложить Арсенія съ патріаршаго престола. Для достиженія своей позорной цѣли онъ пошелъ кривымъ путемъ. Нашелся доносчикъ и клеветникъ противъ патріарха, примикирій патріаршихъ нотаріевъ Еситопулъ, который и подалъ царю формальный, составленный по пунктамъ доносъ на Арсенія. Несмотря на всю его несправедливость и незначительность по существу [17]), дѣлу былъ данъ обычный ходъ и рѣшено было разсмотрѣть представленную жалобу на соборѣ архіереевъ. Императоръ немедленно оповѣстилъ всѣхъ епископовъ имперіи о предстоящемъ судѣ надъ патріархомъ и приглашалъ ихъ прибыть въ Константинополь. Приглашенные епископы прибыли. Мѣстомъ соборныхъ засѣданій былъ назначенъ царскій такъ называемый Алексѣевскій триклинъ, такъ какъ здѣсь царю удобнѣе было руководить занятіями собора. И составъ собора былъ необычный: тутъ были «во множествѣ вельможи и сановники, архіереи и весь синклитъ, также лучшіе монахи изъ всѣхъ обителей вмѣстѣ съ своими настоятелями, были даже многіе изъ болѣе извѣстныхъ и знатныхъ гражданъ» [18]). Когда всѣ заняли мѣста, вышелъ на середину обвинитель и прочиталъ предъ соборомъ свою жалобу. По окончаніи чтенія, со-

---

[16]) Ibid., 255—256.

[17]) Ibid., 257—258. Сравн. проф. *И. Е. Троицкій*, указ. соч., стр. 81—84.

[18]) *Pachymeres*, I, 260.

боръ призналъ необходимымъ пригласить на судъ самого патріарха Арсенія и отправилъ къ нему трехъ архіереевъ и трехъ клириковъ. Но патріархъ рѣшительно отказался явиться на соборъ и чрезъ посланныхъ соборомъ духовныхъ лицъ объяснилъ, что онъ не отказывается отъ суда, но протестуетъ противъ способа и мѣста суда, а также и противъ лицъ. Такой отвѣтъ патріарха, по оцѣнкѣ византійскаго историка Пахимера, былъ вполнѣ справедливъ, ибо «судить патріарха въ присутствіи царя, вельможъ и мірянъ, въ царскихъ чертогахъ и подъ непосредственнымъ вліяніемъ царя, проникнутаго мщеніемъ, есть дѣло недостойное и совершенно неправильное» [49]). Послѣ этого соборъ, соблюдая требованіе каноновъ, еще два раза посылалъ къ патріарху своихъ пословъ съ приглашеніемъ на судъ, но патріархъ опять отклонилъ соборныя приглашенія, мотивируя это тѣмъ, что онъ отвергаетъ «такой способъ суда» [50]).

Между тѣмъ въ промежутокъ времени отъ второго до третьяго приглашенія патріарха на соборъ произошелъ слѣдующій фактъ. По мотивамъ, недостаточно выясненнымъ византійскимъ историкомъ Пахимеромъ, въ одинъ изъ воскресныхъ дней въ маѣ 1267 г., еще до начала литургіи, патріархъ внезапно приказалъ осѣдлать коня и отправился въ царскій дворецъ. Императоръ, предполагая, что патріархъ экстренно прибылъ къ нему для снятія отлученія, былъ этимъ тронутъ, ласково принялъ его и велъ пріятную и продолжительную бесѣду [51]). О чемъ шла эта пріятная для Михаила Палеолога бесѣда,— историкъ не сообщаетъ. Но у Палеолога въ этотъ моментъ сложился хитрый планъ получить отъ патріарха необходимое разрѣшеніе. Настало время совершенія литургіи и императору предстояло отправиться въ храмъ. И вотъ онъ тайно послалъ одного изъ приближенныхъ сказать священнослужителямъ, чтобы они, увидѣвъ входящаго въ храмъ царя, не дожидались, пока онъ совершитъ поклоненіе св. иконамъ, и не медлили изъ-за какого либо другого дѣла, но діаконъ тотчасъ долженъ былъ возгласить «благослови, владыко», а священникъ громкимъ голосомъ и немедленно долженъ былъ произнести обычное благословеніе. Тайный разсчетъ Михаила Палеолога состоялъ въ томъ, что патріархъ вмѣстѣ съ нимъ вой-

[49]) Ibid.
[50]) *Pachymeres*, I, 261; *Gregoras*, I, 94—95.
[51]) *Pachymeres*, I, 261.

деть въ храмъ и своимъ совмѣстнымъ съ нимъ присутствіемъ безмолвно разрѣшить его отъ церковнаго отлученія. И вотъ, въ придворномъ храмѣ, въ виду сдѣланнаго царемъ тайнаго распоряженія, все уже было готово для совершенія литургіи и клиръ въ полномъ облаченіи дождался только прихода царя, чтобы начать богослуженіе. Тѣмъ временемъ царь, продолжая съ патріархомъ оживленную бесѣду, направился чрезъ Алексѣевскій триклинъ въ храмъ. При этомъ онъ тайно придерживался рукою за священную мантію патріарха (τοῦ ἱεροῦ μανδύου τὸν πατριάρχην κατέχων) и, идя на нѣкоторомъ отъ него разстояніи, то останавливался и бесѣдовалъ, то какъ бы направлялся къ храму. Но едва только патріархъ вступилъ на порогъ храма, какъ діаконъ возгласилъ—«благослови», а священникъ тотчасъ произнесъ свое благословеніе. Патріархъ былъ изумленъ этою неожиданностью и, понявши хитрость, тотчасъ повернулся назадъ и вырвавъ мантію изъ рукъ императора, сказалъ ему: «Зачѣмъ ты такъ лукаво крадешь благословеніе и, будучи человѣкомъ, обманываешь Бога? Это и беззаконно, и безполезно». И, упрекая царя сильнѣе, прибавилъ: «Хорошо ли это и приличествуетъ ли царю, избранному для управленія по законамъ (ἐννόμως)? Вѣдь нетерпимо слышать это о другихъ, и одобрить тѣмъ болѣе (невозможно)». И оставивъ пристыженнаго царя, патріархъ орломъ полетѣлъ и, быстро прошедши чрезъ желѣзную дверь триклина, побѣжалъ къ морю, сѣлъ въ лодку и возвратился въ свои палаты. Царь хотя и былъ взволнованъ и смущенъ такимъ поступкомъ патріарха, однако и виду не подалъ, что онъ обиженъ, и притворился великодушнымъ. Но послѣ литургіи, встрѣтивъ въ триклинѣ архіереевъ и клириковъ, царь сталъ имъ жаловаться на жестокость Арсенія, настаивалъ на окончательномъ судѣ надъ патріархомъ и хитро намекнулъ на ожидающія судей царскія милости [52]).

Когда патріархъ Арсеній и въ третій разъ отказался явиться на соборъ, созванный для суда надъ нимъ, то этотъ судъ былъ произведенъ заочно, при чемъ приговоръ надъ патріархомъ состоялся не столько по неосновательной на него жалобѣ Епситопула, сколько за то, что онъ не явился на соборъ. И вотъ Арсеній «за уклоненіе отъ суда» былъ присужденъ къ низложенію съ престола [53]). На соборѣ въ защиту невиннаго Арсе-

[52]) *Pachymeres*, I, 262–263.

[53]) *Pachymeres*, I. 266–267.

нія поднялъ голосъ только александрійскій патріархъ Николай, который и былъ за это членами собора устраненъ отъ церковнаго общенія, но «не измѣнилъ своего образа мыслей и остался до конца твердъ въ своемъ убѣжденіи». Что же касается византійскихъ іерарховъ, производившихъ судъ надъ Арсеніемъ, и антіохійскаго патріарха Евѳимія, также присутствовавшаго на соборѣ, то всѣ они оказались вѣрными слугами василевса и исполнителями его властолюбиваго повелѣнія [54]).

Патріархъ Арсеній мужественно встрѣтилъ соборное рѣшеніе. Когда спеціальные послы объявили ему приговоръ собора и приказали готовиться къ удаленію, то онъ, прежде всего, возблагодарилъ Бога и выразилъ свое совершенное желаніе отправиться туда, куда прикажутъ, а потомъ обратился съ знаменательной рѣчью къ своему клиру, окружившему патріарха въ этотъ критическій для него моментъ. «Знайте, дѣти,—говорилъ Арсеній,—что все это случилось со мною по устроенію Божію, а волѣ Божіей надлежитъ повиноваться (во всемъ), что бы она ни опредѣлила касательно насъ. Мы поставлены пастырями по суду Святаго Духа, призвавшаго насъ, хотя и недостойныхъ, къ тому, чтобы по возможности пасти стадо Христово; и вы знаете, что мы исполняли свои обязанности, быть можетъ, и не хорошо, но, во всякомъ случаѣ, соотвѣтственно нашей способности. Но зачѣмъ мнѣ говорить о томъ, что извѣстно (и вамъ)? Однако, мы многихъ, быть можетъ, оскорбили, отъ многихъ и сами потерпѣли оскорбленія: примиримся же и простимъ другъ другу обиды. Любовь церкви такова, что и мы, какъ отцы, когда переносимъ обиды отъ васъ, должны принимать васъ, какъ дѣтей, равнымъ образомъ и вы, когда терпите оскорбленія отъ насъ, должны забыть свою вражду и слѣдовать за нами, какъ истинные члены (церкви). Нынѣ наступило время простить другъ другу обиды наши. Я со своей стороны исполняю это, прощаю всѣмъ и охотно иду туда, куда Богу угодно. Вы же идите, пересмотрите въ отдѣльности, провѣрьте и примите отъ насъ церковные сосуды, драгоцѣнныя одежды, мощи святыхъ и книги, дабы кто-нибудь не обвинилъ насъ въ святотатствѣ. И, наконецъ, радуйтесь, дѣти, о Господѣ и спасайтесь. Эту одежду, свитокъ и три монеты, которыя, по правилу монаховъ, принадлежали намъ во время вступленія на патріаршество и которыя мы пріобрѣли собственными тру-

[54]) *Pachymeres*, I, 271—272.

дами—путемъ переписыванія псалтири, мы беремъ опять и удаляемся». Послѣ этой рѣчи къ своему клиру, патріархъ обратился къ соборнымъ посламъ и сказамъ: «братія, вотъ я готовъ и не устрашусь, чтобы вы ни замыслили относительно меня; вы, какъ говорите, сдѣлали свое дѣло, остальное пусть дѣластъ царь и пусть онъ приказываетъ, куда намъ слѣдуетъ идти, а лучше—пусть пришлетъ людей, которые должны вести насъ; мы же нисколько не станемъ противиться, мечъ ли онъ приготовитъ намъ, или смерть». Сказавши это, патріархъ съ миромъ отпустилъ всѣхъ, а самъ, ни о чемъ больше не заботясь, сѣлъ и ждалъ царскаго приказа [55]). Такъ величественъ былъ византійскій патріархъ въ этотъ важнѣйшій моментъ своей жизни. Вступивъ съ царемъ въ борьбу за торжество церковныхъ каноновъ и подвергшись за это несправедливому суду и низложенію съ престола, онъ не обнаружилъ ни колебанія въ своей рѣшимости защищать церковную правду, ни уступчивости предъ могучимъ василевсомъ въ пользу личныхъ своихъ интересовъ, ни даже упрековъ или жалобъ на несправедливость. Онъ безропотно подчинился царскому приказу, такъ какъ видѣлъ неравенство въ силахъ и даже полное различіе въ средствахъ борьбы, прекрасно зналъ, что церковные каноны и власть патріарха не только не пострадаютъ, но даже выиграютъ въ своемъ достоинствѣ и авторитетѣ при столкновеніи съ политической силой и въ концѣ концовъ восторжествуютъ надъ грубымъ произволомъ и корыстной неправдой. Какъ представитель церкви и выразитель любви Христовой, патріархъ Арсеній всѣмъ простилъ и у всѣхъ испросилъ прощенія, усматривая въ своей судьбѣ перстъ Божій, видя въ своемъ изгнаніи проявленіе промысла Божія, благого и спасительнаго. Онъ со своей стороны сдѣлалъ все возможное для торжества церкви и для достойнаго іерархическаго представительства, а все остальное зависитъ отъ всемогущей воли Божіей. Въ такомъ настроеніи для него никакое царское распоряженіе, до смерти включительно, не было страшно и опасно, поэтому онъ вполнѣ спокойно ожидалъ своей участи. Она и опредѣлилась въ ночь на 30-е мая 1267 года, когда въ патріаршія палаты явились царскіе послы, посадили патріарха въ лодку и отвезли въ заключеніе на островъ Проконнисъ [56]).

---

[55]) *Pachymeres*, I, 268—270.

[56]) *Pachymeres*, I, 271; *Gregoras*, I, 95.

Но «крѣпкое стояніе Арсенія за Божественые законы», его «дерзновеніе предъ царемъ», добродѣтели и богоугодная жизнь создали ему въ представленіи византійскаго народа ореолъ святого и вѣнецъ мученика. Поэтому его правое дѣло, за которое онъ стоялъ съ полнымъ самоотверженіемъ, не могло ни прекратиться въ той стадіи, какая ему произвольно была дана императоромъ Михаиломъ Палеологомъ, ни—тѣмъ болѣе—безслѣдно исчезнуть въ пучинѣ бурной жизни современной Византіи.

Патріархъ Арсеній Авторіанъ былъ очень популяренъ среди византійцевъ. Это былъ строгій аскетъ по жизни, крайне умѣренный въ пищѣ и питьѣ, носившій простую одежду, всегда серьезный, строгій къ себѣ, но снисходительный къ другимъ, усердный молитвенникъ, отличавшійся многими добродѣтелями. Народъ еще при жизни Арсенія почиталъ его святымъ и разсказывалъ о многихъ чудесахъ, имъ совершенныхъ [57]. Вообще, это былъ типичный византійскій патріархъ, олицетворявшій въ своей жизни тотъ образецъ — τύπος, который былъ начертанъ въ Эпанагогѣ. Поэтому, во время суда надъ Арсеніемъ Константинополь представлялъ весьма оживленную картину: на улицахъ и площадяхъ толпами двигался народъ по направленію къ царскому дворцу, желая узнать о подробностяхъ судопроизводства, всюду рѣчь только и шла о мужественномъ патріархѣ, поборникѣ правды, вездѣ одобряли его крѣпкое стояніе за Божественные законы. И вотъ, когда Арсеній былъ низложенъ съ патріаршаго престола и подвергнутъ суровому заключенію вдали отъ Константинополя, въ столицѣ немедленно образовался церковный расколъ его сторонниковъ-арсенитовъ, поставившихъ себѣ задачей защищать правое дѣло низложеннаго патріарха и добиваться торжества каноновъ надъ произволомъ и насиліемъ василевса,—съ цѣлью побудить его къ исполненію возложенной на него Арсеніемъ епитиміи [58]).

Между тѣмъ на патріаршій престолъ былъ избранъ адріанопольскій митрополитъ Германъ (1267 г.), во многомъ уступавшій своему знаменитому предшественику. Императоръ Михаилъ, оказавшій давленіе на соборъ архіереевъ въ дѣлѣ избранія Германа, разсчитывалъ при его помощи освободиться отъ церковнаго отлученія, возложеннаго на него Арсеніемъ.

---

[57]) *Acropolites*, 180.

[58]) Проф. *И. Е. Троицкій*, указ. соч., стр. 193 и д.

и по этой причинѣ снисходительно отнесся къ моральнымъ качествамъ новаго патріарха. Но онъ опять ошибся въ своихъ разсчетахъ. Прежде всего, арсениты, предполагая, что Германъ, въ виду незаконнаго низложенія Арсенія, откажется отъ патріаршаго престола и заявитъ свой протестъ противъ несправедливости императора, немедленно провозгласили его измѣнникомъ дѣлу церкви, когда Германъ принялъ избраніе,—излили на него все свое презрѣніе и всю свою ненависть, осмѣяли его въ глазахъ народа и открыто провозгласили, что Германъ вовсе не патріархъ, потому что «противозаконно перешелъ съ престола дочери (митрополіи) на престолъ матери (великой церкви)» [59]). Затѣмъ, народъ, почитавшій Арсенія святымъ за его высокія личныя достоинства, не встрѣтилъ въ лицѣ Германа тѣхъ типичныхъ нравственныхъ доблестей, которыми, по его представленію, долженъ былъ отличаться патріархъ: Германъ былъ мягкій, уклончивый и уступчивый человѣкъ, неспособный поддержать достоинство и права церкви въ критическій моментъ, не умѣвшій заявить протестъ противъ вопіющаго насилія василевса и противъ царскаго произвола, въ защиту попранныхъ церковныхъ каноновъ. Наконецъ, и самъ Михаилъ Палеологъ скоро убѣдился въ томъ, что онъ опрометчиво поступилъ въ избраніи Германа на патріаршій престолъ и односторонне оцѣнилъ свое положеніе въ церкви, въ виду возложенной на него Арсеніемъ епитиміи. По свидѣтельству историка Пахимера, царя по прежнему озабочивала мысль о разрѣшеніи епитиміи, хотя онъ и *недоумѣвалъ*, какъ и отъ кого онъ можетъ получить такое разрѣшеніе [60]). Разумѣется, лучшимъ способомъ освободиться отъ церковнаго «отлученія» было бы «разрѣшеніе» царя самимъ патріархомъ Арсеніемъ, который и подвергъ его епитиміи. Въ виду же фактической невозможности—при данныхъ условіяхъ—воспользоваться такимъ средствомъ, Михаилъ Палеологъ пришелъ къ мысли найти другой способъ, который до извѣстной степени могъ имѣть въ представленіи византійцевъ равнозначущее съ первымъ и равносильное значеніе. И вотъ царь, по свидѣтельству Пахимера, сталъ выражать желаніе, чтобы его разрѣшеніе отъ церковныхъ узъ было совершено патріархомъ и всѣмъ соборомъ архіереевъ, находившихся въ столицѣ (παρὰ

[59]) *Pachymeres*, I, 282.
[60]) *Pachymeres*, I, 290.

πατριάρχου καὶ πάσης συνόδου). По его мнѣнію, при такомъ способѣ разрѣшенія авторитетъ патріарха Арсенія можетъ быть замѣненъ авторитетомъ патріарха Германа и всего собора, иначе — авторитетомъ всей церкви, представителями которой являлись всѣ архіереи, во главѣ съ патріархомъ. И торжественность, которою предполагалось обставить разрѣшеніе царя, должна была затмить келейное объявленіе отлученія, нѣкогда произнесенное патріархомъ Арсеніемъ чрезъ своего референдарія. Но, размышляя дальше, Палеологъ пришелъ къ мысли о недостаточности и этого способа разрѣшенія. Онъ подозрѣвалъ, что разрѣшитель (патріархъ Германъ) можетъ оказаться разрѣшителемъ неразрѣшимаго, какъ потому, что народъ относится къ нему пренебрежительно, такъ и потому, что не онъ, Германъ, возложилъ епитимію; наконецъ, препятствіемъ служили и обстоятельства его вступленія на патріаршій престолъ [61]). Иначе сказать, авторитетъ патріарха Германа стоялъ въ представленіи народа невысоко, такъ что никоимъ образомъ не могъ считаться равносильнымъ авторитету низложеннаго Арсенія; и «соборъ» дискредитировалъ себя въ представленіи народа не только тѣмъ, что не протестовалъ противъ грубаго вторженія василевса во внутреннія дѣла церкви и не сталъ на защиту несправедливо низложеннаго патріарха Арсенія, но и тѣмъ, что согласился на избраніе Германа примѣнительно къ волѣ Палеолога, тогда какъ патріаршій престолъ по всей справедливости долженъ былъ принадлежать Арсенію; значитъ, общественное мнѣніе учло въ вину Михаилу Палеологу и не вполнѣ правильный способъ избранія Германа на патріаршій престолъ. Наконецъ, препятствіемъ къ разрѣшенію служило и то, что не Германъ возложилъ на царя епитимію. При такихъ условіяхъ и оказалось, что «Германъ не разрѣшитъ (царя отъ епитиміи Арсенія), хотя бы и разрѣшалъ, потому что предъ Богомъ разрѣшеніе его будетъ недостаточно, недѣйствительно и царь прощенія не получитъ», — какъ говорилъ Михаилу Палеологу его духовникъ Іосифъ Галисійскій [62]).

Такимъ образомъ, тотъ планъ избавленія отъ церковной епитиміи, который былъ составленъ Михаиломъ Палеологомъ, постепенно рушился, царь по-прежнему былъ связанъ духов-

[61]) *Pachymeres*, I, 290. Сравн. *И. Е. Троицкій*, указ. соч., стр. 127.
[62]) *Pachymeres*, I, 291.

ными узами, не имѣлъ свободы въ своей дѣятельности, являлся преступникомъ и предъ судомъ своей совѣсти, и въ представленіи народа. Гдѣ же былъ выходъ изъ затруднительнаго положенія?—По оцѣнкѣ Палеолога, онъ состоялъ не въ чемъ иномъ, какъ въ устраненіи съ патріаршаго престола недавно избраннаго Германа, какъ неспособнаго дать царю надлежащее, дѣйственное врачество отъ его духовной язвы, и въ избраніи на престолъ другого первоіерарха, до извѣстной степени равнаго, по своему духовному авторитету, низложенному Арсенію, правоспособному снять съ царя тяготѣвшее надъ нимъ церковное отлученіе. Значитъ, одна неправда царя породила рядъ другихъ незакономѣрныхъ его дѣйствій, унижавшихъ и его авторитетъ, какъ епистимонарха церкви, и нарушавшихъ правильное теченіе внутренней церковной жизни. Но, конечно, было мало сознать необходимость низложенія Германа, надлежало привести въ исполненіе и это произвольное рѣшеніе царя. Однако, за Германомъ съ принципіальной стороны и по характеру іерархической его дѣятельности не было никакой личной вины, которая могла бы служить каноническимъ основаніемъ къ его низложенію. Вина его состояла лишь въ томъ, что онъ не соотвѣтствовалъ видамъ и желаніямъ царя, во что бы то ни стало стремившагося оправдать себя предъ церковію и народомъ въ совершенномъ преступленіи и изгладить всякій слѣдъ разъѣдавшей его совѣсть духовной язвы. Но вѣдь самъ же царь и содѣйствовалъ избранію Германа на патріаршій престолъ. При такихъ обстоятельствахъ, наилучшимъ выходомъ изъ затрудненія было *добровольное* отреченіе Германа отъ престола. А для этого опять необходимо было внушить Герману мысль о такомъ отреченіи... Нѣтъ нужды входить во всѣ детали вопроса о томъ, какъ Германъ volens nolens отрекся отъ патріаршаго престола: подъ вліяніемъ мнимо-дружескихъ совѣтовъ и предупрежденій, Германъ постепенно понялъ, что онъ не на мѣстѣ, и въ сентябрѣ 1267 года, послѣ трехъ съ половиной мѣсяцевъ пребыванія на патріаршемъ престолѣ, отказался отъ власти и удалился въ свою келлію въ Манганахъ, на берегу Босфора [63]).

28 декабря 1267 года на византійскій патріаршій престолъ былъ избранъ духовникъ царя Іосифъ Галисійскій, чело-

[63]) *Pachymeres*. I, 296—299.

вѣкъ мягкій, снисходительный, всецѣлый сторонникъ принципа οἰκονομία. Императоръ весьма предупредительно относился къ новому патріарху, разсчитывая получить отъ него сильно заботившее его разрѣшеніе отъ епитиміи. И вотъ онъ всѣми мѣрами содѣйствовалъ патріарху и архіереямъ привести въ порядокъ церковныя дѣла, нарушенныя прежними волненіями, каждый день наблюдалъ, чтобы то, о чемъ просилъ его патріархъ, исполнялось немедленно, и этимъ предрасполагалъ предстоятеля церкви къ освобожденію его отъ отлученія. Онъ съ такою готовностью выслушивалъ представленія и рѣчи патріарха, что, разсылая по всѣмъ ѳемамъ византійской имперіи свои опредѣленія, приказывалъ лицамъ начальствующимъ принимать грамоты патріарха въ значеніи собственныхъ своихъ указовъ, угрожая наказаніемъ за неисполненіе того, что въ нихъ было предписано исполнить; затѣмъ, по ходатайству патріарха, онъ отворялъ тюрьмы, освобождалъ отъ оковъ многихъ заключенныхъ, удостоилъ помилованія осужденныхъ, возвратилъ въ отечество изгнанныхъ и простилъ тѣхъ, на кого гнѣвался [64]). Всѣми такими дѣлами милосердія и благотворенія императоръ Михаилъ, по мнѣнію патріарха Іосифа, отчасти искупилъ свою вину, поэтому патріархъ рѣшилъ, наконецъ, снять съ него отлученіе и примирить съ церковью. Объ этомъ не переставалъ умолять патріарха самъ царь, со скорбію и сокрушеніемъ переносившій въ теченіе *шести* лѣтъ тяжелое духовное иго и пламенно стремившійся вступить въ полное и совершенное общеніе съ церковью.

Наконецъ, для Палеолога насталъ этотъ давно желанный день. 2 февраля 1268 года, въ праздникъ Срѣтенія Господня, въ великой Христовой церкви (Св. Софіи) состоялось слѣдующее умилительное церковное торжество. Наканунѣ этого праздника патріархъ Іосифъ со всѣми архіереями, находившимися въ столицѣ, совершилъ въ храмѣ Св. Софіи всенощное богослуженіе, продолжавшееся, по византійскому обычаю, до утра. Храмъ по праздничному былъ освѣщенъ всѣми, въ изобиліи здѣсь находившимися, лампадами, исполненіе церковныхъ пѣснопѣній отличалось необыкновенною торжественностью, народъ въ громадномъ количествѣ наполнялъ величественный храмъ. По богослужебному чину, во время всенощного бдѣнія были вознесены къ Богу молитвы и за царя Ми-

[64]) *Pachymeres*, I, 306.

хаила,—тамъ какъ патріархъ Арсеній, подвергнувшій царя отлученію, не нашелъ возможнымъ отмѣнить предписаніе типикона о молитвѣ за василевса. Къ тому же, въ богослуженіи наканунѣ праздника Срѣтенія Господня молитвы за царя были особенно необходимы, въ виду готовившагося на слѣдующій день новаго торжества, связаннаго съ отлученіемъ василевса. Церковь, рѣшившая, какъ любвеобильная мать, снизойти къ покаянію царственнаго преступника, въ цѣлонощномъ богослуженіи и проникновенной молитвѣ, совершенныхъ соборомъ іерарховъ, во главѣ съ патріархомъ, находила путь къ возстановленію порваннаго духовнаго единенія съ своимъ покровителемъ и защитникомъ. Вообще, богослуженіе наканунѣ 2 февраля 1268 г. отличалось необыкновенною торжественностью. А въ день Срѣтенія Господня въ Святой Софіи было отпраздновано другое церковное торжество. По окончаніи всенощнаго богослуженія, патріархъ вмѣстѣ съ архіереями тотчасъ приступилъ къ совершенію божественной литургіи. Закончилась литургія, въ чинѣ которой не было никакихъ отступленій... И вотъ императоръ сходитъ съ своего царскаго мѣста и, въ сопровожденіи своихъ оруженосцевъ, всѣхъ членовъ сената и другихъ правительственныхъ лицъ, подходитъ къ царскимъ вратамъ. Между тѣмъ, патріархъ и архіереи стояли внутри алтаря и, когда увидѣли приближавшагося василевса, также вышли изъ алтаря чрезъ царскія врата. Царь подошелъ къ патріарху, снялъ съ своей головы калиптру и съ непокрытою головою повергается ницъ предъ Богомъ, припалъ прежде всего къ ногамъ патріарха, громкимъ голосомъ, во всеобщее услышаніе, исповѣдалъ свое преступленіе противъ законнаго наслѣдника престола и съ пламеннымъ усердіемъ просилъ прощенія. Когда царь лежалъ, повергшись ницъ предъ патріархомъ, послѣдній развернулъ находившійся въ его рукахъ хартію съ написанною здѣсь формулой прощенія и прочиталъ подробное и раздѣльное изложеніе вины его относительно царевича Іоанна, а въ заключеніе громко произнесъ ему прощеніе и разрѣшеніе. Послѣ патріарха тоже самое сдѣлали по порядку и всѣ находившіеся въ храмѣ архіереи: каждому изъ нихъ царь кланялся въ ноги, у каждаго просилъ прощенія, а они—одинъ за другимъ—держа свитокъ въ рукахъ, читали его и произносили прощеніе, подобно патріарху. Зрѣлище было трогательное и умилительное, поэтому многіе изъ присутствующихъ, особенно члены синклита, изъ состраданія къ

царю плакали. Когда вся церемонія закончилась, царь всталъ,— говоритъ Пахимеръ,—обновился священнымъ веселіемъ духа, помолился и, простившись, отправился во дворецъ. Послѣ этого онъ съ большею энергіею занялся общественными дѣлами [65]). Такъ получилъ прощеніе и разрѣшеніе императоръ Михаилъ Палеологъ, шесть лѣтъ находившійся подъ отлученіемъ за ослѣпленіе царевича Іоанна Ласкариса.

Изложенный фактъ имѣетъ важное значеніе въ связи съ вопросомъ о привилегіи византійскихъ патріарховъ судить убійцъ и другихъ уголовныхъ преступниковъ. Оказывается, этотъ судъ простирался и на императоровъ, несмотря на ихъ высокое значеніе въ церкви, какъ членовъ-первенцевъ ея, какъ епистимонарховъ и дефенсоровъ. Коль скоро нарушителемъ каноновъ оказывался василевсъ, запятнавшій себя особо тяжкимъ преступленіемъ, какъ ослѣпленіе юнаго царевича — въ данномъ случаѣ, судъ патріарха простирался и на него и примѣнялся, въ зависимости отъ церковныхъ дѣятелей эпохи, то со строгостью акривіи, то съ тѣмъ или инымъ снисхожденіемъ экономіи. И это было наивысшимъ торжествомъ церкви, величайшей привилегіей патріаршаго достоинства. Вѣдь василевсъ, какъ нарушитель гражданскихъ законовъ, оказывался въ исключительномъ положеніи, стоялъ до извѣстной степени внѣ грозной ихъ силы. Не таково было его положеніе предъ судомъ церковныхъ каноновъ. Здѣсь онъ не имѣлъ никакихъ преимуществъ, несмотря на свое первенство въ государствѣ. И если византійскій патріархъ подвергалъ своему суду обыкновеннаго міряница за преступленіе убійства, то такой судъ находился въ связи съ правомъ церковнаго убѣжища и являлся до извѣстной степени его послѣдствіемъ и завершеніемъ. Въ разсмотрѣнномъ же фактѣ церковнаго суда надъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ самое вчинаніе процесса принадлежитъ церкви, которая въ продолженіи всего дѣла занимала доминирующее значеніе и, въ лицѣ патріарховъ, творила свой судъ со властью и силой. И нужно видѣть, — какъ царственный преступникъ трепеталъ патріаршаго суда. Въ теченіе шести лѣтъ онъ несъ иго отлученія, со всѣми его послѣдствіями, до лишенія св. причастія включительно, въ теченіе шести лѣтъ онъ чувствовалъ себя отсѣченнымъ отъ тѣла церкви Христовой, связаннымъ духовными узами, несвободнымъ

---

[65]) *Pachymeres*, 306—307.

въ своей царственной дѣятельности. Первоначально разсчитывая легко и скоро освободиться отъ церковнаго отлученія, Михаилъ Палеологъ потомъ понялъ всю несправедливость и безосновательность своихъ упованій, потерялъ почву подъ ногами, сталъ дѣйствовать опрометчиво, терзался въ душѣ и, наконецъ, смирился. Цѣлыхъ шесть лѣтъ царь пребывалъ въ унынiи, жилъ одною мыслію, стремился къ одной цѣли — получить разрѣшеніе церкви. Но церковь, объявивъ—въ лицѣ патріарха Арсенія — свой судъ надъ царемъ, должна была довести его до конца. И какъ величественъ былъ этотъ судебный финалъ! Царь, какъ обыкновенный преступникъ, повергся ницъ предъ патріархомъ Іосифомъ, припалъ къ его ногамъ, во всеуслышаніе исповѣдалъ свой грѣхъ, раскаялся въ немъ и со слезами молилъ о прощеніи. Патріархъ до конца выслушалъ исповѣдь царя, подробно и громко изложилъ по хартіи, этому протоколу суда, всю вину его и, видя сокрушеніе и раскаяніе преступника, изрекъ ему прощеніе и разрѣшеніе, которыя онъ выстрадалъ, искупилъ, заслужилъ. Такой же судъ произвели и митрополиты. Многіе, присутствовавшіе, въ храмѣ были такъ тронуты и даже потрясены зрѣлищемъ церковнаго суда, что горько плакали... Да вѣдь въ патріаршемъ судѣ надъ императоромъ Михаиломъ Палеологомъ повторилось почти то же, что намъ уже извѣстно изъ представленнаго выше описанія этого суда надъ убійцами! И вполнѣ понятна радость Михаила Палеолога, когда съ него было снято многолѣтнее бремя грѣха и онъ почувствовалъ себя духовно обновленнымъ. Недаромъ царь впослѣдствіи неоднократно говорилъ, придерживаясь за святительскую мантію Іосифа, что онъ, патріархъ, открылъ ему врата Едема и вмѣстѣ съ собою введетъ его туда,—при этомъ со слезами умиленія благодарилъ Іосифа, въ присутствіи придворныхъ чиновъ и сановниковъ, за духовное врачество и разрѣшеніе [66]). Такимъ великимъ авторитетомъ пользовался въ средніе вѣка византійскій патріархъ, такъ дѣйственно и благотворно вліялъ онъ на церковное самосознаніе общества и царей, осуществляя свою высокую миссію и при посредствѣ своего суда даже надъ убійцами!..

Насколько велико было въ Византіи значеніе и права церковнаго убѣжища, и привилегіи патріаршаго суда надъ

[66]) *Pachymeres*, I. 338.

убійцами,—объ этомъ хорошо свидѣтельствуетъ обѣщаніе, данное вселенскому патріарху Матоею въ февралѣ 1401 г. генуезцемъ Георгіемъ Тебрадже по поводу удаленія въ храмъ Святой Софіи одной изъ рабынь этого богатаго иностранца, проживавшаго въ Константинополѣ. «Я, Георгій Тебрадже, настоящимъ своимъ обѣщаніемъ въ присутствіи святѣйшаго господина нашего, вселенскаго патріарха, объявляю, что такъ какъ моя рабыня убѣжала отъ меня и скрылась въ святѣйшей великой Божіей церкви, то я просилъ ее къ себѣ и не получилъ, и нынѣ вторично просилъ и вотъ, чрезъ посредство архонтовъ Вароомомея Vilannuccius'а драгомана и Іоанна Brugnadello тавуларія, я теперь беру ее, съ тѣмъ, чтобы не причинять ей ничего изъ недозволеннаго, т. е. не буду увѣчить ее, ни продавать, ни убивать; а если я сдѣлаю съ нею что либо подобное, то долженъ подвергнуться отлученію и отъ величайшаго его святительства (патріарха), если я окажусь православнымъ, а если нѣтъ,—то подлежу отлученію со стороны (римскаго) папы. Въ удостовѣреніе этого и дано настоящее мое обѣщаніе въ присутствіи святѣйшаго моего господина и названныхъ архонтовъ—генуезцевъ». Документъ засвидѣтельствованъ подписями и этихъ двухъ архонтовъ [67]). Такимъ образомъ, къ защитѣ подъ кровомъ Святой Софіи прибѣгали даже иностранцы и, опираясь на духовный авторитетъ византійскаго патріарха, искали у него помощи противъ притѣсненій отъ лицъ латинскаго обряда. Правда, до патріаршаго суда между генуезцемъ-католикомъ Георгіемъ и его служанкой дѣло не дошло, но, — надо полагать, — онъ былъ бы неизбѣженъ, если бы столкновеніе между господиномъ и рабыней завершилось преступленіемъ. И нѣтъ основанія дѣлать изъ представленнаго документа заключеніе о «западномъ» вліяніи въ области церковнаго суда въ Византіи и утверждать, будто «въ позднѣйшее время византійство и латинство переплелись и перепутались между собою» — въ отношеніи къ подсудности дѣлъ церковныхъ [68]). Обѣщаніе иностранца-латинянина, данное предъ первоіерархомъ правос-

[67]) *Miklosich* et *Müller*. II, 462. Въ 1400 г. правомъ убѣжища въ Святой Софіи воспользовался нѣкто Николай — ὁ ἐξ ἐθνῶν (ibid., 448—449).

[68]) *Византійскій Временникъ*, т. XII (1906), стр. 231 (рецензія проф. *Н. С. Суворова* на книгу *Grenier* — L'empire byzantin, son évolution sociale et politique. Paris 1904).

лавной Византіи, находилось въ связи, во-первыхъ, съ господствовавшимъ здѣсь правомъ церковнаго убѣжища и, и во-вторыхъ, съ общепризнаннымъ положеніемъ вселенскаго патріарха, какъ высшаго судіи по дѣламъ даже уголовнаго характера. Идея патріаршаго покровительства кліентамъ церковнаго убѣжища, а также духовнаго суда надъ виновниками въ тягчайшихъ преступленіяхъ, какъ убійство, ослѣпленіе и т. п., не только сраслась съ общественнымъ сознаніемъ кореннаго населенія Византіи, но проникла въ самосознаніе и иностранцевъ, жившихъ здѣсь отдѣльными колоніями, подобно генуезцамъ [69]). Въ частности, генуезцы были хорошо освѣдомлены о непоколебимой преданности византійцевъ православію и о непримиримости ихъ въ отношеніи къ латинскимъ «догматамъ», къ западнымъ идеямъ и порядкамъ, вліяніе которыхъ на церковно-общественный строй отрицалось въ Византіи принципіально и по самому существу византійско-восточной культуры. На эту сторону вопроса проливаетъ нѣкоторый свѣтъ питтакій византійскаго патріарха Каллиста I, отправленный въ 1361 году современному императору Іоанну V Палеологу по поводу политическаго союза Византіи съ генуезцами и венеціанцами. Указывая условія, на которыхъ этотъ союзъ можетъ быть заключенъ къ прямой выгодѣ Византіи, патріархъ на первомъ мѣстѣ поставилъ требованіе, что церковь Божія должна оставаться непоколебленной и свободной отъ всякаго вреда со стороны латинскихъ ученій и измышленій [70]). Затѣмъ, интересною представляется оговорка генуезца Георгія объ отлученіи, въ случаѣ неисполненія имъ даннаго патріарху Матѳею обѣщанія — «εἰ ὀρθόδοξος εὑρίσκομαι». Повидимому, онъ былъ проникнутъ желаніемъ принять православіе [71]), но еще не утвердился въ своемъ рѣшеніи, поэтому и добавилъ о готовности подвергнуться отлученію отъ римскаго папы, если нарушитъ представленное византійскому патріарху обѣщаніе. Но и въ этотъ критическій моментъ, когда происходила пере-

---

[69]) Колонія генуезцевъ возникла въ Византіи около 1158 г. (Παπάτης, Βυζαντιναὶ μελέται τοπογραφικαὶ καὶ ἱστορικαί, σελ. 141. Κωνσταντινούπολις 1877).

[70]) *Miklosich* et *Müller*, I, 440—431.

[71]) Факты обращенія латинянъ въ православіе въ разсматриваемое время происходили (*Miklosich* et *Müller*, I, 365—366, II, 8—9, 48 (исповѣданіе вѣры Стефана da Monte и его жены), 84 (—Piero da Verone и еще двухъ латинянъ), 99, 159, 160, 343, 449. 454, 488, 490.

оцѣнка религіозно-нравственнаго міросозерцанія, генуезецъ Георгій склонился предъ духовнымъ авторитетомъ первоіерарха православнаго Востока, какъ высшаго судіи, и связалъ свою совѣсть торжественнымъ предъ нимъ обѣщаніемъ въ безусловномъ повиновеніи и послушаніи его отеческой власти.

Наконецъ, необходимо отмѣтить, что патріаршій судъ надъ убійцами происходилъ въ Византіи вплоть до ея паденія въ 1453 году. Это можно усматриваютъ, напримѣръ, изъ Синтагмы Матоея Властаря, составленной около 1335 года и имѣвшей практическое назначеніе во все послѣдующее время, притомъ не только въ греческой церкви, но и у славянскихъ народовъ. Здѣсь въ главѣ о прибѣгающихъ въ церковь (Е', 17), между прочимъ, сказано, что прибѣгающаго въ храмъ никто не долженъ брать отсюда силою, но долженъ сообщить вину бѣглеца священнику и отъ него безопасно взять прибѣгающаго, въ то время какъ законно должно быть разслѣдовано и приведено въ извѣстность взведенное противъ него обвиненіе. Бѣглецы должны судиться у особо назначенныхъ судей, причемъ ихъ противники не должны предъ церковью обжаловать этотъ приговоръ. Боголюбезнѣйшіе епископы и екдики должны тщательно записывать имена и вины прибѣгающихъ и сообщать гражданскимъ архонтамъ, которые и должны оказывать имъ должную справедливость; посему не записанные не считаются бѣглецами [72]). Итакъ, разсматривая титулъ Синтагмы Властаря о правѣ церковнаго убѣжища въ связи съ патріаршимъ судомъ надъ убійцами, можно находить здѣсь такіе элементы церковнаго судебнаго процесса: 1) о преступленіи воспользовавшагося правомъ убѣжища сообщалось священнику Святой Софіи, отъ котораго дѣло восходило на разсмотрѣніе вселенскаго патріарха; 2) екдики производили разслѣдованіе вины бѣглеца и входили по этому поводу въ сношеніе съ гражданскими властями, дабы выяснить дѣло во всѣхъ подробностяхъ; 3) судъ производился спеціально назначенными лицами, т. е. протекдикомъ и екдиками; 4) наконецъ, этотъ судъ, какъ церковный, совершавшійся по церковнымъ законамъ и канонамъ, признавался не подлежащимъ апелляціи и былъ обязателенъ и для подсудимаго, и для его противниковъ.

И. Соколовъ.

---

[72]) Ῥάλλης καὶ Ποτλῆς, VI, 264—265.

Мѣсяцъ по Японіи *).

Путевыя замѣтки и впечатлѣнія.

13-го августа. Сегодня усталыя ноги усадили меня до обѣда дома. И я припоминалъ все, что мнѣ пришлось видѣть во время посѣщенія христіанъ. Я посѣтилъ 45 квартиръ. Были здѣсь и комнаты вдовушекъ, были и богатые. дома старость. По всюду меня поражала простота обстановки, однообразіе въ устройствѣ комнатъ, и слишкомъ уже легкая постройка домовъ!—Вотъ домъ состоятельнаго человѣка: войдя съ улицы чрезъ узенькую, низенькую, рѣшетчатую дверь, отодвигаемую въ сторону по рѣшетчатымъ же ширмамъ, мы стоимъ на маленькомъ пространствѣ земли, хорошо утрамбованной, или залитой цементомъ, или выложенной кирпичемъ: аршинъ-полтора въ ширину, аршина два-три въ длину. Здѣсь японцы оставляютъ свои гэта, здѣсь мы снимали свои сапоги. Отсюда шагнувъ четверти на 2 вверхъ, мы уже стояли въ комнатѣ, сплошь устланной «татами», изъ соломы искусно сплетенными матами, вершка $1^1/_2$ въ толщину. Всѣ ширмы днемъ сняты, и лишь стѣнки, въ которыя они вставляются, показываютъ намъ слѣдующую комнату, гдѣ обычно въ углу, подъ потолкомъ, устраивается божничка: нѣчто, вродѣ висящаго внизъ отверстіемъ вверхъ дномъ, оштукатуреннаго ящика. Здѣсь христіане ставятъ иконы, а язычники своихъ идоловъ, или—вѣсятъ свои изреченія и изображенія... Далѣе, обычно, маленькій дворикъ, иногда размѣромъ въ квадратную сажень. Но въ немъ всегда растетъ дерево или два и стоятъ горшки съ соснами, съ цвѣ-

*) Продолженіе. См. февраль.

тами; иногда банки съ рыбой: это домашній садикъ. Если домъ богатый, а его я и разумѣю, то за садикомъ опять есть комната—двѣ; а около садика *вездѣ*, и въ домѣ бѣдномъ, вы найдете то, что обычно прячется куда-нибудь подальше; но что здѣсь въ одной своей половинѣ устраивается даже безъ дверей. Впрочемъ, въ этомъ отношеніи въ Японіи царятъ еще привычки и взгляды райскаго человѣка... Не скажу, чтобы это сосѣдство, особенно съ наиболѣе почетной комнатой, служило къ услажденію обонянія почтенныхъ гостей... Изъ такого дворика, или изъ комнаты, лѣстница ведетъ во второй этажъ, если онъ есть. Лѣстница—всегда хорошо лакированная, эфирнопостроенная... Тамъ, во второмъ этажѣ, всегда больше свѣта, много воздуха; всегда больше чистоты, хотя чистота и въ нижнихъ комнатахъ большая!—Отсюда особая лѣсенка идетъ на черепичную крышу, и по черепичной крышѣ на самый ея конекъ, гдѣ устраивается, на подставныхъ тумбочкахъ, досчатая площадка съ квадратную сажень величины (иногда больше, но часто меньше), съ перилами и съ угольными столбиками, сажени 1½ въ вышину: связанные между собою, эти столбики и служатъ основаніемъ для тѣхъ бамбуковыхъ шестовъ, на которыхъ здѣсь сушатъ бѣлье... Отсюда можно хоть что-нибудь увидѣть дальше стѣнъ своего «садика». Отсюда же горожане смотрятъ на пожары: по первому удару сигнальнаго колокола, кажется, всѣ крыши усѣиваются народомъ!—Таковъ состоятельный домъ. Чѣмъ бѣднѣе хозяинъ, тѣмъ меньше комнатъ. Но прихожая, 2 хотя бы маленькихъ комнатки, и «дворикъ»—«садикъ» всегда есть.

Обстановка въ домахъ самая простая. Столовъ и стульевъ нѣтъ: пьютъ и ѣдятъ, сидя на полу. Иногда бываетъ для работъ или столикъ, или конторка, но на ножкахъ вершка въ 4: приспособлены они для сидѣнья передъ ними на полу. Всегда—комодъ съ 10—12 большими ящиками, и нѣсколькими маленькими. Всегда «хибаци», — или въ деревянномъ ящикѣ, или въ глиняномъ сосудѣ,—это жаровня, съ тагономъ, съ постоянными горячими углями: отсюда закуриваютъ свои трубки и хозяинъ, и хозяйка; здѣсь всегда стоитъ чайникъ съ горячей водой (но не кипяткомъ), почему въ каждую минуту можетъ быть приготовленъ японскій чай.—На стѣнахъ нѣтъ никакихъ украшеній и картинъ; исключеніе—изреченія, написанныя іероглифами на продолговатыхъ листахъ, и въ тоненькихъ рамкахъ висящія гдѣ-нибудь подъ потолкомъ.—Изреченія ни-

шутся (или принадлежатъ по меньшей мѣрѣ) уважаемымъ человѣкомъ. Спальныя принадлежности днемъ прячутся куда-нибудь въ особый уголокъ за ширмой, и поражаютъ своей несложностью.

Вотъ, въ общихъ чертахъ, японскій домикъ и домъ! Мое впечатлѣніе отъ него, конечно, не въ его пользу: и не очень свѣтло, и зимою вѣроятно не очень тепло; и не очень просторно; и вообще... какъ-то очень скучно.—Но въ этихъ домахъ живутъ и нашей европейской обстановкой, хотя бы, напр., стульями, даже тяготятся. Но, впрочемъ, смотря на внѣшнюю обстановку квартиръ нашихъ, они ею восхищаются, повторяя постоянно «кирси», «кирси» (красиво)... Но вернусь, однако, къ сегодняшнему дню.

Сегодня мы извѣстили нашего консула въ Кобе А. С. Максимова о своемъ намѣреніи съѣздить на кладбище русскихъ военно-плѣнныхъ, жившихъ въ Хамадерѣ, въ 9 миляхъ отъ Оосака. Къ 2 час. А. С—чъ прибылъ, и мы, показавъ ему миссію, поѣхали на вокзалъ «Нанба», откуда трамваемъ и направились въ Хамадеру: до этой станціи ходятъ трамваи черезъ каждыя 3 минуты. Поѣздомъ же нужно ѣхать до ст. Отсу, еще 3 мили дальше; но поѣзда ходятъ рѣже.—Проѣхали Оосака, летѣли предъ нами пригороды, проѣхали фабричный городъ Сакаи. Наконецъ, минутъ черезъ 20, мы и въ Хамадерѣ. Называется это мѣстечко «кооэнъ»—паркъ, и не даромъ: оно все окружено сосновымъ боромъ! Лежитъ оно на берегу моря, и сюда ѣздятъ оосакскіе жители на морскія купанья. А для русскаго сердца это мѣсто должно быть памятно тѣмъ, что здѣсь жили наши Артурцы... до 22.000 героевъ-солдатъ. Въ Хамадерѣ мы взяли дзинрикися и долго, минутъ 40, ѣхали почти до Отсу: здѣсь среди полей рисовыхъ и устроено русское кладбище. Оно обнесено деревяннымъ заборомъ, съ желѣзными воротами... Налѣво отъ входа ряды песчаныхъ холмиковъ, съ широкими плитами въ возглавіяхъ; на каждой плитѣ надпись по-русски (нѣсколько — по-польски, двѣ по-еврейски, одна по-татарски) и по-японски. Нѣсколько могилъ и направо отъ входа. Все это—артурскіе герои, сданные вмѣстѣ съ крѣпостью и здѣсь свои кости сложившіе! Вотъ кому достойно имѣть вѣчную память на родинѣ, и тамъ же — мѣсто вѣчнаго упокоенія!.. — Сразу же при входѣ, направо, стоитъ громадный камень—памятникъ, сооруженный жителями окрестныхъ селеній. Памятникъ—воинамъ, погребеннымъ здѣсь. И

какимъ симпатичнымъ онъ казался бы, если бы надпись на немъ не упоминала, что эти 89, здѣсь погребенные, изъ числа тѣхъ 22 тысячъ, что жили здѣсь. Памятникъ служитъ сразу двумъ цѣлямъ, и есть дѣло столько же—уваженія къ павшимъ, сколько и гордости своимъ подвигомъ.

Уже издали видна довольно высокая гранитная, круглая колонна съ двуглавымъ орломъ на-верху: это памятникъ павшимъ товарищамъ отъ товарищей артурцевъ. На пяти гранях основанія этого памятника—надписи по-русски («миръ праху вашему») и соотвѣтственныя—по-польски, по-нѣмецки, по-еврейски и по-татарски. Надъ надписями—какъ бы эмблемы вѣроисповѣданій: кресты четырехконечный, восьмиконечный, четырехконечный, что-то въ родѣ звѣзды и мѣсяцъ серпомъ... Все это объединено верхомъ: двуглавымъ орломъ. И такъ понятно, и такъ симпатично!—Но признаюсь, я никахъ не могу уразумѣть тѣхъ четырехъ литыхъ одноглавыхъ орловъ, коими увѣнчаны четыре (изъ 8) колонны оградки... Что это? Символъ ли орлиной мощи защитниковъ Орлинаго гнѣзда? Или это изобрѣтеніе тѣхъ, кои на плитахъ, и на памятникѣ подчеркнули свою Польшу?.. Если послѣднее,—было бы очень-очень грустно!...

Обойдя все кладбище, мы остановились около этого памятника, и я совершилъ литію по всѣмъ, за вѣру, Царя и Отечество жизнь свою положившимъ...—Съ неба ярко свѣтило солнышко. Синѣло вблизи море, сегодня не столь спокойное. На немъ бѣлѣли паруса... Около ограды толпились собравшіеся съ полей японцы. Изъ-за кустовъ смотрѣли три солдата съ винтовками, возвращающіеся съ ученья... А мы—русскіе—бродили среди этихъ безмолвныхъ могилъ... И хотѣлось услышать голосъ отъ нихъ, отъ этихъ неподражаемыхъ храбрецовъ... И сердце мое чувствуетъ этотъ голосъ... Это вѣчный укоръ тѣмъ, что героевъ увѣнчали позоромъ сдачи!.. это—сильное желаніе лежать на той землѣ, за которую бѣдные солдатики родныхъ побросали, не доѣдали, не допивали, ночи не спали, жизни своей не жалѣли...

Упокой, Господи, души всѣхъ, здѣсь погребенныхъ тамъ, гдѣ нѣтъ ни печали, ни воздыханій! Но дай и костямъ этимъ лечь на родной землѣ!

Въ переполненныхъ вагонахъ мы возвратились въ Оосака, и пароходикомъ, если только такъ его можно назвать, пріѣхали по грязнымъ Оосакскимъ каналамъ и рѣчкамъ къ мосту

чрезъ Едо-кова («тендзинъ») вблизи миссіи. Здѣсь меня ждалъ съ отвѣтнымъ визитомъ одинъ изъ старостъ Оосакской церкви; напившись чаю съ нимъ, я и поспѣшилъ дать отдыхъ уставшимъ ногамъ.

Однако,—почему же я такъ скоро сталъ уставать? Неужели же еще сказывается почти двухдневное сидѣніе по-японски?

14-е августа. Сегодня я оставляю Оосака и переѣзжаю въ Кёото. Все утро прошло въ сборахъ къ отъѣзду. Кажется, и собирать-то нечего. А пожилъ недѣлю,—и тутъ лежитъ, и тамъ стоитъ твоя вещь; и здѣсь твое письмо, и тамъ твоя записка!—сходилъ попрощаться къ батюшкѣ о. Сергію Судзуки, къ діакону о. Петру Уцида. У катихизатора былъ ранѣе. Всѣ работники на Оосакской Христовой землѣ—умные, скромные, добрые люди... Помоги имъ, Господи, въ ихъ трудахъ! А трудовъ имъ такъ много!—Въ 12 часовъ собрались у меня пообѣдать причтъ, старосты общинъ церковныхъ и наиболѣе прилежащіе церкви христіане; всѣхъ было 12 человѣкъ. Я приготовилъ обѣдъ европейскій, съ ножами и вилками, и ложками... Прошелъ онъ очень семейно... Много вносилъ оживленія одинъ старецъ, восхищавшійся «ложкой»: какъ все это говоритъ—мудро придумано!... И однако онъ предпочелъ ѣсть зелень изъ супа вилкой!—О. Діаконъ въ концѣ обѣда сказалъ мнѣ сердечный привѣтъ; а я еще разъ засвидѣтельствовалъ свое полное удовлетвореніе всѣмъ, что встрѣтилъ среди Оосакскихъ христіанъ, и около 2 час. дня отбылъ на вокзалъ. Ровно въ 2½ часа подошелъ поѣздъ, а въ 2 ч. 35 м. мы уже поѣхали, оставляя позади далекую, въ копоти, Оосаку; но сердечную, бодрую, съ надеждами на христіанство въ ней; и направились въ *Кёото*.

Кёото.

Уже первая станція—по пути въ Кёото—Суита пріятно поражаетъ насъ полнымъ отсутствіемъ копоти и дыму. Чѣмъ дальше ѣдемъ среди полей, среди горъ, тѣмъ воздухъ становится прозрачнѣе. Переѣздъ изъ Оосака въ Кёото занялъ всего 1 ч. 19 м. Время пролетѣло незамѣтно въ бесѣдѣ съ Оосакскимъ катихизаторомъ, поѣхавшимъ для служенія со мной въ Кёото; около 4 часовъ дня я уже здоровался съ Кёотскимъ протоіереемъ о. Семеномъ Мій. Встрѣчалъ на вокзалѣ и представитель мѣстныхъ христіанъ.

Во дворѣ церковномъ толпой встрѣтили меня воспитанницы женскаго училища, мѣстные христіане, семьи батюшки, о. діакона и катихизатора. Мнѣ отвели помѣщеніе на верху священническаго дома, гдѣ въ ожиданіи всенощнаго бдѣнія я и подкрѣплялся чаемъ, дѣлясь своими Оосакскими впечатлѣніями.

Часовъ въ 5 пришли христіане и попросили у меня «наставленій». Здѣсь вообще любятъ слушать наставленія, и къ такимъ просьбамъ всегда нужно быть готовымъ. Усѣлись они на полу, человѣкъ 10; а я, сидя на стулѣ, началъ свою бесѣду съ ними... Конечно, бесѣда могла быть только самою простою! Я выразилъ радость, что пріѣхалъ въ Кёото, именемъ котораго я титулуюся, я сказалъ, что смотрю на Кёото какъ на свой въ нѣкоторомъ родѣ городъ, процвѣтаніе церкви въ которомъ для меня далеко не безразлично; почему со своей стороны я постараюсь, когда получу возможность, внести долю труда въ тотъ трудъ, который здѣсь несутъ уже мѣстные дѣятели.— Отмѣтивъ далѣе тѣ препятствія, которыя распространенію вѣры Христовой въ Кёото ставятся уже тѣмъ однимъ, что Кёото—центръ религіозной жизни буддійской и синтоистской (какъ въ Россіи—Москва), я горячо призывалъ всѣхъ христіанъ сплотиться въ тѣсную семью работниковъ и всѣмъ нести долю своего труда по распространенію вѣры Христовой. Сравнивъ церковь Христову съ тѣломъ, съ организмомъ, я частью указывалъ на то, чѣмъ могутъ помочь намъ въ дѣлѣ проповѣди Христа и міряне: одни—благотвореніемъ, другіе—проповѣдью частною среди знакомыхъ язычниковъ, а всѣ непремѣнно—доброю жизнью по завѣтамъ Христа.—Закончилась же наша бесѣда совершенно по-домашнему; и какой-то глубокой стариной, чѣмъ то изъ первыхъ временъ христіанства повѣяло,—когда я долженъ былъ имъ повѣдать, распространяется ли вѣра Христова въ Мацуямѣ, въ Кобе, въ Оосака, и твердо ли въ вѣрѣ стоятъ тамошніе братья!—Взаимно довольные, мы разстались безъ 10 м. въ 6 ч. в.; а ровно въ 6 час. раздался ударъ колокола: зазвонили на колокольнѣ *собора*.

По случаю двунадесятаго праздника и по случаю моего перваго пріѣзда встрѣчу мнѣ устроили въ церкви съ мантіей. Служилъ о. Семенъ Мій съ діакономъ о. Т. Кано. Пѣли пѣвчіе женскаго училища. Христіанъ немного было, — но достаточно, если принять во вниманіе, что и всѣхъ-то христіанъ въ Кёото еще не такъ много (ок. 100 чел.)! Я выхо-

дилъ на литію и величаніе; я же и окончилъ службу. Въ числѣ молящихся пріятно было видѣть русскаго офицера-казака, И. А. Захаревскаго съ женой и малютками-дѣтьми: съ отраднымъ чувствомъ отмѣчалъ, что и здѣсь, и въ Тоокёо проживающіе на практикѣ русскіе. студенты-восточники не забываютъ въ праздники храма Божіяго!.. Какъ съ русскими не познакомиться?! А на чужбинѣ забываются всѣ требованія «приличій»... Лишь бы увидѣть родное лицо!.. Такъ и съ ними я здоровался, какъ съ давно уже знакомыми! Они у меня послѣ всенощнаго пили чай. А я завтра у нихъ буду обѣдать.

Поздно вечеромъ, вдыхая полною грудью чистый воздухъ, я сидѣлъ у открытаго окна и мечталъ... Въ самомъ дѣлѣ, почему бы не жить епископу кёотосскому въ Кёото? Почему бы благоразумно не избѣжать Оосакской копоти? Правда, видѣлъ я дыму и копоти въ Петербургѣ; но тамъ все же не летѣла сажа на кабинетный столъ кусками!

А вѣдь живя въ Кёото, съ полнымъ удобствомъ я могъ бы работать и для него, города громаднаго (ок. 380.500 жит.), и для Оосака, и для Кобе! Переѣзды между этими городами такъ скоры и такъ дешевы!

Вопросъ этотъ теперь особенно меня интересуетъ въ виду предстоящей постройки домовъ и церкви въ Оосака. Но объ этомъ нужно говорить съ Дай-Сикео [1])...

15-е августа. Путешествуя, чуть не забылъ я свои юбилейные дни! А вѣдь вчера исполнилось уже два мѣсяца моего пребыванія въ Японіи. Слава Богу за эти два мѣсяца! Конечно, я еще не заговорилъ по-японски, но все же и не стоялъ въ этомъ отношеніи на мертвой точкѣ. Но я успѣлъ уже нѣсколько ознакомиться съ людьми и съ ихъ нравами; съ жизнью японцевъ и ея особенностями; съ христіанами и съ ихъ настроеніемъ: съ дѣятелями японской церкви; наконецъ — съ природой и ея красотами. И скажу по совѣсти: я не могъ не полюбить той нивы, на которую Господь призвалъ меня! Не отозвался на моемъ здоровьѣ и нѣсколько другой, сравнительно съ петербургскимъ, климатъ... Какъ же не сказать отъ полноты благодарнаго сердца: Богу, все къ лучшему устрояющему, за все и всегда слава и благодареніе!

---

[1]) Владыка архіепископъ съ полнымъ сочувствіемъ отнесся къ моему желанію, считая и съ своей стороны Кёото болѣе подходящимъ городомъ для епископа. 6. IX. 1908. Е. С.

Сегодня я отслужилъ въ кёотосской церкви литургію. Церковь новая, освящена въ 1903 г., деревянная, въ честь и память Благовѣщенія Пресвятой Богородицы. Довольно просторный алтарь, трехъярусный бѣлый иконостасъ хорошаго письма, очень просторная церковь, масса свѣта, прекрасный малиновый коверъ;—все это такъ пріятно для глазъ, такъ отрадно для души!.. Хорошо, уютно чувствуется въ этой «миленькой» (скажу по-институтски) церкви! Снаружи бѣлая, съ особо выдающимся алтаремъ, съ высокой колокольней,—церковь ласкаетъ взоръ русскаго человѣка среди безконечнаго количества здѣсь буддійскихъ «тера» и синтоистскихъ «мія»! На колокольнѣ 7 колоколовъ, вѣсомъ около 98 пудовъ. Громко звонъ ихъ раздается далеко кругомъ! Въ день освященія здѣшней нашей церкви Микадо былъ въ Кёото; и когда онъ, окруженный свитой, садился въ экипажъ, у насъ зазвонили... Микадо прислушался... И этимъ молчаливо какъ бы узаконилъ нашъ звонъ (Императорскій дворецъ находится отъ церкви очень близко).

Въ церковномъ дворѣ помѣщаются домъ священника, домъ діакона, домъ церковнаго сторожа, женское училище и домъ сторожа этого училища. Словомъ: населеніе наше здѣсь немалое! Весь дворикъ засаженъ всевозможными мѣстными деревьями, — соснами, криптомеріями, фисташками и др., — и такъ-то красиво выглядитъ! Подъ окнами у меня растутъ смоковницы и большіе кусты олеандровъ!.. Къ сожалѣнію, олеандры уже отцвѣли!..

И сосѣдей хорошихъ далъ Богъ намъ здѣсь: два громадныхъ дома начальныхъ народныхъ училищъ, пустые лѣтомъ, съ тысячнымъ населеніемъ въ учебное время. При нихъ—прекрасный дворъ для игръ. Живетъ миссія съ сосѣдями въ полномъ мирѣ.

Вообще же, наша Церковь и здѣсь занимаетъ одно изъ наиболѣе спокойныхъ мѣстъ въ городѣ, имѣя въ ближайшемъ сосѣдствѣ прекраснѣйшій дворцовый паркъ. На востокъ и западъ красиво высятся горы, у подножія которыхъ и расположился г. Кёото.

На литургіи было молящихся человѣкъ до 40:—здѣсь двунадесятыхъ праздниковъ язычники, конечно, не знаютъ и въ такіе дни работаютъ,—приходится работать и трудящимся христіанамъ. Я по-японски произнесъ уже восемь возгласовъ; остальное же произносилъ по-славянски. Но, по словамъ о. Мія,

это не должно смущать меня: славянскій языкъ окруженъ въ представленіи вѣрующаго японца ореоломъ какой то священности и его слушать они любятъ.—Конечно, можетъ быть это и такъ; но все же нужно поскорѣе изучить богослуженіе по-японски...

По окончаніи богослуженія всѣ подошли чинно къ св. кресту, всѣ получили антидоръ, здѣсь неизмѣнно вездѣ раздающійся; и при торжественномъ трезвонѣ я возвратился домой.

Обѣдъ у русскаго офицера Ив. Ал. Захаревскаго. Совершенно неожиданно я былъ порадованъ и вознагражденъ за два мѣсяца нѣкоторыхъ лишеній!.. Я ѣлъ русскіе щи!.. Самые настоящіе русскіе щи! Даже болѣе: ѣлъ русскій кисель! Даже еще болѣе: пилъ чай съ вареньемъ!.. Да! какъ все родное дѣлается особенно роднымъ на чужбинѣ, и какъ такая даже мелочь можетъ трогать тебя, живущаго не обычаями, не жизнью родины!..

Получилъ нѣсколько писемъ изъ Россіи отъ своихъ родныхъ, друзей и знакомыхъ,—все это скопилось за время моего путешествія и прислано мнѣ владыкою архіепископомъ, восполнившимъ сегодня мои оскудѣвающія динаріи. Въ своемъ препроводительномъ письмѣ онъ пишетъ: «не торопитесь въ Тоокёо, а исполните все преднамѣренное, посѣтите и порадуйте всѣ мѣста, означенныя въ Вашемъ письмѣ». Итакъ, я еще буду и въ Нагойя, и въ Оказаки, и въ Тосхаси, и въ Сидзуока!.. Еще и еще я буду знакомиться съ христіанами!.. Сопровождать меня и переводить мои рѣчи будетъ, по предложенію владыки, о. Семенъ Мій, нашъ благочинный. «Будьте всегда *благодушны*, *радостны*, *совершенно здоровы*, — на 50 лѣтъ жизни въ Японіи для служенія Божьему дѣлу», пишетъ владыка. Да, дѣло здѣсь истинно великое, святое и я молю Господа, да удостоитъ Онъ и меня послужить этому дѣлу! Только 50-ти-то лѣтъ, конечно, не прослужить мнѣ: не достанетъ годовъ моей жизни!.. «Ангелъ Божій да сопутствуетъ вамъ...»—Спасибо владыкѣ!.. Да, съ этимъ спутникомъ бодро иду и пойду впередъ на служеніи, которое мнѣ всегда такъ нравилось, и которое такъ меня теперь увлекаетъ!.. Впередъ!.. На труды!..

Въ 4 ч. пошли мы знакомиться съ городомъ. И прежде всего направились въ дворцовый садъ — паркъ. По-пути зашли въ синтоистскій храмъ *Горё*,—хранитель верхней, сѣвер-

ной части города... Запомнилось, что здѣсь бонза игралъ съ японцами въ шахматы, или въ шашки. Паркъ очень большой и красивый; а воздухъ въ немъ такой хорошій! Какъ пріятно было бы здѣсь раннимъ утромъ сидѣть съ «Токухономъ», а вечеркомъ почитать газетки изъ Россіи!.. Зданій дворца близко не видѣли: они за стѣной и видны лишь крыши съ громоотводами. Но видно, что и они—старинной японской постройки, и—говорятъ—отличаются своей простотой! Здѣсь жили японскіе императоры до настоящаго включительно, который вотъ уже 41-й годъ живетъ въ Тоокёо—(восточная столица). Изрѣдка, при проѣздахъ, онъ останавливается и въ Кёото, которому дано даже оффиціальное названіе «Сайкёо»—(западная столица),—названіе, правда, не привившееся.—Къ сѣверу отъ дворцоваго парка, и даже къ западу, громадное пространство занимаетъ конгрегаціонная академія: здѣсь готовятся образованные и искусные пасторы для проповѣди христіанства среди японцевъ. Въ свое время эта академія была основана, и содержалась на американскія деньги, но теперь японцы стряхнули съ себя заморскую зависимость, и имѣютъ свои средства и своего ректора [профессора же и прежніе продолжаютъ служить въ академіи]. Прекрасные каменные дома академіи, женскаго училища, гимназіи, молитвеннаго дома; деревянные дома для студентовъ, профессоровъ; всюду сады и садики: чувствуется въ каждомъ деревцѣ, въ каждомъ камнѣ та большая матеріальная сила, которая все это въ свое время воздвигала, а теперь поддерживаетъ.—Кстати, земля подъ всѣ эти зданія была куплена, говорятъ, чуть ли не по 5 *сенъ* за «татами» [1]); а теперь ее не уступятъ и за 10 — 16 *енъ*!.. Такъ въ свое время съумѣли сдѣлать выгодную покупку!..

Идя вдоль сѣверной стороны дворцоваго сада, мы направились къ епископальной церкви. Высокая башня, увѣнчанная крестомъ и обвитая вьющимися растеніями, придаетъ небольшой церкви много красоты. Внутри ея все изящно и очень просто. На престолѣ стоитъ четырехконечный вызолоченный крестъ, двѣ вазы съ цвѣтами;—но больше ничего: нѣтъ никакихъ священныхъ изображеній!..—При церкви состоитъ живущій по близости старецъ-епископъ и священникъ.—Мы по-

---

[1]) „Татами"—соломенный матъ, которымъ сплошь устилаются полы въ Японіи. Два „татами" равняются приблизительно квадр. сажени. Сенъ—копѣйка. Енъ—рубль.

сидѣли на скамьяхъ въ церкви; и мысли мои неслись къ тому золотому времени, когда молитвы о соединеніи церквей принесутъ плодъ свой... Кто знаетъ, быть можетъ именно эта церковь, епископальная, и подастъ намъ ранѣе другихъ руку общенія!.. Буди, буди!..—А теперь!.. Какая горечь, какой стыдъ чувствуется, когда въ странѣ язычниковъ видишь эти храмы *разныхъ* христіанскихъ исповѣданій... И одинъ Христосъ, и нѣсколько!.. «Еда раздѣлися Христосъ»?—такъ и хочется закричать! А вреда сколько непоправимаго вреда даетъ наше дѣленіе на исповѣданія дѣлу проповѣди! Господи! Ты дай силу разрозненнымъ сестрамъ-церквамъ собраться во-едино; пусть будутъ подавлены самолюбія; да прозримъ всѣ очами вѣры въ тѣхъ пунктахъ, гдѣ нужно всѣмъ прозрѣть!.. Да будетъ едино стадо! Вѣдь одинъ у всѣхъ насъ Пастырь-Христосъ! Заглянули въ синтоистскій храмъ Гоо. Небольшой храмъ. Но около него опять пушка съ разбитымъ стволомъ: добыча 37 года Мейджи (т. е. добыча въ послѣднюю войну). Да!.. Вездѣ-то «добычи»!.. Бѣглымъ осмотромъ замка Ниджо, въ которомъ останавливался сёогунъ, пріѣзжая представляться императору, мы закончили обзоръ города сегодня, отложивъ продолженіе на дальнѣйшіе дни. Наши спутники направились домой, а мы съ о. Семеномъ пошли въ христіанскія семьи, а потомъ—къ катихизатору и о. діакону. Вездѣ насъ уже съ нетерпѣніемъ ждали... Зажжены лампадки... Предъ иконами мы прежде всего совершили краткую молитву. О. Семенъ говорилъ краткую сугубую ектенію по-японски, а я заканчивалъ молитву отпустомъ и благословлялъ членовъ семьи. Икона, лампадка, тихо произносимая ектенія, тихое пѣніе «Сю аваре́мэ́э»—Господи помилуй... Какою тихою радостью вѣетъ въ твое сердце отъ этой обстановки!.. И съ какою любовью потомъ выливаются твои слова къ добрымъ христіанамъ. Въ одномъ домѣ—жена, мужъ и усыновленный мальчикъ; въ другомъ — мужъ и жена,—дѣвочку похоронили въ прошломъ году; въ третьемъ — мужъ, жена и четверо дѣтей: благословенная семья! Вездѣ намъ предлагали угощеніе, и съ какою любовною настойчивостью!.. Опять—чай и фрукты!.. Къ моему удовольствію почти вездѣ приготовлены сегодня для меня стулья,—обязанъ этимъ я—вѣроятно—о. Семену! Стульямъ я былъ отъ души радъ: двухдневное оосакское сидѣнье «по-японски» продолжаетъ еще сказываться, и лѣвая моя нога рѣшительно протестуетъ противъ повшества: она въ ступнѣ такъ распухла, что впервые

въ Японіи мнѣ пришлось прибѣгнуть къ помощи медицины!..

Пошелъ дождь. Намѣченная прогулка на главную улицу для ознакомленія съ нею, къ моему удовольствію, не состоялась... И я съ большимъ удовольствіемъ «тростію и чернилами» завершаю день свой... Около меня сидитъ сынокъ о. Семена и слѣдитъ за процессомъ письма... Но къ сожалѣнію наша бесѣда съ нимъ не шла еще дальше «улыбокъ»...

16-е августа. Сѣрое утро... Въ воздухѣ—полная тишина... Часовъ въ 8 утра пошелъ очень сильный дождь. Надежды на то, что небо прояснится, не сбылись. Дорогу сильно нагрязнило. Наша поѣздка для осмотра города не могла состояться. Однако послѣ обѣда мы все же на «дзинрикися» съѣздили въ два дома къ христіанамъ. Въ одномъ вся семья сидѣла за работой: заготовляютъ мелкія бумажныя игрушки для дѣтей... Въ другомъ—христіанинъ лишь одинъ хозяинъ-аптекарь, котораго рекомендуютъ знатокомъ языковъ; нѣсколько словъ онъ знаетъ и по-русски... Въ обоихъ домахъ мы помолились и побесѣдовали. Люди — хорошіе. Однако жаль, что нѣкоторые русскіе, попадая въ Японію, занимаются не тѣмъ, чѣмъ слѣдовало бы; и въ числѣ «достопримѣчательностей» русскихъ у аптекаря не нашлось ничего, кромѣ многихъ портретовъ Л. Н. Толстого и Гапона,—даръ русскаго революціонера Б—а!..

Въ 6 ч. вечера пошли мы ко всенощному бдѣнію. Звонаря хорошаго здѣсь временно нѣтъ. И вотъ, вспомнивъ золотые годы своей юности, поднялся я на высокую колокольню. Подо мной — городъ, изъ котораго, что изъ сердца, въ свое время била ключемъ жизнь и государственная, и религіозная. Затихъ городъ, какъ покинутая столица. Но центромъ религіознымъ остался. И по прежнему тысячи богомольцевъ идутъ къ его стариннымъ храмамъ!.. Шесть часовъ... Раздался ударъ колокола за нимъ второй, третій... И полились затѣмъ родные звуки!.. И думалъ я, смотря на эти крыши *тера* и *мія*, — чувствуете ли, кто здѣсь благовѣститъ? Чувствуете ли, что здѣсь благовѣствуется? Сознаете ли, что каждый новый ударъ колокола — это какъ бы новая вѣсть о побѣдѣ благовѣствующаго Христа, каждый новый ударъ его— какъ «похоронная» вашему господству!.. Но молчатъ крыши кумиренъ... Взялъ я веревки всѣхъ 7 колоколовъ; привычныя изъ дѣтства руки не измѣнили мнѣ и на этотъ разъ... И съ какимъ чувствомъ я по-русски перебиралъ колокола... И за-

говорили родные колокола! Безъ словъ, но звуками они широко и громко вѣщали Христа! Трижды отзвонилъ я... Съ большими думами я спускался внизъ... Господи! Помоги мнѣ такъ же громко, дерзновенно вѣщать Тебя, какъ дерзновенно звучали эти колокола! И если мѣдь звенящая зоветъ къ Тебѣ,— помоги и мнѣ, словомъ живымъ, звать къ Тебѣ этихъ, во тьмѣ сидящихъ и тьмѣ служащихъ!..

Хорошо молилось за всенощной. Собралось достаточно народа, сзади котораго я стоялъ. И какъ хорошо молится этотъ народъ! Вдохновеннымъ словомъ на завтрашнее евангельское чтеніе «о должникѣ тмою талантовъ» закончилъ о. протоіерей Семенъ Мій богослуженіе *).

Епископъ **Сергій.**

---

*) Продолженіе слѣдуетъ.

Переписка раскольническихъ дѣятелей начала XVIII вѣка *).

VI.

Письмо Евстрату Ѳеодосіеву [1]).

Всслюбезнѣйшему господину Евстрату [2]) Ѳедосѣевичу, съ любезною ти и единоревнительною [3]) дружиною, всебратственно о Христѣ Іисусѣ радоватися [4]).

Понеже паче бури сладчайшая тишина, и паче тьмы солнечное видѣніе [5]), и паче слѣпоты видѣніе, всякому любезнѣйша есть и сладчайша [6]),—сице бурливаго раздору сладчайшій миръ, и темныя ненависти прекраснѣйшая [7]) любовь, весьма прелюбезнѣйша есть, и полезнѣйша, всякому здравѣйшему уму желательнѣйша суть [8]), чесого вседушнѣ [9]) искати апостольскими и пророческими вѣщаньми повелѣваемы есмь мы [10]),—вопіющу апостолу: миръ гоните и святыню, и пророку заповѣдающу: взыщите миръ и пожените и [11]). Откуду и мы, грубіи, яты [12]) сея любви люблѣніемъ

*) Окончаніе. См. февраль.

[1]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 369, лл. 82—82 обор. Варіанты по рукописямъ: а) И. П. Б. О. I. 358, лл. 93—94; б) Олонецкой семинаріи № 1691, гл. 14; в) В. Г. Дружинина № 149, лл. 78 об.—79 обор.; г) Владимірской семинаріи № 75, гл. 52.

[2]) 358. 149: Евстратію

[3]) 75: единоревностною

[4]) 75: и всебратственно о Христѣ радоватися.

[5]) 75: сіяніе

[6]) 75. 358. 149: любезнѣйше есть и сладчайше

[7]) 75: прекрасная

[8]) 75: есть

[9]) 75: чего вседушнѣ. 358. 1691: чесого вседушевнѣ

[10]) 75. 358. 1691: повелѣваеми есмы

[11]) 75. 149. 358. 1691: взыщи миръ и пожени и.

[12]) 75. 1691: ятіи

и сея церковныя сладости желаніемъ понуждаеміи, — брата отпустихомъ къ вашей любви съ писаніемъ нашимъ, въ которомъ добрѣ разсмотритися и боголюбивымъ разсудити [13]), о мирѣ церковномъ порадѣти просимъ твою любовь [14]). И съ посланнымъ симъ братіи нашей [15]), труды для мира церковнаго воспріемлющимъ, яви любовь любве ради Божіи, и что вашей любви разсудится [16]) противу нашего писаннаго [17]), миръ или отвѣтствованіе, благоволите по братѣ семъ къ нашей грубости отписать. Богъ же мира и любви да дастъ миръ и любовь въ сердца ваша и наша, и сохранитъ ны отъ вселютѣйшаго діавола нападенія. Аминь.

VII.

Посланіе на Ряпину мызу [1]).

Странствующимъ богорадно въ новозавоеванныхъ селитвахъ, о древнемъ благочестіи подвизающимся, учащимъ и учимымъ [2]), возлюбленнымъ мужемъ и братіи о Христѣ Іисусѣ, радоватися.

Ничтоже тако исконному врагу навѣтовати потщательно, яко еже церковное соединеніе разоряти и христіанское совокупленіе расколати. О семъ бо паче [3]) вселукавый подвизается и зельною яростію на христоименитое достояніе дышетъ, раздоры [4]) разсѣкая тѣло церковное; и иже другъ другу спомоществовати и соболѣзновати долженственные, сія другъ на друга всековарный [5]) лщеніи своими сражаетъ, и ратовати и угрызати наваждаетъ прелукавый, вѣдый прекаянный, яко въ раздорахъ и въ разгласіяхъ многа волкоядина овцамъ произыти возможетъ, и въ прогнѣваніе Божіе можетъ многія многажды сими вринути. Иже въ словосѣхъ или въ дѣлѣхъ истинный [6]) погрѣшающіи, и въ такова тимѣ-

---

[13]) 75. 1691: и боголюбивымъ разумомъ разсудити

[14]) 75. 149: просимъ твоей любви

[15]) 75: братомъ нашимъ

[16]) 75. 149. 1691: вразумится

[17]) 358. 1691: писанія

[1]) Рукоп. И. П. Б. О. I. 369, лл. 82—91. Варіанты по рукописямъ: а) Олонецкой семинаріи 1691, гл. 7; б) Румянцевскаго музея 2555, лл. 247 об.—254; в) Румянцевскаго музея 1252, лл. 100 об.—109; г) В. Г. Дружинина 149, лл. 145—148 обор. д) И. П. Б. Q. I. 1089, лл. 15 об.—18.

[2]) 149. 1089: и учащимся

[3]) 1691. 1252. 2555: паче всего

[4]) 1691: въ раздоры

[5]) 149. 1089: вселукавый

[6]) 1089: истинныи

нія [7]) вложити возмогаетъ омраченный, яко не познавати [8]) своего имъ воистину [9]) сопротивленія. Якоже на святаго Евфросина возставшіе древле псковичи за пресвятую аллилуію—возмнѣвши они иногда о истинѣ ревновати, на истину ратоваша и хулиша грубосмысленніи. Чесо ради и божественный Златоустъ, во еже на посланіе къ Ефесянамъ въ нравоученіи 11 сице глаголетъ: „ничтоже тако раздражаетъ Бога, яко еже церкви раздѣлятися". И такова убо и толь тяжка расколовъ церковныхъ бѣда - оле, жалостнаго плача! Не мину сіе губительство бѣднѣ терпящихъ о благочестіи христіанъ; не мину о церковномъ благовѣріи страждущихъ, а церковныхъ [10]) преданій раздирающихся. Еже и ваше братство, въ прешедшее время, жалостное разодраніе со иже въ поморскихъ странахъ пустынножители, проповѣдасте [11]). И мнози отъ иже вашея лобызающихъ тяжкими хулами (за оная, яже въ насъ безпремѣнно [12]) и безприбавочно древлецерковная преданія соблюдаема) навходяще [13]), и грубѣ и несмысленнѣ ересію, содержанная святыми, порицающе. За что не безъ плача минуемъ о таковыхъ душахъ,—о, грубосте [14]), въ противленіе святымъ впадающимъ [15]),—и слезимъ гибели таковыя и хулы таковыхъ жалостнѣ снѣдаемся, и Господа Бога молимъ просвѣтити имъ умныя зеницы, во еже соглашатися съ содержаніемъ святыхъ и не ратовати на древлецерковная преданія. О чемъ и ваше братолюбіе молимъ сболѣзновати о христоименитыхъ людѣхъ. Что бо умствуютъ, иже грубостію послѣднею содержиміи? въ ересь тяжкую [16]), глаголютъ, поморскіе пустынножители впадоша, не пишуще [17]) на животворящемъ Христовѣ крестѣ четырьми буквами, сице [18]) знаменующими Пилатомъ написанную титлу „Іесусъ Назарянинъ Царь Іудейскій". Оле, тяжкія таковыя хулы: услышимъ и вонмемъ, мужіе и братіе, вонмемъ и боимся, да не впадемъ въ таковый злохулительства ровъ. Во всю вселенную, елико бяше священныхъ жертвенниковъ водружено [19]), предана отъ святыхъ во всѣхъ церквахъ на антиминсѣ животворящій крестъ воображати и подписывати

[7]) 1089: таково тимѣнное

[8]) 1089: не познаватися

[9]) 1089. 1691. 149: имъ на истину

[10]) 1691. 1252. 1089: и о церковныхъ

[11]) 149. 1089: здѣсь пропускъ до словъ: „И сицеваго во христіанѣхъ"

[12]) 1252. 2555: непремѣнно

[13]) 2555: надходяще. 1691: надходящее

[14]) 1691. 1252. 2555: отъ грубости

[15]) 1691. 2555: впадающихъ.

[16]) 1252: тяжку

[17]) 1252: не пишущимъ

[18]) 1691: сице: І. Н. Ц. І.

[19]) На полѣ: „Большой Потребникъ печатной".

„Царь славы, Іеусъ Христосъ [20]), ника“. Сія же четыре буквы не предано воображати. Подобнѣ и на водружальномъ крестѣ, тоже и на святомъ Агнцѣ въ тайнодѣйствѣ Тѣла и Крови Христовѣ [21]). Еще же и во Уставѣхъ на Панагирномъ [22]) хлѣбѣ тако предано воображати. Сице убо преданіемъ святѣйшею церковью предано и священными старописьменными [23]) книгами засвидѣтельствовано; сице самъ Христосъ равноапостольному царю Константину на небеси крестъ, кромѣ сихъ четырехъ буквъ, показа. Иже и онъ, по образу, показанному на небесѣхъ, три кресты сотвори, кромѣ сихъ четырехъ буквъ, якоже старопечатныя книги, Прологи, засвидѣтельствуютъ. Сице святый Никонъ Черныя горы въ своей книзѣ [24]) отъ вселенскія патріархіи прія повелѣніе кромѣ сихъ буквъ писати честныя кресты. Сице въ россійстѣй патріархіи и архіепископіяхъ и въ монастырѣхъ, по повелѣнію благочестивыхъ святителей и прочихъ пастырей, до Никона бывшихъ, и многихъ святыхъ, на Распятія [25]) кромѣ сихъ буквъ подписанія имѣются быти, о чемъ премножество свидѣтельствъ, и иже [26]) въ *другомъ* отъ насъ писаніи засвидѣтельствовано. Тѣмъ же гаждающіе ересію непишущіе четыре сія [27]) буквы на животворящемъ крестѣ хульствуютъ на вышепоказанное святыхъ церковное преданіе, и вопіющіе— не имѣти ни части, ни жребія за сія, грубостію своею, отъ части святыхъ, тако вообразившихъ и предавшихъ воображати святые кресты, отлучатися дерзаютъ; аще ли еже приводятъ сежъ [28]) въ свидѣтельство отъ Евангелія, прочихъ святыхъ писаній писанное, о написанной Пилатомъ титлѣ, и о семъ, о друзи, разсудите: тамо гдѣ [29]) четыре оныя буквы писати не предано и воображати не написано, и за неписаніе ихъ раздиратися не велѣно. А и къ божественному Писанію прилагающіе или отъемлющіе, или развращающіе что—вѣсть ваше братство!—таковыхъ [30]) каѳолическія церковь осужденію предаетъ. Ко священному же Евангелію кривосказательнѣ прилагающіе преданіе о четырехъ буквахъ, яже тамо не написано, и на древнецерковное преданіе ратующіе,—како таковіи сами подпадаютъ подъ церковное свя-

[20]) 1252: Іс. Х.
[21]) 1252. 2555: Христовы
[22]) 1252. 1691: панагіарномъ
[23]) 2555. 1252. 1691: старопечатными
[24]) 2555: на полѣ: Тактиконъ, л. 197.
[25]) 1691: на Распятіяхъ
[26]) 1252. 2555: яже
[27]) 1252: четыре буквы
[28]) 1252: себѣ
[29]) 1691. 1252. 2555: нигдѣ
[30]) 1691. 1252. 2555: таковая

тыхъ запрещеній осужденіе! И [31]) сицеваго въ христіанѣхъ бывающаго душевредія оплакующе и скорбяще, мы, грубіи, со слезами молимъ ваше [32]), елицѣхъ учительныхъ, елицѣхъ миротворныхъ, въ состояніи мужей: умилитеся и разсудите смиренномудренно о семъ жалостномъ христіанъ разорваніи и душевредіи [33]).

А еже отъ вашея страны за покупаніе брашенъ въ путѣхъ съ торжищъ осуждаютъ ны тяжцѣ, скверноядѣніемъ сія и достойными отлученія укоряюще, хульствуютъ, и брашна покупаемая и христіанскимъ на трапезахъ Бога благодареніемъ освящаемая, скверна и нечиста, — увы! — дерзостно именующіе, противно апостолу Павлу, къ Коринѳомъ и Тимоѳеею въ посланіяхъ о томъ пишущему, и сказателю тѣхъ божественному Златоусту и прочимъ многимъ святымъ; яко же и великій Аѳанасій, въ странныхъ сущему и требующему снѣди, въ корчемницахъ купити повелѣ, — яже вся свидѣтельства краткости ради оставляемъ; но отъ самѣхъ васъ содержанія кратко воспомнимъ. Ибо у самѣхъ васъ, возлюбленніи, въ вашемъ согласіи, кто можетъ отъ торжищъ безъ покупанія брашенъ минути? ибо соль, медъ, масло, калачи покупаете. И аще скверноядства—съ торжища покупаемая брашна, и отлучатися за то должны [34]), по вашихъ суду; то сами вы вси таковымъ сужденіемъ [35]), скверноядственныхъ отлученіемъ [36]), осуждаетеся. О мужіе [37]), братіе, разсудите неправаго и противнаго святыхъ разсужденіямъ суда и самѣхъ себе тяжко осудительнаго. Или и поклоны за брашна у васъ полагаются? но кто отъ святыхъ за торжищна брашна поклоны полагати повелѣ? и аще у самѣхъ васъ не по писанію сія творятся, како и за что прочіе пустынножители отъ вашея страны всуе и тунѣ, паче же за древнее святыхъ содержаніе, осуждаются. Сихъ ради скорбяще мы таковаго душевредія, симъ краткописаніемъ молимъ ваше братство: воздвигнитеся мужіе, братіе! воздвигнитеся боголюбнымъ [38]) нравомъ, расколъ [39]), всѣянный отъ супостата діавола, въ христоименитыхъ людѣхъ умирати, потщитеся,—тако съ поморскими пустынножители, яко и съ прочими благочестно согласными любовное свой-

[31]) отсюда продолженіе 149 и 1089.

[32]) 1089: ваше боголюбіе

[33]) 149. 1089: далѣе слѣдуетъ пропускъ до словъ: „симъ краткописаніемъ молимъ..."

[34]) 1691: должно

[35]) 1691: вашимъ сужденіемъ. 1252: по вашихъ сужденіемъ. 2555: вашихъ сужденіемъ

[36]) 1691: въ скверноядствѣ и отлученіи

[37]) 1252: Мужіе

[38]) 1691: боголюбивымъ

[39]) 1089, 1691, 2555: расколъ сей

ство и о единогласіи [40]) христолюбное радѣніе возымѣти и о церковномъ благочестіи единоревностное усердіе стяжати. Ибо и оніи, пустынножители, ваше братолюбіе всесердечно лобызаютъ и вседушевно соболѣзнуютъ [41]) и Господа Бога о васъ безпрестанно молятъ и о согласіи церковномъ съ вами возжелательно [42]) желаютъ. Аще бо божественный Златоустъ: ничтоже тако [43]) раздражаетъ Бога, яко еже церкви раздѣлятися, аще и безчисленная будетъ [44]) содѣявше благая, отъ иже тѣло Его пресѣцающихъ, не меньшую пріимемъ казнь, сѣцающе исполненіе церковное. Како, возлюбленніи, не убоимся гнѣва Божія, за расколъ церковный бывающаго и хотящаго быти? Или паки [45]), самъ Христосъ глаголетъ: о семъ разумѣютъ вси, яко мои ученицы есте, аще любовь имате между собою. И паки: блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся. То не востечемъ ли, возлюбленніи, къ любовнѣй благодати, не вожделѣемъ [46]) ли миротворства ради быти сынове Божіи. Ей, да дастъ [47]) намъ Господь Богъ, въ плачевные сія [48]) и многоскорбные намъ дни сію радость христіанскаго согласія видѣти [49]), и о благочестивыхъ преданіяхъ единогласно со святыми и между собою единодышущихъ [50]); якоже древле по распрѣ и разгласіи между святыми Кирилломъ и Θеодоритомъ и прочими восточными, паки любовное и единогласное соединеніе и о догматахъ единоумное разсмотрѣніе. О, да подастъ и намъ Господь Богъ сія воспріяти [51]). Аще ли же ваша любовь паки и паки имѣти будете несоглашеніе, за ради четырехъ оныхъ буквъ, яже мы, не видѣвше у святыхъ писанныхъ [52]), подобнѣ имъ не пишемъ на животворящемъ крестѣ: то благоволите намъ о ономъ надписаніи ясность показати и противъ письма и вопросовъ нашихъ отвѣтствовати [53]).

1. Гдѣ въ божественномъ Писаніи предано и велѣно че-

---

[40]) 2555. 1252. 1691: о единосогласіи

[41]) 1089. 1252: и вседушнѣ сболѣзнуютъ

[42]) 2555. 1252. 1691: всежеланно

[43]) 1691: 2555: тако, глаголетъ

[44]) 1252. 2555: будемъ

[45]) 1691: Или како

[46]) 1252. 2555: не возжелѣемъ ли

[47]) 1089: Божіи. Да дастъ

[48]) 1089: сія времена

[49]) 1089: радость видѣти

[50]) 1089: единодышущихъ быти

[51]) 1089. 149: далѣе пропускъ до словъ: „Тѣмъ же съ плачемъ молимъ вашу любовь".

[52]) 1691: писанны

[53]) 1252. 2555: отвѣтетно написати. 1691: „и противъ... отвѣтствовати"—*нѣтъ*.

тыре сія буквы сице [54]), вмѣсто Пилатомъ треми языки и цѣлыми рѣчьми написанныя титлы на крестѣ писати?

2. Кое святое Писаніе повелѣваетъ два надписанія на крестѣ писати,—едино: „Царь славы, Ісусъ Христосъ, ника", второе на дсцѣ: „І. Н. Ц. І."?

3. Еже у васъ прочитаете о титлѣ изъ Евангелія и Соборника и прочихъ святыхъ книгъ,—кто отъ святыхъ до васъ сіе о тѣхъ четырехъ буквахъ во свидѣтельство приводилъ [55]) и писати я повелѣ?

4. Кто отъ святыхъ толковниковъ сія буквы тако толкова, якобы писати на досцѣ креста за „Ісусъ"—Ї, за „Назарянинъ"—Н, за „Царь"—Ц, за „Іудейскій"—Ї?

5. Каяждо буква—съ титлою Ї или безъ титлы Ї предано воображати, и что обоимъ протолкованіе?

6. Въ Толковомъ Евангеліи, о написанномъ Пилатомъ треми языки титлѣ, пишетъ: еже треми грамотами написанное являетъ бо Господа Царя быти, и по дѣянію и по существу богословія мудрости, и прочая. И вы четырми буквами единаго языка можете ли сію тайну изобразити и како изобразитѐ, и по коему божественному писанію? Сіе намъ объявите [56]).

7. Еже Златоустъ, въ среду великую, о зависти жидовстѣй глаголетъ: а егда Пилатъ на досцѣ истину показа, гнѣваетеся и ставляете писати, что глаголаху: не пиши „царь жидовскъ". И паки ниже: юродивыя бесѣды Филистимовы не ставляете [57]) писати, а славленія не писати Божія, ими же на небо правимы есмы. И понеже Пилатъ треми языки и цѣлыми рѣчьми, а не четырьми буквами титлу на крестѣ написа, а жидове, царство Христова непріемлющіе и своимъ царемъ жидовскимъ Христу нарицатися не любящіе, тако глаголаху: не пиши „царь жидовскъ", и сіе ихъ [58]) непріятіе царства Христова Златоустъ обличаше оными глаголы. Вы же како и по коему Писанію на преданіе четырехъ буквъ писати [59])—сія Златоустова реченія проводите? Понеже святіи писавше надписаніе кресту „Царь славы, Іисусъ Христосъ [60]), ника, а четыре оныя буквы не писавше—еда истины и славленія Божія не писаху? еда на небо не правимы суть?

8. Отъ которыхъ святыхъ тако предано, еже бы всѣмъ имѣти на крестѣ сія четыре буквы „І. Н. Ц. І." на знаме-

[54]) 1252. 2555: буквы: І. Н. Ц. І.
[55]) 1252: приводи
[56]) 1691: объясните
[57]) 2555. 1252. 1691: не ставляете
[58]) 1252: имъ
[59]) 2555. 1252. 1691: писати я
[60]) 1252: Іс. Хс.

нованіе Пилатомъ написанныя титлы, а кои христіане не будутъ имѣти написаны оны на крестѣ, пишуще „Царь славы, Іесусъ Христосъ, ника“ —и съ тѣми не имѣти ни части, ни жребія, и раздиратися за сіе съ православно живущими благочестивыми христіаны?

И сія вся, мужіе братіе, смиренномудренно съ любовію разсмотрѣвше, потщитеся о сихъ со святыми единогласно дыхати, преданіямъ ихъ повинующеся. Аще ли же что вамъ мнится лучше разсужденіе имѣти, подвигнитеся на вышепоказанные [61]) отвѣтствованіе написати, отъ божественныхъ Писаній и отъ святыхъ преданій, а не отъ своемнительныхъ басней и отъ разсужденій нецерковныхъ; такожде и не клеветами, и не примышленіями и лжами, молимъ васъ, любезныхъ христіаномъ христіанъ [62]), облагати, и не простію и дерзостію осуждати прочіе благочестивые, якоже отъ вашихъ, сами мы слышавше, зѣло грубо и несмысленно дерзаютъ: погибшими весьма православныхъ за древлецерковная содержанія, съ клятвами кленущеся, безумнѣ осуждаютъ, сами погибающе хулою своею; и главою Христу титлу, четырьми буквами пишему отъ нихъ, грубогрубіи именуютъ, и клевещуще лжутъ на пустынножителей, яко бы титлу съ креста стираютъ и главу Христову (о буквахъ сихъ глаголюще) съ креста снимаютъ. Откуду явная, грубая ложь, ибо пустынножители на древнихъ Распятіяхъ и крестахъ тыя четыре буквы писаны не имѣша, и на воображаемыхъ отъ нихъ, подписывающе подобнѣ старопечатнымъ книгамъ и древнеписаннымъ Распятіямъ, подписываютъ. Отъ новолюбцевъ же нынѣшнихъ [63]) пустынножители иконописанія въ пустынножительство не вымѣниваютъ. Отуду, братіе, явная ложь отъ вашея наносится страны,—съ чего пустынножителямъ стирати тыя буквы, гдѣ не написаны прежде? развѣ и сія хулы на святыхъ же касатися [64]) отъ вашея страны некакимъ образомъ будетъ, ибо святіи, якоже въ старопечатныхъ книгахъ, тако на древнихъ Распятіяхъ, не воображаху на крестѣ. А по вашихъ усердію, подобало бы имъ быти, аки отъ Евангелія предано; святіи же, по тѣхъ сужденію, аки бы отняша сія. Тѣмъ же съ плачемъ молимъ вашу любовь: помилуйте, помилуйте, возлюбленніи, тако свои души, яко прочіе грубоумные, въ дерзостѣхъ своихъ увязающіе въ тяжкія хулы. Умилитеся, братіе, и о мирѣ христіанъ попекитеся,—разсмотрите и разсудите, потщитеся, возлюбленніи, о согласіи церковномъ, и миротворцы христоименитымъ людемъ будемъ, да сынове Божіи быти по-

---

[61]) 1691. 1252: на вышепоказанные вопросы

[62]) 2555. 1252: молимъ вашу любовь. христіаномъ христіанъ

[63]) 2555. 1252: внѣшнихъ

[64]) 2555. 1252: касается

лучимъ по священному святому [65]) гласу: блажени миротворцы, яко тіи сынове Божіи нарекутся. Да дастъ же, дастъ царь славы, Сынъ Божій, вашему братолюбію и намъ, грубымъ, единогласно со святыми и съ другъ другомъ любовно и глаголати, и мудроствовати. Ему же, всещедрому Владыкѣ, Іесусу Христу, буди о [66]) всѣхъ честь, и слава, и поклоненіе, съ безначальнымъ Его Отцемъ, и со Святымъ Духомъ, нынѣ и во вся вѣки, аминь [67]).

[65]) 149: Спасову

[66]) 1252: отъ

[67]) Въ рук. Румянцевскаго музея № 2555 и 1252 есть приписка: „Съ сицевымъ писаніемъ посланъ бысть Иванъ Өедоровъ въ Новозавоеваннаго града Юрьева Ливонскаго уѣздѣ въ настоящемъ 7224 (№ 1252: 7222) году въ январѣ мѣсяцѣ ко братіи, отторгшимся отъ согласія лѣтъ уже 10-ть. И пріемше опи и прочетше, и по многомъ глаголаніи отвѣщаши: аще хотятъ, рече, съ нами миръ и согласіе имѣти, тогда (№ 1252: то) пріимутъ сей крестъ съ титлою (сирѣчь съ четырьми буквами: І. Н. Ц. І.) и поставятъ у себя въ часовни, а буде не пріимутъ, и у насъ съ ними мира и согласія не будетъ. Вопроси же ихъ посланный Иванъ Өедоровъ: скажите ми вкратцѣ Господа ради: аще кто на крестѣ надписаніе напишетъ по древнему преданію, яко же у святыхъ видится писано еже есть: Царь Славы, ІС. ХР. ника, или распятіе Господа нашего Іесуса Христа, и поклонятися будетъ, оныя же, по васъ, Пилатовы титлы четырехъ буквъ І. Н. Ц. І. не пишетъ, и васъ хульствовати не будетъ, такожде и сообщатися съ вами не будетъ же: можетъ ли спастися? И отвѣщаша: можетъ спастися. Противу же вышеписанныхъ осьми вопросовъ отвѣта не учиниша, но токмо сіе малое написавше, съ симъ крестомъ, и тако его отпустиша“.

Это „малое написаніе“ приводится здѣсь же: „Въ Кіевѣ, въ Антоніевѣ пещерѣ, у Марка Гробокопателя, сей крестъ, кой онъ на себѣ носилъ, и съ коего даютъ воду пити людемъ, симъ изображенъ образомъ: [крестъ: і. н. ц. і.; іс. х.]

Да въ той же пещерѣ у Ильи Муромца крестъ сложенъ двѣма перстома.

Симъ образомъ [крестъ: і. н. ц. і.] крестъ въ книгѣ Лексиконѣ, печатной на листѣ 442, а печатанъ въ Кіевѣ въ лѣто 1627.

Есть крестъ въ Старой Русѣ, поставленъ въ моровое повѣтріе, назадъ тому 60 лѣтъ, а на немъ двѣ титлы.

Первообразный же крестъ Христовъ, иже есть во Іерусалимѣ, съ него же и вси кресты изображаемъ, имѣетъ надписаніе Пилатово и вси приходящіе ему поклоняются.

VIII.

Собраніе о титлѣ на крестѣ [1]).

Собраніе въ показаніе желающимъ вѣдѣти о надписаніи животворяющаго Креста, во объявленіе же хулити дерзающимъ несоизволяющіе писати четыре буквы І. Н. Ц. І. за Пилатово написаніе, писанное въ распятіе Христово треми языки: еврейски, гречески, римски: Іесусъ Назарянинъ, царь іюдейскій, еже они, умствующе, вмѣсто цѣлыхъ реченій четырьми буквами точію и вмѣсто трехъ языковъ единѣми словенскими исполнити. Вопрошаеми же: кто тогда [2]) отъ святыхъ по Распятіи Христовѣ на крестѣ оно Пилатово написаніе четырьми буквами вообрази? или въ коемъ церковномъ преданіи предадеся и засвидѣтельствовася тако писати? Сего не показующе, а иже по преданію церковному надписаніе вообразующіе Животворящему Кресту: „Царь славы ІС. ХС. ника", прежде помяновенныя же четыре буквы не пишущіе, за ради опасенія, понеже у святыхъ не обрѣтеся тако писано: тые они гаждающе и аки преступники [3]). Сего ради написася здѣ отъ свидѣтельствъ церковныхъ, яко древле святая Божія соборная и апостольская церковь имѣяше на крестѣ Христовѣ надписаніе кромѣ четырехъ буквъ, ихъ же за Пилатово написаніе воображаютъ.

Уставъ, еже есть „Око церковное", избранъ святыми отцы отъ многихъ Типикъ: Іерусалимскаго, и Святыя горы, и отъ Студитова, и отъ многихъ святыхъ отецъ, и отъ Вселенскихъ святыхъ соборовъ, и преданъ святой Божіей церкви, въ немъ же въ чинѣ о панагіи во главѣ 53 й напечатанъ крестъ, како его на хлѣбѣ Пречистыя воображати; надписаніе къ нему: „Царь славы ІС. ХС. ника".

Вонмите здѣ: отъ вселенскихъ святыхъ соборовъ и отъ прочихъ святыхъ отецъ предано во всю вселенную Божіей церкви на хлѣбѣ панагіи крестъ имѣти безъ Пилатова написанія. Еда сіи презрѣша евангельское повелѣніе? или не узнаша его? смѣемо ли тако кому помыслити?!

Еще же въ книзѣ Потребницѣ печатномъ: иже имать въ себѣ духовнаго чина власть, рекше вся чины и послѣдованія, бываемая отъ іерей, яже глаголю: святыя тайны, предуставленныя отъ Спасителя нашего Христа и святыхъ Его духоносныхъ ученикъ, и апостолъ, и святыхъ богоносныхъ

---

[1]) Рукоп. Румянцевскаго музея изъ собранія Ундольскаго № 1252, лл. 111—125. Варіанты по рукоп. Румянцевскаго музея № 2555, лл. 236—247 обор. Въ первой рукописи въ началѣ на почвѣ помѣчено: „Къ соизволяющимъ писати на крестѣ Христовѣ Пилатомъ назнаменанную титлу"

[2]) 2555: когда

[3]) 2555: преступники Евангелія оглаголующе

отецъ, и учитель,—освященіе святымъ Божіимъ церквамъ и прочая. И въ немъ, въ чинѣ освященія церкви, напечатанъ [4]) крестъ, како его знаменовати на антимисѣхъ; надписаніе къ нему [5]) „Царь славы IC. XC. ника".

Тамо же, на другомъ водружальномъ крестѣ, тоже надписаніе: „Царь славы IC. XC. ника".

Разсудите и здѣ, боголюбцы: отъ самого Христа, и святыхъ Его апостолъ, и богоносныхъ отецъ, во всю вселенную, всѣмъ Божіимъ церквамъ, на двою кресту, на антимисѣ, и водружальномъ, надписаніе безъ Пилатовыхъ писменъ предуставлено быти. Егда и здѣ прозрѣно, или не вызвано святое Евангеліе? смѣемо ли тако [6]) умствовати?!

Въ Тетро-евангеліихъ московскія печати во Іоанновѣ благовѣстіи, въ зачалѣ 46-мъ, въ началѣ перваго страстнаго евангелія, на полѣ напечатанъ крестъ, надписаніе его: „Царь славы Іесусъ Хс. ника"—безъ Пилатовыхъ писменъ.

На дорникахъ въ древнее благочестіе, имъ же просфиры печаташа, на крестѣ надписаніе: „Царь славы IC. XC. ника". Въ тѣхъ просфирахъ и агнецъ закалашеся въ тайнодѣйствіи Тѣла и крови Христовы, а тожде безъ Пилатова написанія.

Древле въ благочестіе, и до нынѣ, христіане вси отъ святаго крещенія на рамѣхъ у себе носятъ крестъ Христовъ, съ богословнымъ надписаніемъ, по обычаю церковному, тоже не имѣющь Пилатова написанія.

Равноапостольный царь Константинъ устрои три кресты отъ чистыя мѣди по образу, показанному на небесѣхъ отъ Самого Христа, яже въ Прологѣ сентября въ 14 день писано, и нарече святыя имена сице: „IC. XC. побѣждаетъ".

Внемлемъ и здѣ показанію не человѣческому, но Самого Христа, иже претерпѣ вольное распятіе, той показа и царю на небесѣхъ крестъ, и на немъ писати Пилатово написаніе не объяви, еже и равноапостольный царь не дерзну чрезъ небесное оно Божіе показаніе написати его.

Еще же апостолъ Христовъ и евангелистъ Іоаннъ Богословъ, иже даде жезлъ съ распятіемъ преподобному Авраамію, Ростовскому чудотворцу, имъ же повелѣ сокрушити Велеса идола, творяща многи напасти мимоходящимъ людемъ. Еже и бысть. На немъ же, Распятіи, нѣсть Пилатова написанія, имать же воображено „IC. XC. ника". Сіе же Распятіе въ монастырѣ преподобнаго Авраамія имѣется, о даніи же жезла и о сокрушеніи идола въ житіи Авраамієвѣ написано.

Внимаемъ, о мужіе, братіе, иже бѣ по Христовѣ распятіи, и повѣствовавый во Евангеліи, яко написа Пилатъ титлу и положи на крестѣ, той на данномъ Преподобному Распя-

[4]) 2555: освященія напечатанъ

[5]) 2555: съ надписаніемъ

[6]) 2555: тако кому

тіи не предаде тоя титлы. Аще бы ради законоположенія, еже писати, во Евангеліи написана было, како самъ написавый Евангеліе презрѣлъ бы? Что сихъ свидѣтельствъ яснѣйше, что же ли достовѣрнѣйше быти можетъ?

Въ Преславлѣ-Залѣсскомъ въ соборной церкви, въ ризницѣ, крестъ съ Распятіемъ сотворенъ по его подписи: въ лѣто 6.660 году благовѣрнымъ великимъ княземъ Георгіемъ Владиміровичемъ Долгорукимъ, а на немъ на самой досцѣ надписаніе: IС. ХС.

На Москвѣ въ соборной Успенской церкви на запрестольномъ Крестѣ, изъ Корсуня принесенномъ, на среднемъ кругѣ Распятіе мусіею писано: надписаніе на досцѣ: IС. ХС.

Ту же на Евангеліи во алтарѣ, старописанномъ, въ часовничной листъ, Распятіе, на немъ надписаніе на досцѣ: „Распятіе Господне", выше: „IС. ХС.".

Ту же лежитъ крестъ съ Распятіемъ, благословящій, съ мощми святыхъ, сотворенъ сребромъ и позлащенъ въ лѣта 7.155, и данъ по ризѣ Господни. Надписаніе на досцѣ: „IС. ХС", выше: „Распятіе Господне".

Ту же златосіяющій благословящій крестъ, съ Распятіемъ, и съ мощми святыхъ, сотворенъ при царѣ Өеодорѣ Ивановичѣ и патріарсѣ Іовѣ, повелѣніемъ царицы, лѣта 7103 году: написаніе на досцѣ „IС. ХС.".

Тамо же, въ крестохранильницѣ, драгоцѣнный крестъ съ Распятіемъ, благословящій, вынизанъ жемчугомъ въ немъ и часть животворящаго древа, и мощи Петра митрополита, и инѣхъ святыхъ; сотворенъ при томъ же царѣ Өеодорѣ [7]) и патріарсѣ Іовѣ, лѣтъ 7102; надписаніе на немъ „IС. ХС.".

Въ той же церкви на ковчежцѣ, въ немъ же риза Господня, крестъ съ Распятіемъ, на немъ надписаніе „Царь славы IС. ХС. ника".

Вторый ковчежецъ, вящшій, въ немъ же, глаголютъ, риза Господня, изъ Грузинъ принесена; на немъ крестъ и надписаніе „Царь славы IС. ХС. ника".

На Москвѣ же, въ соборной церкви Благовѣщенской, надъ Деисусомъ, дванадесять праздниковъ. Межъ ними распятіе Господне; надписаніе на немъ: „Царь Славы IС. ХС. ника".

Въ притворѣ тоя церкви, у западныхъ вратъ, вверху стѣннымъ письмомъ писанъ образъ Распятія. На немъ надписаніе: „Распятіе Господа нашего Іеуса Христа".

Въ приказѣ Большія казны стоитъ крестъ мѣднолитый при царѣ Михаилѣ Өеодоровичѣ; надписаніе на немъ: „Царь славы IС. ХС. ника".

Въ Ладогѣ, въ Васильевскомъ монастырѣ, изъ монастыря Валаамскихъ чудотворцевъ вывезенный благословящій крестъ съ Распятіемъ, рѣзный; надписаніе имѣющь вырѣзано на досцѣ: „Царь Славы" и на прочихъ древахъ „IС. Христосъ ника".

[7]) 2555: Өеодорѣ Ивановичѣ

Въ Соловецкомъ монастырѣ, въ часовнѣ, идѣже преподобнаго Германа мощи, крестъ каменный, на немъ Распятіе писанное, надписаніе изваянное: „Царь Славы ІС. ХС. ника“ А предъ Распятіемъ написанъ преподобный Савватій молебнымъ образомъ. Тако и глаголютъ, яко она преподобная отцы Савватій и Засима предъ онымъ Распятіемъ молястася.

Тамо же, въ казнѣ церковной, крестъ благословящій съ Распятіемъ, весь златый, обложенъ жемчугомъ, съ мощми святыхъ, даніе царя Ивана Васильевича Филиппу, игумену Соловецкому; надписаніе на немъ: „Царь славы ІС. ХС. ника“.

Тамо же, въ соборной церкви, юже устрои Филиппъ митрополитъ, бывый игуменъ тогда, въ двенадесяти праздницѣхъ крестъ съ Распятіемъ. Въ той же церкви и другій крестъ съ Распятіемъ, а на тѣхъ крестахъ, яко же и на прочихъ древнихъ, нѣсть на досцѣ четырехъ словъ (І. Н. Ц. І.) за Пилатово написаніе.

Тамо же, надъ трапезою вверху, служба Димитрія великомученика, образъ его мѣстной, въ десницѣ персты сложены на знаменіе крестное по древнему: держитъ въ нихъ крестъ трисоставный, надписаніе имѣющь: „Царь славы ІС. ХС. ника“.

Еще же и близъ пристанища, на мѣстѣ, идѣ же при преподобномъ Засимѣ купецъ просфору оброни, крестъ съ Распятіемъ дивно вырѣзаннымъ, надписаніе имѣющь: „Царь славы ІС. ХС. ника“.

Надъ кладеземъ преподобнаго Засимы, въ часовни, поставленъ крестъ съ Распятіемъ рѣзнымъ въ лѣта 7163 году, надписаніе имѣющь: „Царь славы ІС. ХС. ника“.

Ту же стоитъ крестъ въ часовнѣ, поставленіе Иринарха, игумена Соловецкаго; надписаніе на немъ: „Царь славы ІС. ХС. ника“.

Надъ Филипповымъ кладеземъ поставленъ крестъ съ Распятіемъ рѣзнымъ, въ часовнѣ, лѣта 7163 году: надписаніе на немъ: „Царь славы ІС. ХС. ника“.

Суть же и инии мнози животворящіе кресты, яко на Соловецкомъ и Заецкомъ [8]), тако и на прочихъ тамо отоцѣхъ, имѣющіе внизу лѣта и имена поставляющихъ рѣзаніемъ, назнаменаны и ихъ [9]) же отъ древлеблагочестивыхъ отцевъ или мірскаго чина христіанъ ставлены познаваются. На тѣхъ всѣхъ воображено на вышней досцѣ: „Царь славы“, на средне-поперечномъ древѣ: „ІС. ХС.“, на подножіи же: „ника“, а тѣхъ четырехъ буквъ за Пилатово написаніе нѣсть.

А которіи кресты, по знамѐнанному лѣтоименованію ихъ, послѣди древнихъ отцевъ отъ нынѣшняго, духовнаго или мірскаго, новолюбцевъ чина ставлены, на тѣхъ и тыя четыре буквы на досцѣ вырѣзано.

---

[8]) 2855: Залецкомъ

[9]) 2555: и иже

И по сему явствуетъ отъ коихъ временъ и отъ коихъ тіи четыре буквы писатися тамо начаша.

Вкупѣ рещи: по различнымъ Россійскія державы градомъ и монастыремъ, яко въ Соловецкой обители, тако и въ прочихъ, и мѣдныя распятія Иринарха, Ростовскаго чудотворца, и прочіе древлероссійстіи и благословящіе кресты, ихъ же колико множество видѣни и свидѣтельствовани, которіи до Никонова премѣненія писаны и лити, и кои точію отъ нынѣшнихъ[10]) иконописцевъ не преписывани, на нихъ же всѣхъ, яко же и на вышепоказанныхъ, аще и различными надписаніи, прославляется честное и пречестное Іисуса Христа имя, но обаче всюду обрѣтеся согласіе, еже безъ Пилатова написанія.

Еще же и преподобный Никонъ черныя горы въ книзѣ, глаголемой Тактиконѣ въ словѣ 38-мъ предлагаетъ: „Паки блюдохъ всюду честные кресты, надчертаемы овъ сице, овъ же инако, а не въ едино надписаніе, о сихъ убо азъ недоумѣю. Искахъ съ трудомъ подабающее надписаніи, лучшее увѣдати и сего ради, написавъ, послахъ въ соборную церковь патріархіи антіохійскія. Они же, испытавше о семъ опасно, списаша ми сице: яко лучше есть не писовати[11](святыя честныя кресты „ІС. ХС. сынъ Божій".

Вонмемъ, како и сей толикъ и таковъ мужъ, иже все божественное Новое и Ветхое Писаніе вѣдый, ему же дерзновеніе учительства слова Пречистая Богородица даде, яко же въ Книзѣ „о вѣрѣ" на листу 197-мъ пишетъ,—еда и сей преподобный не зналъ бяше въ Евангеліи повѣствованнаго, еже Пилатъ положи титлу на крестѣ, а ищетъ съ трудомъ: како лучше творити надписаніе? И виждь его не дерзское и не горделивое, не самъ о себѣ дерзну что, но вопроси у отецъ въ патріархіи. Что же въ патріархіи: еда не вѣдаша Пилатомъ написанныя титлы, а не предаша ю писати, но повелѣша написовати „ІС. ХС. сынъ Божій".

Къ сему же и на Корсунскихъ вратахъ въ Великомъ Новѣ-Градѣ на Распятіи греческія буквы написаны, яже искуснѣ вѣдущіе глаголютъ: всѣхъ сихъ знаменуетъ не Пилатово написаніе, а наипаче даетъ знати, яко не четыре буквы, и тѣ, ими же Пилатово написаніе знаменается.

Паки же въ Великомъ Новѣ-Градѣ на Волховскомъ мосту чудный крестъ сотворенъ съ Распятіемъ при благочестивомъ царѣ Иваннѣ Васильевичѣ и при святѣйшемъ и приснопамятнѣмъ Макаріи митрополитѣ, его же во многихъ житіяхъ Россійскихъ чудотворцевъ списатели велика мужа въ добродѣтели и въ вѣдѣніи божественнаго Писанія и бодраго пастыря церкви Божіей именуютъ[12]). Онъ же собра 12 Ми-

[10]) 2555: премѣненія отъ нынѣшнихъ

[11]) 2555: написовати

[12]) 2555: именуютъ

ней мѣсячныхъ Четьихъ, въ нихъ же книги Новаго и Ветхаго Завѣта и Толкованія ихъ списа. То и при толико славнѣйшомъ пастырѣ на ономъ чудотворномъ Распятіи не написано Пилатово написаніе, но на самой досцѣ: „Царь Славы" и на прочихъ составѣхъ „IС. ХС. ника" воображено.

Ту же другое Распятіе сотворено при царѣ Ѳеодорѣ Іоанновичѣ, на немъ надписаніе тожде: „Царь славы IС. ХС. ника".

Паки же въ Минеѣ августовой вышереченнаго митрополита Макарія, въ книгѣ Козмы Индикоплова, крестъ воображенъ, на немъ нѣсть Пилатова написанія.

Въ той же Минеѣ на антимисѣ воображенъ крестъ, надписаніе имѣющъ: „Царь славы IС. ХС. ника".

Но понеже не невѣденіемъ покрываема мати наша церковь древняго благочестія, юже, по пророку Аввакуму, слава Спасова покры, многимъ сущимъ, неудобь разумѣваемымъ, речемъ въ книгахъ и надписаніихъ на святыхъ вещѣхъ или гдѣ како подписовати. Тѣмъ же при благочестивыхъ князѣхъ и царѣхъ во Алфавитѣ тѣмъ толкованіе и указаніе сказано. Въ немъ же о крестѣ животворящемъ писано о подножіи: чесо ради и како пишется. Въ немъ же крестъ въ лицахъ воображенъ, надписаніе его: „Царь славы Iс҃. Хс҃. ника". Подъ нимъ „ника" толковано сице: „ника" сказуется„ побѣда на діавола и побѣдитель врагомъ, а самъ не побѣдимъ ни отъ кого же", и иныя рѣчи, яже окрестъ его толкованы, а титлы, Пилатомъ написанныя, на томъ крестѣ не написано.

Ельма убо вси сіи въ вышереченныхъ отъ святыхъ книгъ и отъ надписаній показаніяхъ святіи апостоли и святіи соборы, и прочіи богословцы, и благочестивіи цари и архіереи. не писаша на честныхъ крестахъ Пилатова написанія?

А глаголющіе, яко святое Евангеліе повелѣ писати, придаютъ тѣмъ на вышереченныхъ безчисленныхъ святыхъ оглаголаніе, аки презрѣвшихъ Евангеліе Спаса Христа, и сами умудряющеся, аки свыше ихъ отъ Евангелія уразумѣша писати. А наипаче отъ нѣкихъ таковы дерзостныя износятся рѣчи: „могоша и древніи не узнати, а святое Евангеліе повелѣваетъ; чесо ради не писати". Оле, дерзостнаго здѣ гласа, зазоръ на отецъ наносящаго! Понеже и латыни, и нѣмцы, и Никонова согласія держащіеся на Распятіяхъ пишутъ Пилатомъ написанную титлу. И толико тщаливы нынѣшніи иконописцы, яко и на старыхъ Распятіяхъ преписываютъ [13]). Еда и они лучше святыхъ познаша Евангеліе Спаса Христа?!

Не понеже убо во святѣмъ Евангеліи отъ евангелистовъ, еже во время распятія Христова распинающіе Его титлу или вину написаша повѣствовано, тако же и у святыхъ о томъ различныя сказанія, повелѣнія впредь будущее писати не написано. И что ли о ономъ сказаніи Святіи сказующе, но

---

[13]) 2555: приписываютъ

обаче на животворящемъ крестѣ надписаніе не Пилатовыми рѣчьми, но яко же ихъ Духъ Святый просвѣти, тако богословію Спасу Христу на крестѣ изобразиша, яко же выше облакъ свидѣтельствъ достовѣрныхъ показахомъ.

Тѣмъ же и мы святая Евангельская и прочихъ святыхъ словеса любызаемъ, прилагати же къ нимъ свое толкованіе, коего тамо повелѣнія не написано, не смѣемъ. И яко же во инѣхъ, сице и въ надписаніи крестномъ. соблюдаемъ, искушенная отъ толикихъ святыхъ мужей въ древнемъ благочестіи и временъ благопріятныхъ. согласно съ ними на крестѣ надписаніе пишемъ. Потязанія наводити на ихъ преданія не смѣемъ, свою немощь познавающе, ниже древнихъ благочестивыхъ царей и патріарховъ потязати дерзаемъ, ниже смѣемъ умаляти отъ ихъ написанной богословіи на крестѣ, аки бы несовершенны, но точію соблюдати у нихъ содержимая утверждаемся, слышаще и Милетіево во 2-мъ Посланіи утверженіе: Стойте, держаще отеческая преданія не превратна ни въ чемъ же богоносныхъ отцевъ потязающе, но ниже Божіихъ людей православныхъ потязати изволяюще [14]).

А иже принуждающіе четыре буквы, яко бы Пилатово написаніе, во второе со святыхъ Отецъ богословнымъ надписаніемъ. писати,—да рекутъ: откуду сей законъ, и кто рече, и кто отъ святыхъ тако тыя буквы писати повелѣ? Второе: да покажутъ, кто по Распятіи Христовѣ отъ святыхъ апостолъ, и святыхъ отецъ, и благочестивыхъ царей и архіереовъ, и въ старопечатныхъ московскихъ книгахъ, и на Распятіяхъ, толико свидѣтельствованныхъ, яко же выше показашася, тако тыя буквы на крестѣ написа и церкви преда де? Третіе: да явятъ, аще по ихъ, священнаго Евангелія и прочихъ святыхъ Писаній, есть сицевое повеленіе, еже писати тыя буквы, чесо дѣля святіи, ихъ же явихомъ, не писаша? Еда не узнаша, яко подобаетъ писати, или узнавше презрѣша. или за кій разумъ не благоволиша? Четвертое: да дадутъ объясненіе несогласному ихъ себѣ самѣхъ разумѣнію, еже, истолкующе, возводятъ, яко законъ и повелѣніе Евангельское и похвала Христу есть, еже по ихъ писати. А егда услышатъ отъ кого, яко святіи не писаша, тогда они же, обращающе слово, глаголютъ: „идѣ же и не пишется,—и сіе благо же, и праведно. и пріемлемо есть“. Убо будетъ ли право сицевое ученіе: проповѣдавше Евангельскимъ повеленіемъ и похвалою Христу, еже писати? Аще ли же кто и не послушаетъ, по ихъ, Евангелія. и не пишетъ, и сіе имъ же

[14]) 2555: послѣ словъ: „во второмъ Посланіи утверждевіе“ слѣдуетъ: „Вы же, пребывающе, проповѣдающе Христово имя, иже и стадо Христово потомъ обуревающихъ. Здѣ словеса Мелетія. Выше зри Кириллово слово о опрѣсноцѣхъ,—сице: прикладающихъ же что, или отъемлющихъ, или инако претворяющихъ, аще и самъ будетъ крайнѣйшій учитель кто, надо же слушати, не удалятися таковаго, и прочая

за доброе пріимати и проповѣдати? Пятое: да возвѣстятъ же, кто отъ святыхъ сіе догматствовати двоеумственно: еже кто пишетъ на крестѣ тыя буквы похвально, кто и не пишетъ пріемлемо, тако предаде и въ коемъ божественномъ Писаніи сице написано? Шестое: да явятъ глаголющіе, яко гдѣ на крестѣ вообразится распятаго Христа плоть, тамо подобаетъ тѣми буквами титло воображати, а идѣ же безъ вообра-женія плоти крестъ, тамо не подобаетъ той титлы быти. Кто отъ святыхъ сіе тако умствовати написа и въ коемъ божественномъ Писаніи сице засвидѣтельствовася?

И егда у святыхъ узаконено—яснѣ сія покажутъ, тогда и другимъ предавати незазорно и послушати кому несумнѣнно. Аще ли же сія вся у святыхъ предаема не являются и творимая обрѣтаются, како не устрашимся писати тà, яже у святыхъ не бѣ? или како не возбоимся предавати сія, яже прежде церковію непредадеся? Къ сему же и сіе: яко святіи не писаша тіи буквы на крестѣ, латыни же и нѣмцы и прочіи противовѣрцы, пишуще сія, не усумнилися въ сихъ разглашатися со святыми, соглашатижеся съ противовѣрными. А наипаче, яко всюду Писанію вопіющу: да не пріимемъ новинъ, яко же въ Книзѣ „о вѣрѣ“ на листу 224-мъ завѣщаваетъ: сего ради всѣми силами всякъ тщатися повиненъ есть, яко да въ пріятіи новинъ подъ анаѳему не подпадетъ, при которой искушеніе казни злыя срѣтаетъ небрегущихъ о семъ. Еже, не обрѣтше о четырехъ буквахъ въ московскихъ старопечатныхъ книгахъ и во инѣхъ церковныхъ изображеніихъ ясныхъ свидѣтельствъ, избираютъ утверженіе отъ книгъ, яже бѣлорусцы въ Польшѣ печаташа, яко же во обою бесѣду: въ заставицахъ Распятія безъ вышнія дски и со обвѣшеніемъ напечатныя, надъ ними же и вышереченныя буквы,—и тѣмъ утвержати себе мнятъ, и поклонятися сицеву безъ четвертой части высшей дски изображенію креста извѣщеваютъ [15]).

Въ житіи же Святаго Кирилла Философа, учителя славенскаго, написано, егда вопроси его Анній патріархъ: Рцы ми, юноше, како кресту, разорену сущу, не кланяемся ему, ни лобызаемъ его; а вы, аще лице до перси токмо будетъ, иконную ему честь творяще, не стыдитеся? Философъ же отвѣща: четыре бо части крестъ имать и аще едина его часть убудетъ, то уже своего лица не являетъ. А они безъ четвертой части, верхней дски, крестъ совершенъ и покланяемъ быти утвердиша и въ свидѣтельство приводити не стыдятся. Понеже есть въ тѣхъ печатѣхъ и ино несогласіе съ московскими древними печатьми: пречистаго Владыки имя „Ісусово“ въ инѣхъ мѣстѣхъ „Іисусомъ“, такожде и „во вѣки вѣковъ“, согласно съ никоніанскимъ. И въ Бесѣдахъ на Дѣяніе на страницѣ 181, вмѣсто святаго крощенія, обливаніе въ лицѣхъ напечатано, тако солгано: аки бы апостолъ Филиппъ евнуха обливаше. Зане тіи печатники не подъ русскими благочести-

[15]) 2555: изображаютъ

выми цари и патріархи, но подъ польскими крали, аще и греческаго согласія держащеся, пребываху. Но Филаретъ, святѣйшій патріархъ, про ихъ даетъ вѣдати, многая въ нихъ видѣ несогласія церковная въ самѣхъ тѣхъ христіанѣхъ, яже суть бѣлорусцы въ нихъ нарицаются. И тако, на сихъ свидѣтельствахъ утвержатися ненадежно.

А еже ревнующіе писатися на крестѣ четыремъ буквамъ, на не согласующіе имъ о семъ за опасеніе, понеже у святыхъ тако не видѣся, смѣлостію изглашаютъ клятвы и неблагословенія, гажденія же и отлученія. Сія скорби и ненавидѣнія, аще и многи печали и тяжести наносятъ, но обаче въ единомъ согласіи со святыми и во единомъ полцѣ съ ними, имѣюще въ подкрѣпленіе самого Царя славы, глаголющаго: нѣсть ученикъ надъ учителемъ своимъ, ниже рабъ надъ господиномъ своимъ. Аще Господина дому веельзевула нарекоша, кольми паче домашніе его? И аще міръ васъ ненавидитъ, вѣдите: яко Мене преже васъ возненавиде. И сими да утѣшаемся во исцѣленіе же глаголющимъ, въ познаніе устрашающимся, клятвъ и отлученій отъ собранія преподобнаго Іосифа Володскаго предлагаемъ. Отъ житія святаго Симеона, иже на дивнѣй горѣ: Великаго Симеона, иже на дивнѣй горѣ чудотворца, презвитеръ нѣкій завистію побѣждевъ, бывъ, проклятъ. И абіе видѣвъ множество бѣсовъ, пришедшихъ къ нему и связавше его опаки рукама, яко не мощи ему оттолѣ и святаго Евангелія прочитати. Виждь: аще кто недостойнѣ прокленетъ или свяжетъ, себе проклянетъ и свяжетъ, яко и презвитеръ. Святаго Діонисія Ареопагита: Яко аще святитель, паче воля Божія, отлучитъ, не послѣдуетъ ему божественный судъ. Василія Великаго: Аще кто творитъ кого безъ благословенія быти безвременно, самъ да будетъ безъ благословенія. Святаго Анастасія Синайскаго: Егда восходите [16]) въ домъ, глаголите: „миръ дому сему“ и аще будетъ тў Спасъ [17]) мира,—миръ вашъ почіетъ на немъ; аще ли же не будетъ достоинъ,—миръ вашъ къ вамъ возвратится. Аще убо миръ паки ко онѣмъ возвращается, зане же не обрѣсти достойна себѣ,—множае паче неблагословеніе и клятва возвратится на главу неправедно ту посылающаго, яко неповиннѣ сущу оному пріятію, къ нему же послана бысть. Всякъ убо всуе не благословляя и проклинаяй, себе не благословляетъ и проклинаетъ. Глаголетъ бо Соломонъ: яко же летающіе птенцы,—суетная клятва не вселится ни въ единого же. Попущающе убо Богу, яко же рѣхомъ: настаютъ безумные на мудрые и нечестивые на благочестивые, неправедные [18]) на праведные, уничижиающе и обидяще.

[16]) 2555: входите
[17]) 2555: сынъ
[18]) 2555: непреподобные

Преосвященный Іоаннъ (Кратировъ),

бывшій епископъ Саратовскій, ректоръ С.-Петербургской Духовной Академіи (1895—1899 г.г.).

Преосвященный Іоаннъ, бывшій епископъ Саратовскій, скончавшійся въ Москвѣ вечеромъ 12-го февраля 1909 года, представлялъ высоко симпатичную личность и достоинъ истинно доброй памяти за свою полезную просвѣтительно-церковную и архипастырскую дѣятельность. Въ мірѣ онъ именовался *Иванъ Александровичъ Кратировъ* [1]), родился 27-го іюля 1839 года въ селѣ Лохтѣ, Тотемскаго уѣзда, Вологодской губерніи, и былъ сыномъ священника Лохотской Происхожденской церкви Александра Георгіева Кратирова и жены его Дарьи Архиповой. О. Александръ, по окончаніи курса Вологодской Духовной Семинаріи въ 1836 году по первому разряду, посвященъ былъ 12-го августа сего года іереемъ на Лохту, доселѣ представляющую глухое мѣстечко въ 80-ти верстахъ отъ города Тотьмы, хотя зимою это разстояніе сокращается саннымъ путемъ до 50 верстъ; молодой пастырь, видимо, служилъ успѣшно и 13-го декабря 1841 г. былъ переведенъ къ Тотемской Христорождественской церкви, а позднѣе былъ назначенъ протоіереемъ въ городъ Кадниковъ, гдѣ и скончался. Значить, дѣтскіе годы Ивана А. Кратирова прошли въ сравни-

---

[1]) *В. П. Шереметевскій* говоритъ, что эта фамилія „Кратировъ" и другая „Каликсовъ" вовсе не указываетъ на лицъ, которыя, будучи учениками, „bacchanalia saepe exercent", а онѣ обѣ—топографическаго происхожденія и просто передаютъ погречески и полатыни названія мѣстъ. ибо, напр., въ Вологодской губерніи есть два селенія съ именемъ Чашково. См. статью „Фамильныя прозвища Великорусскаго духовенства въ XVIII и XIX столѣтіяхъ" въ „Русскомъ Архивѣ" 1908 г., кн. 6, стр. 217.

тельно благопріятной городской обстановкѣ, и онъ имѣлъ возможность получить дома хорошую учебную подготовку и въ 1850 году поступилъ въ Тотемское духовное училище, гдѣ въ «годичной вѣдомости» за 1853—54 учебный годъ значится подъ 2-мъ №-ромъ съ такою аттестаціей: «поведенія очень хорошаго [2]), способностей очень хорошихъ, прилежанія ревностнаго, успѣховъ препохвальныхъ» [3]). Переведенный въ 1854 г. въ низшее отдѣленіе Вологодской Духовной Семинаріи,—Иванъ Кратировъ окончилъ въ ней курсъ въ 1860 году и,—«какъ особенно благонадежный по способностямъ, успѣхамъ и поведенію»,—избранъ былъ семинарскимъ правленіемъ для поступленія въ Московскую Духовную Академію [4]), куда отправленъ 10-го августа, при чемъ въ аттестатѣ отмѣчено, что онъ «способностей—весьма хорошихъ, прилежанія—весьма ревностнаго». Академическое ученіе было не менѣе успѣшно, и Иванъ Кратировъ окончилъ его въ іюнѣ 1864 года въ составѣ XXIV-го курса (1860—1864 гг.) девятымъ по 1-му разряду, а 24-го апрѣля 1867 года возведенъ на степень магистра богословія [5]).

---

[2]) Судя по даннымъ училищныхъ „вѣдомостей",—это была высшая отмѣтка по поведенію.

[3]) Въ „вѣдомостяхъ" встрѣчается еще другая отмѣтка относительно „успѣховъ" и именно „препохвальныхъ".

[4]) Вторымъ былъ избранъ и посланъ въ Московскую Академію Николай Заваринъ, кончившій тамъ въ 1864 г. тоже лишь на №-ръ ниже Ив. Кратирова - десятымъ магистромъ.

[5]) Курсовое сочиненіе было писано на данную профессоромъ нравственнаго и пастырскаго богословія протоіереемъ Филаретомъ Александровичемъ Сергіевскимъ тему „О видахъ, такъ называемаго, частнаго попеченія пастырей о душахъ пасомыхъ, и о важности онаго въ кругу пастырской дѣятельности". Отзывъ о. Ф. А. Сергіевскаго таковъ: „Какъ сводъ относящихся къ разсматриваемому предмету, наставленій, какія могли быть найдены авторомъ въ отечественной нашей литературѣ переводной и оригинальной (и весьма малой частью въ иностранной), и по праву примѣнены къ положенію православнаго пастыря, α., довольно полный, β., составленный въ добромъ направленіи, съ правильнымъ пониманіемъ значенія православнаго пастыря въ отличіе отъ римско-католическаго и протестантскаго пастора, и γ., изложенный довольно послѣдовательно и ясно,—сочиненіе могло бы заслужить полное одобреніе. Но составленію вполнѣ одобрительнаго сужденія о семъ сочиненіи препятствуютъ слѣдующіе его недостатки: 1. Легкость и какъ бы поспѣшность труда: авторъ собираетъ изложенныя имъ наставленія большею частью изъ источниковъ самыхъ подручныхъ [дальше зачеркнуты слѣдующія слова: «(мѣстами, напр., изъ пастырскаго богословія Арх. Кирилла), да и изъ этихъ источниковъ иногда дѣлаетъ извле-

9-го ноября 1864 года онъ получилъ должность наставника въ высшемъ и среднемъ отдѣленіяхъ родной ему Вологодской Духовной Семинаріи, но 15-го ноября 1866 года, согласно прошенію, перемѣщенъ на тѣ же предметы въ Ярославскую Семинарію и 9-го марта 1867 года назначенъ здѣсь помощникомъ инспектора, а 10-го іюля сего года опредѣленъ—по избранію—членомъ семинарскаго правленія для присутствованія въ педагогическихъ собраніяхъ онаго; съ 4-го іюля 1870 года состоялъ еще преподавателемъ въ той же Ярославской Семинаріи по церковной исторіи. литургикѣ и практическому руководству для пастырей въ высшемъ второмъ отдѣленіи. Относительно

ченія цѣликомъ»], не всегда [это слово вписано послѣ—по опущеніи зачеркнутой вставки] затрудняя себя задачею — самодѣятельно перевѣрить со всѣхъ сторонъ достоинство извлекаемыхъ мѣстъ. 2. Нѣкоторая неполнота труда: сочиненіе а., представляется не совсѣмъ доконченнымъ: ему не достаетъ заключенія; β., съуживаетъ свой кругозоръ подъ вліяніемъ не совсѣмъ правильнаго ограниченія частнаго пастырскаго попеченія о душахъ почти исключительно дѣятельностью наставительной, да γ., и въ этомъ ограниченномъ болѣе надлежащаго кругу, иное оставляетъ необозрѣннымъ: такъ, напр., ничего не говоритъ о пастырскомъ наставленіи новоприсоединенныхъ къ православію сыновъ Церкви и т. под. 3. Встрѣчаемый по мѣстамъ недостатокъ стройности и правильности въ расположеніи мелкихъ частей сочиненія, а также недостатокъ удовлетворительной правильности въ построеніи общаго плана сочиненія.

4. Тонъ сочиненія, хотя и не часто, но изрѣдка не довольно скромный, а именно—отзывающійся учительностію, неумѣстною въ устахъ молодого писателя, особенно когда онъ отъ своего лица говоритъ о такомъ предметѣ, каковъ составляющій задачу разсматриваемаго труда.

Впрочемъ, и при замѣченныхъ недостаткахъ въ сочиненіи много очень хорошаго [первоначально было такъ: «сочиненіе можетъ быть названо хорошимъ»].

Примѣчаемый по мѣстамъ недостатокъ практичности наставленій не обращаемъ въ укоризну автору, какъ дѣло естественное для юнаго писателя, и при существовавшемъ у насъ маломъ развитіи пастырской отрасли богословской литературы весьма извинителенъ".—Проф. прот. *Филаретъ Сергіевскій* [† 7 января 1884 г. протоіереемъ-настоятелемъ Архангельскаго собора въ Москвѣ].

„Съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ о семъ сочиненіи согласенъ". Проф. *Петръ* [Симоновичъ] *Казанскій* [† 14 февраля 1878 г.].

„Соглашаясь съ вышеизложеннымъ мнѣніемъ и признавая сочиненіе хорошимъ, нахожу нужнымъ присовокупить, что въ писаніяхъ Св. Отцевъ и опытныхъ пастырей Церкви сочинитель могъ бы найти много весьма полезнаго для его труда. Свидѣтельства Отцевъ Церкви и мнѣнія опытныхъ пастырей придали бы гораздо болѣе убѣдительности и силы высказываемымъ авторомъ общимъ мыслямъ".—Э. о. проф. *Александръ Лавровъ* [архіеп. Литовскій Алексій, † 9 ноября 1890 г.].

этого періода педагогической дѣятельности Ив. А. Кратирова у насъ нѣтъ документальныхъ данныхъ, но даже намъ извѣстны примѣры глубокаго и искренняго уваженія къ нему со стороны его семинарскихъ учениковъ, которые, долго спустя, сохраняли признательную память о своемъ давнемъ учителѣ.

Но 31-го августа 1870 года Ив. А. Кратировъ покинулъ непосредственное педагогическое служеніе и вернулся въ родную Московскую Духовную Академію секретаремъ ея совѣта и правленія, въ каковой должности пробылъ почти 13 лѣтъ. Ревностный къ дѣлу,—новый академическій секретарь отлично зналъ духовные законы и распоряженія высшей духовной власти, почему не только являлся лишь начальникомъ канцеляріи и провосходнымъ составителемъ дѣловыхъ бумагъ, но во многомъ направлялъ все теченіе по нормальному законному руслу и въ затруднительныхъ случаяхъ имѣлъ рѣшающій голосъ по своей области. Впрочемъ, тогда онъ былъ не просто «законникъ велій», а пользовался авторитетомъ общаго признанія въ кружкѣ академической администраціи и во всей академической корпораціи, такъ что среди мѣстныхъ профессоровъ за нимъ утвердилось потомъ прозваніе «нашего духовнаго министра». Неудивительно, что при оберъ-прокурорѣ графѣ Д. А. Толстомъ Ив. А. Кратирова приглашали въ С.-Петербургъ чиновникомъ особыхъ порученій или вообще куда-то по духовному вѣдомству, однако онъ уклонился отъ этого, не чувствуя склонности къ такому служенію. Болѣе симпатичны были ему предложенія изъ центральныхъ подмосковныхъ Семинарій (напр., изъ Тверской и Рязанской) баллотироваться на ректорскую должность, но Ив. А. Кратировъ принципіально не сочувствовалъ «баллотировочной системѣ» и упорно отказывался ставить свою кандидатуру.

Дѣло измѣнилось съ назначеніемъ (15-го сентября 1882 г.) въ Харьковъ архіепископомъ Амвросія (Ключарева). Послѣдній на новомъ и сначала даже чуждомъ ему мѣстѣ весьма нуждался въ новыхъ дѣятеляхъ по всѣмъ отраслямъ управленія, а въ частности и для устройства мѣстной Духовной Семинаріи. Амвросій пригласилъ сюда на ректорскій постъ [6]) Ив. А. Кратиро-

[6]) Мѣсто это освободилось послѣ протоіерея Михаила Ивановича Разногорскаго, который,—конечно, по настоянію преосвященнаго Амвросія,—былъ переведенъ ректоромъ Духовной Семинаріи въ Екатеринославъ и здѣсь скончался 27 января 1892 г.; см. о немъ у † *А. С. Родосскаго,* Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи: 1814—1869 гг. (Спб. 1907), стр. 394—395.

ва, зная его издавна съ лучшей стороны. По убѣжденіямъ со стороны близкихъ къ архіепископу Харьковскому лицъ, въ особенности же профессора В. Д. Кудрявцева-Платонова († 3-го декабря 1891 г.) и преемника Амвросіева по Дмитровскому викаріатству Алексія (Лаврова, скончавшагося 9-го ноября 1890 г. архіепископомъ Литовскимъ), съ которымъ академическій секретарь былъ весьма друженъ и долго жилъ въ Сергіевомъ Посадѣ въ одномъ, академическомъ, домѣ,—Ив. А. Кратировъ согласился перейти въ Харьковъ и 7-го (21-го) апрѣля 1883 г. былъ назначенъ туда ректоромъ, 7-го мая рукоположенъ во діакона, 8-го мая во священника и 5-го іюня возведенъ въ санъ протоіерея.

Тяжелая миссія выпала на долю новаго Харьковскаго ректора. Преосвящ. Амвросій, какъ истый «москаль», встрѣченъ былъ Украйною на первыхъ порахъ далеко не дружелюбно, а его твердыя реформаторскія начинанія,—часто въ великороссійскомъ духѣ,—ничуть не способствовали водворенію особыхъ взаимныхъ симпатій. Естественно, что избранные помощники Амвросія не могли разсчитывать на сочувствіе окружающей мѣстной среды. Между тѣмъ Харьковскій ректорскій постъ былъ особенно труденъ, поскольку Семинарія страдала многими недочетами и требовала рѣшительныхъ мѣръ, ибо учебное дѣло въ ней хромало, дисциплина была подорвана, хозяйство разстроено. Призвавъ для устраненія этихъ недостатковъ и для водворенія нормальнаго порядка, архіеп. Амвросій всецѣло довѣрилъ это дѣло новому ректору, чѣмъ открылъ ему полный просторъ, но возложилъ на него и всю отвѣтственность. О. Ив. А. Кратировъ оказался совершеннымъ хозяиномъ, которому за свой личный страхъ приходилось считаться и съ властями и съ подчиненными. Однако о. Ив. А. Кратировъ успѣшно преодолѣлъ всѣ эти препятствія, съумѣвъ неразрывно сочетать дѣйствія отрицательнаго характера съ положительными мѣрами. Въ началѣ онъ вынужденъ былъ поступать весьма круто, какъ операторъ надъ больнымъ организмомъ,—и это вызвало среди учениковъ сильную оппозицію, находившую отголоски и въ преподавательскомъ персоналѣ. Но ректоръ не смущался всякими выходками и, минуя ихъ, твердо шелъ къ своей цѣли. Такъ постепенно всѣ убѣждались фактически, что о. Ив. А. Кратировъ чуждъ личныхъ интересовъ и всюду преслѣдуетъ и ставитъ выше всего единственно пользу дѣла. Ученики стали довѣрчивѣе и послушнѣе, а коллеги—въ боль-

шинствѣ—поспѣшили на помощь активнымъ участіемъ и сочувствіемъ своему ректору, который всегда защищалъ и поддерживалъ ихъ предъ Амвросіемъ и вообще съ готовностію старался всѣмъ оказывать посильное добро по всякимъ случаямъ и нуждамъ. Мало-по-малу изъ корпораціи образовалась дружная семья, объединенная въ ректорѣ,—и послѣдній, опираясь на этотъ фундаментъ, пріобрѣлъ у всѣхъ и сохранялъ такой непререкаемый авторитетъ, что о него разбивались и отскакивали всѣ натиски притязательнаго петербургскаго чиновничества, которому о. Ив. А. Кратировъ не стѣснялся указывать свое мѣсто и даже дорогу восвояси...

Этимъ уготовлялась благопріятная почва для созидальной работы. Въ семинарскій режимъ была введена строгая дисциплина, учебное дѣло повысилось, воспитательная часть поднималась систематически. Воспитанники подтянулись и неуклонно пріучались къ достойной выдержкѣ и всецѣлой порядливости, для чего о. Ив. А. Кратировъ чуть ли не первымъ во всей Россіи завелъ для нихъ еще особую красивую форму. Вмѣстѣ съ обогащеніемъ обязательными учебными свѣдѣніями, воспитанники проникались сознаніемъ долга соотвѣтственно предположенному для нихъ служенію, которое заранѣе являлось регуляторомъ ихъ внутренняго настроенія и потому послѣ принималось при укоренившейся готовности. Разумѣется, всѣмъ этимъ превосходно обезпечивался успѣхъ пастырской и всякой иной жизненной дѣятельности, а факты этого рода утвердили добрую репутацію Харьковскихъ семинаристовъ не только въ духовенствѣ, но и въ свѣтскомъ обществѣ. Не рѣдко бывали примѣры, что къ архіеп. Амвросію обращались съ просьбами дать во священники именно «Кратировскихъ учениковъ». Заботясь о непосредственныхъ задачахъ семинарскаго образованія, о. Ив. А. Кратировъ не забывалъ объ эстетическихъ развлеченіяхъ и значительно улучшилъ содержаніе семинаристовъ, къ которымъ вообще относился съ отеческою снисходительностію. Хозяйственная сторона была предметомъ особенныхъ попеченій о. Ив. А. Кратирова; здѣсь онъ употребилъ много хлопотъ и трудовъ и для сего ѣздилъ на свои средства въ С.-Петербургъ съ самою трудною и непріятною миссіей—добывать денегъ... За-то и результаты были плодотворные. О. Ив. А. Кратировымъ устроенъ новый прекрасный и обширный корпусъ для семинарскаго общежитія, а также другой—спеціально для квартиръ преподавателей и инспектора, старое же зданіе

для этой второй цѣли было расширено и капитально ремонтировано. Прежде Харьковская Семинарія иногда (особенно въ лѣтніе жары) много страдала отъ недостатка воды, пользуясь городскимъ водопроводомъ. Въ виду этого о. Ив. А. Кратировъ выхлопоталъ средства (до 8 тысячъ руб.) и на самой семинарской усадьбѣ устроилъ артезіанскій колодезь съ собственными водопроводными сооруженіями, оборудованными вполнѣ капитально машинами и особыми зданіями. Семинарія стала однимъ изъ лучшихъ зданій въ городѣ. Должно упомянуть еще, что при ней о. Ив. А. Кратировъ устроилъ и хорошее зданіе церковно-приходской школы. Постепенно укрѣпилась у начальника съ сослуживцами и питомцами самая тѣсная связь, которая особенно наглядно выразилась при оставленіи семинарской ректуры, когда по чувству искренней любви и неподдѣльной благодарности воспитанниками поднесена была цѣнная икона и говорились теплыя рѣчи, а отъ корпораціи, между прочимъ, поднесенъ хорошій альбомъ съ семейными карточками. Добрыя и дружественныя отношенія почтенія, благоволенія и симпатіи между Семинаріею и преосвящ. Іоанномъ продолжались во все время пребыванія его въ Харьковѣ.

Наряду съ ректорствомъ о. Ив. А. Кратировъ съ 4-го августа 1884 г. состоялъ предсѣдателемъ Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, но особенно много поработалъ для извѣстнаго богословско-философскаго журнала «Вѣра и Разумъ», редакторомъ котораго онъ былъ съ самаго основанія—по опредѣленію св. Синода—съ 1-го января 1884 года по 1-е апрѣля 1893 года, получая за это всего по 300 рублей ежегодно. Дѣло было новое и требовало большихъ хлопотъ по организаціи, привлеченію сотрудниковъ и пр. Пользуясь близкими связями съ корпораціею Московской Академіи, о. Ив. А. Кратировъ притянулъ изъ нея самыя крупныя научныя силы и сразу создалъ начинающему журналу такую высокую репутацію, что постепенно сталъ стекаться весьма обильный матеріалъ. Но послѣдній нуждался въ пересмотрѣ и приспособленіи, а эта черновая работа всецѣло падала на редактора, который, однако же, не могъ дѣйствовать вполнѣ самостоятельно, ибо все снова пересматривалось архіеп. Амвросіемъ и печаталось только по специальному его разрѣшенію. Отсюда происходили иногда самыя тягостныя коллизіи, а вообще порождались особыя трудности помимо тѣхъ, съ которыми связано всякое редакторство,

да еще въ новомъ духовномъ изданіи, гдѣ всесторонняя отвѣтственность не связывалась съ совершенною властію. Тѣмъ не менѣе Кратировская эпоха была пока чуть ли не самою лучшею въ исторіи журнала «Вѣра и Разумъ», хотя главная заслуга по этому важному дѣлу принадлежитъ, конечно, инициативѣ, энергіи, вдохновенію и всяческому участію архіеп. Амвросія.

Нужно сказать, что именно послѣднему о. Ив. А. Кратировъ много обязанъ добрыми успѣхами своего Харьковскаго служенія. Хотя бывали между ними крупныя временныя осложненія, почему однажды о. Ив. А. Кратировъ хотѣлъ даже перепрашиваться (яко бы въ Курскъ), но—въ общемъ—отношенія были дружественныя и благожелательныя. Возложивъ большія отвѣтственныя обязанности на своего ректора, архіеп. Амвросій оказывалъ ему полное довѣріе и всячески способствовалъ всѣмъ его начинаніямъ, уважая всѣ мнѣнія и представленія и высоко цѣня фактическія заслуги. Посему, когда о. Ив. А. Кратировъ овдовѣлъ [7]), архіеп. Амвросій при первой воз-

[7]) Супруга Ив. А. Кратирова—Елизавета Ивановна была дочерью Ивана Ананьина Грандицкаго, дьячка Погоста Васильевскаго. въ Муромскомъ уѣздѣ Владимірской губерніи. Отецъ померъ отъ тифа, оставивъ семеро дѣтей, и дѣвочка была взята на воспитаніе и удочерена происходившимъ изъ того же погоста родственникомъ И. Т. Остроумовымъ, а по смерти послѣдняго—женою его Марьей Димитріевной была перевезена изъ Тулы въ село Хребтово, Переяславскаго у., къ ея брату діакону Петру Грандицкому и пробыла у него года четыре. Потомъ судьба этой двукратной сироты измѣнилась къ лучшему. Въ Тулѣ проживалъ подъ присмотромъ и на попеченіи Остроумовыхъ обучавшійся въ тамошней гимназіи племянникъ богатой помѣщицы, генеральши Марьи Павловны Полугарской. Она, помня оказанное Остроумовыми добро своему родичу, разыскала ихъ пріемную дочь и взяла ее себѣ „къ Троицѣ“ (въ Сергіевъ Посадъ, Московской губ.), гдѣ тогда жила, похоронивъ здѣсь мужа. Елизавета Грандицкая была воспитана ею вмѣсто дочери и получила по завѣщанію Полугарской часть наслѣдства. Ив. А. Кратировъ былъ сначала учителемъ Елизаветы Грандицкой и затѣмъ женился на ней, при чемъ проф. В. Ѳ. Пѣвницкій слыхалъ, яко бы это сватовство состоялось при содѣйствіи Московскаго протоіерея А. Ѳ. Ключарева, потомъ Харьковскаго архіепископа Амвросія. Болѣзненная отъ природы, Елизавета Ивановна Грандицкая-Кратирова постоянно хворала и 5 сентября 1888 года скончалась, перевезена въ Посадъ и похоронена подлѣ супруговъ Полугарскихъ. Такимъ образомъ, по своей женѣ Ив. А. Кратировъ сроднился съ однимъ питомцемъ С.-Петербургской Духовной Академіи И. Т. Остроумовымъ, а судьба его столь загадочна, что не излишне сказать о немъ по этому случаю нѣсколько словъ. Это **Иванъ**

можности поспѣшилъ сдѣлать его своимъ викаріемъ на мѣсто

Тихоновичъ Остроумовъ, воспитанникъ IX академическаго курса (1827—1831 г.г.). О немъ † А. С. Родосскій приводитъ (Біографическій словарь студентовъ первыхъ XXVIII-ми курсовъ С.-Петербургской Духовной Академіи: 1814—1869 г.г., Спб. 1907, стр. 334) только замѣчаніе † архіепископа Тверского Саввы Тихомирова (Хроника моей жизни I, Св.-Тр. Сергіева Лавра 1897, стр. 191): „я не читалъ газетъ, но меня убѣдилъ читать ихъ учитель уѣзднаго училища Иванъ Тихоновичъ Остроумовъ, выпущенный изъ Петербургской Духовной Академіи за какія-то непристойныя выходки съ званіемъ студента, хотя по своимъ дарованіямъ онъ могъ быть въ числѣ первыхъ магистровъ". Мы нашли въ дѣлахъ академической конференціи, что, по представленію инспектора іеромонаха Іосифа (Позднышева, † архимандритомъ въ Кіево-Михайловскомъ монастырѣ 3 сентября 1857 г.), она 30 іюля 1831 г. опредѣлила „кончившаго учебный курсъ воспитанника Ивана Остроумова, за неисправимое его пьянство и буйство, лишить ученой академической степени". Дальнѣйшее сообщаемъ словами заслуженнаго профессора Кіевской Духовной Академіи Василія Ѳеодоровича Пѣвницкаго, приславшаго намъ въ 1908 г. четыре обстоятельныя письма, внося дополненія изъ (доставленнаго намъ въ копіи преподавателемъ Тульской Духовной Семинаріи Михаиломъ Николаевичемъ Рудневымъ) формуляра за 1853 г., гдѣ значится: „Титулярный Совѣтникъ Иванъ Тихоновичъ Остроумовъ, учитель русскаго языка Тульскаго уѣзднаго училища, 46 лѣтъ, знаковъ отличія не имѣетъ, жалованья получаетъ 200 руб. серебромъ". В. Ѳ. Пѣвницкій пишетъ: „И. Т. Остроумовъ—мой ближайшій землякъ. Онъ—сынъ дьячка, родился, какъ и я, въ томъ же Васильевскомъ Погостѣ, отстоящемъ отъ г. Мурома (Владимірской губерніи) въ десяти верстахъ, въ которомъ прежде было три священника, два дьякона и шесть причетниковъ. Посланъ онъ изъ Владимірской Семинаріи въ Петербургскую Академію въ 1827 году, вмѣстѣ съ Михаиломъ Измайловичемъ Богословскимъ (тоже Владимірцемъ). По свидѣтельству ихъ сверстниковъ по Владимірской Семинаріи, въ числѣ которыхъ былъ мой родной дядя Петръ Ивановичъ Смирновъ (скончавшійся священникомъ села Верхозерье, Меленковскаго у., въ началѣ 70-хъ годовъ; см. о немъ у Н. В. Малицкаго, Исторія Владимірской Духовной Семинаріи, вып. III, Москва 1902, стр. 254), И. Т. Остроумовъ считался болѣе даровитымъ, чѣмъ М. И. Богословскій, но въ С.-Петербургской Академіи случилось съ нимъ не то, чего ожидали товарищи и семинарское начальство:—Михаилъ Измайловичъ кончилъ академическій курсъ первымъ и былъ впослѣдствіи однимъ изъ видныхъ дѣятелей въ С.-Петербургѣ († 15 января 1884 г. въ Москвѣ протопресвитеромъ Архангельскаго собора), а И. Т. Остроумовъ, будто бы занимавшій въ началѣ первое мѣсто въ спискѣ и несомнѣнно долженствовавшій кончить первымъ или въ числѣ первыхъ, выпущенъ послѣднимъ, въ званіи просто студента и съ такимъ аттестатомъ, по которому его нигдѣ не хотѣли принять на службу. Причиною сего была пьянственная страсть, которой онъ былъ преданъ. Во Владимірѣ въ старые годы была молва, что И. Т. Остроумовъ въ пьяномъ видѣ нанесъ грубое оскорбленіе дѣйствіемъ инспектору С.-Петербургской Академіи (чуть ли не пред-

преосвящ. Владиміра (Шимковича), переведеннаго 5 декабря

шественнику Іосифову, бывшему таковымъ съ сентября 1825 г. по августъ 1830 г., Иннокентію Борисову, † 26 мая 1857 г. архіепископомъ Херсонскимъ). Выпущенный изъ Академіи съ волчьимъ (какъ говорится) билетомъ, И. Т. Остроумовъ жилъ потомъ въ Васильевскомъ Погостѣ въ кельи своей матери Прокофьевны, вдовы причетника, и платилъ частую дань Бахусу. Мать свою онъ чтилъ и лелѣялъ, когда не былъ пьянъ: а когда наступалъ для него періодъ запоя, Прокофьевна приходила въ нашъ домъ и изливала предъ моими родителями свою горькую скорбь. Жилъ И. Т. Остроумовъ «кондиціями» или уроками у сосѣднихъ помѣщиковъ, которые уважали за умъ и снисходительно относились къ его слабости. Въ трезвомъ состояніи Иванъ Тихоновичъ былъ премилый человѣкъ. Изъ всѣхъ жителей и членовъ трехсоставнаго причта Васильевскаго Погоста онъ съ особеннымъ расположеніемъ относился къ моему отцу, который не чуждъ былъ научно-литературныхъ интересовъ. Такъ жилъ И. Т. Остроумовъ лѣтъ десять, не могши никуда пристроиться прочно. Кончилъ онъ Академію въ 1831 г., а я родился въ 1832 г., между тѣмъ я былъ уже сознательнымъ мальчикомъ, когда Иванъ Тихоновичъ приходилъ къ моему отцу, и мнѣ живо представляется, какъ они вдвоемъ ходили по окраинамъ Васильевскаго Погоста, ведя между собою бесѣды о важныхъ матеріяхъ. По смерти матери И. Т. Остроумовъ остался сиротою, и испытанія одиночества произвели въ немъ такой переломъ, что онъ изгналъ изъ себя пьянственнаго бѣса. Послѣ долгихъ усилій ему удалось, наконецъ, получить мѣсто въ Муромѣ", гдѣ И. Т. Остроумовъ (—согласно формуляру 1853 г.—) „16 февраля 1840 г. опредѣленъ въ число канцелярскихъ служителей Муромскаго уѣзднаго суда, съ утвержденія Правительствующаго Сената въ чинѣ коллежскаго регистратора". „Въ Муромѣ Иванъ Тихоновичъ (по сообщенію В. Ѳ. Пѣвницкаго) женился, и жена Марья Димитріевна принесла ему въ приданое маленькій домикъ, гдѣ онъ мирно жилъ, освободившись отъ губившей его страсти". Формуляръ отмѣчаетъ, что И. Т. Остроумовъ „отъ этой службы по прошенію уволенъ 14 ноября 1841 г." и „былъ въ отставкѣ безъ награжденія чиномъ по 4-е сентября 1843 г.", въ каковое число— тоже „по прошенію—опредѣленъ учителемъ русскаго языка въ Тульское уѣздное училище", при чемъ В. Ѳ. Пѣвницкому припоминается, яко бы дѣло это доходило до Попечителя Московскаго Учебнаго Округа. Въ формулярѣ записано объ И. Т. Остроумовѣ слѣдующее: „Занимался преподаваніемъ русскаго языка въ Тульскомъ женскомъ училищѣ съ 16 сентября 1843 г. по 1848 г. безвозмездно. По донесенію о послѣдствіяхъ ревизіи г. Инспекторомъ Казенныхъ Училищъ объявлена ему отъ г. Попечителя Московскаго Учебнаго Округа благодарность за отличное преподаваніе и хорошіе успѣхи учениковъ по преподаваемому имъ предмету 1847 г. 14 февраля.—По засвидѣтельствованію г. Министра Народнаго Просвѣщенія объ усердіи его къ службѣ Высочайше объявлена ему признательность Начальства 1848 г. января 8". В. Ѳ. Пѣвницкій пишетъ: „Въ 1851 г., отправляясь въ составъ XVII-го курса (1851—1855 г.г.) Кіевской Академіи, я—вмѣстѣ съ двумя товарищами Александромъ Сперанскимъ и Павломъ Поспѣловымъ—былъ у него въ Тулѣ, явив-

1892 года въ Екатеринославъ, и продолжалъ оказывать знаки самаго благоволительнаго расположенія [8]). 6 марта 1893 г. онъ былъ постриженъ въ монашество съ именемъ Іоанна и 7 числа возведенъ въ санъ архимандрита, а Высочайше утвержденнымъ 26 марта докладомъ Св. Синода назначенъ епископомъ Сумскимъ и хиротонисанъ въ С.-Петербургѣ въ соборѣ Александро-Невской лавры 25 апрѣля 1893 г.

Съ полученіемъ епископства внѣшнее положеніе бывшаго харьковскаго ректора возвысилось, но за-то крайне понизилась и съузилась сфера его дѣятельности. Преосвященный Сумскій

шись къ нему на квартиру, которая была при училищѣ, когда самъ хозяинъ находился на урокахъ. Ему тотчасъ же доложили, и онъ немедленно явился, провелъ насъ по всѣмъ классамъ училища и, указывая на насъ, сказалъ ученикамъ, что ради дорогихъ гостей въ нынѣшній день не будетъ болѣе заниматься разъясненіемъ уроковъ. Дѣтей у Остроумовыхъ не было. Они приняли на воспитаніе и удочерили дочь дьячка Васильевскаго Погоста Елизавету Грандицкую. вышедшую потомъ замужъ за Ив. А. Кратирова. бывшаго тогда секретаремъ Московской Духовной Академіи.—Объ И. Т. Остроумовѣ я упоминалъ преосвященному Порфирію (Успенскому), который былъ курсомъ старше его по С.-Петербургской Академіи, и тотъ далъ о немъ одобрительный отзывъ. Я и мой старшій братъ Димитрій, нынѣ протоіерей Гребницкой церкви въ Москвѣ, бывали въ Петербургѣ у М. И. Богословскаго, и—когда заходила рѣчь объ И. Т. Остроумовѣ—онъ говорилъ, что это былъ несчастный, но даровитый человѣкъ, „который стоялъ выше всѣхъ насъ головой. Такой отзывъ со стороны товарища-конкуррента примѣчателенъ и заслуживаетъ полной вѣры".—По имѣющейся при вышеназванномъ „формулярѣ" перепискѣ,—Штатный Смотритель Тульскаго уѣзднаго училища Петръ Вельяминовъ отъ 10 іюня 1853 г. доносилъ Директору училищъ Тульской губ., что И. Т. Остроумовъ 9 іюня 1853 г. послѣ продолжительной болѣзни скончался, и при этомъ просилъ объ исходатайствованіи вдовѣ г. Остроумова, оставшейся безъ всякаго состоянія. выдачи годоваго оклада жалованья почившаго за почти 10-лѣтнюю усердную и полезную его службу по училищному вѣдомству; 1 декабря 1853 г. Директоръ сообщилъ смотрителю, что вдовѣ Остроумовой (переселившейся по смерти мужа на родину въ Муромъ) назначено единовременное пособіе въ размѣрѣ полуторнаго оклада, производившагося учителю Остроумову, всего 300 руб. 7 коп. -Вышеизложеннымъ исправляются и восполняются невѣрныя и недостаточныя свѣдѣнія *Н. В. Малицкаго* (Исторія Владимірской Духовной Семинаріи, вып. II, Москва 1902, стр. 168; вып. III, ibid. 1902, стр. 190), цѣликомъ воспроизведенныя у † *А. С. Родосскаго* (l. cit.) съ прибавленіемъ новыхъ, собственныхъ неточностей.

[8]) Такъ, при производствѣ въ архимандрита, архіеп. Амвросій подарилъ о. Іоанну хорошую и дорогую митру свою и архимандритскій крестъ, а послѣ хиротоніи во епископа презентовалъ еще бархату на рясу и т. п.

былъ викарій архіепископа Харьковскаго и могъ распоряжаться лишь въ мѣру соизволенія этого послѣдняго, да и то съ обязательною аппробаціей его въ каждомъ случаѣ. Самостоятельно онъ рѣшалъ одни дѣла по назначенію псаломщиковъ, но, кажется, исключительно въ села—за изъятіемъ городскихъ мѣстъ. Ему же шли на окончательное утвержденіе журналы духовныхъ училищъ, но только мужскихъ, а женское оставалось въ единоличномъ вѣдѣніи архіепископа. Разсматривалъ еще епископъ Сумскій бракоразводныя, судебныя дѣла, которыя переходили на архіепископскую санкцію, при чемъ Амвросій не рѣдко отдавалъ предпочтеніе заключеніямъ Консисторіи предъ мнѣніями викарія. Тутъ трудъ иногда обращался въ великое огорченіе... Больше инниціативы имѣлъ преосвящ. Іоаннъ, сохранивъ и викаріемъ званіе предсѣдателя Харьковскаго епархіальнаго училищнаго совѣта, но сдѣлать что-нибудь значительное было мудрено, ибо церковно-школьное дѣло не пользовалось тогда ни довѣріемъ, ни успѣхомъ въ Харьковской епархіи. Епископъ Сумскій могъ лишь обезпечить ему мирное утвержденіе и распространеніе, наладивъ и упрочивъ своимъ личнымъ добрымъ вліяніемъ наилучшія дружественныя отношенія съ дирекціею народныхъ училищъ Министерства Народнаго Просвѣщенія. Такимъ образомъ изъ царька-начальника, какимъ былъ въ его лицѣ ректоръ Харьковской Семинаріи, преосвящ. Іоаннъ превратился теперь въ отвѣтственнаго подчиненнаго, которому приходилось больше совершать богослуженія и производить хиротоніи, чѣмъ дѣлать и распоряжаться.

При наличности двухъ твердыхъ характеровъ,—совмѣстность подневольности одного другому оказывалась трудно достижимой, а къ сему подошли еще мелкія жизненныя осложненія, которыя сдѣлали принципіальное несходство совершенно реальнымъ практическимъ неудобствомъ. Вина была не въ частныхъ коллизіяхъ, гдѣ по обыкновенію все обострилось изъ-за вмѣшательства третьихъ лицъ, втянутыхъ сюда то вольно, то невольно и не всегда оправдывавшихъ благосклонность своихъ довѣрителей, но это былъ просто поводъ къ обнаруженію и разрѣшенію независимо создавшагося положенія. Посему архіеп. Амвросій, ходатайствуя для себя о новомъ викаріи, вовсе не стремился положить преграду дальнѣйшему іерархическому движенію преосвящ. Іоанна. Послѣдній былъ переведенъ Высочайше утвержденнымъ 17 января 1895 года синодальнымъ

докладомъ на мѣсто епископа Елисаветградскаго, второго викарія Херсонской епархіи. Фактически здѣсь было несомнѣнное пониженіе, но,—напутствованный съ искреннею трогательностію харьковцами, среди которыхъ онъ пользовался громадною популярностію и большою любовію,—преосвящ. Іоаннъ отправился къ новому служенію, ободренный авторитетными увѣреніями, что ему скоро готовится высшій постъ. Недолго новый епископъ Елисаветградскій прожилъ въ Одессѣ, однако и здѣсь сразу «привлекъ» и пріобрѣлъ «всеобщія симпатіи, искреннюю любовь и глубокое уваженіе людей, его знавшихъ» [9]), какъ свидѣтельствуютъ весьма теплые и одушевленные проводы. За 7 мѣсяцевъ Одесскаго пребыванія преосвящ. Іоаннъ, конечно, не имѣлъ даже возможности сдѣлать что-нибудь значительное, но его личное архипастырское вліяніе въ разноплеменномъ городѣ было мирное и благотворное.

23 августа 1895 года онъ былъ перемѣщенъ въ С.-Петербургъ къ митрополиту Палладію (Раеву) епископомъ Нарвскимъ, первымъ викаріемъ С.-Петербургской епархіи, а указомъ Св. Синода отъ 31 августа 1895 г. за № 4072 назначенъ еще и ректоромъ С.-Петербургской Духовной Академіи (послѣ *епископа Никандра*, назначеннаго 23-го августа на архіерейскую каѳедру въ Симбирскъ)—съ жалованьемъ по ректорской должности въ 4.200 руб. (при готовой квартирѣ) и за викаріатство въ 1.711 руб. 15 к. Это крайне лестное повышеніе было сопряжено съ большими трудностями для преосвящ. Іоанна. Онъ слишкомъ давно отошелъ отъ прямаго касательства къ академическому дѣлу, а семинарская педагогія — совсѣмъ особаго свойства и не можетъ прямо превратиться въ нормально-академическую даже въ самомъ наилучшемъ семинарскомъ администраторѣ. Если въ Семинаріи для ректора достаточно быть только хорошимъ преподавателемъ на нѣсколько часовъ въ недѣлю, то академическая ректура требуетъ, что ея носитель самымъ своимъ званіемъ обязывается быть ученымъ богословомъ, научно освѣдомленнымъ во всѣхъ академическихъ спеціальностяхъ, и авторитетнымъ профессоромъ, способнымъ просвѣщать и руководить студентовъ въ научной жизни. Лишь при такомъ непремѣнномъ условіи академическій ректоръ будетъ не деспотическимъ придаткомъ, для всѣхъ стѣснительнымъ, и получитъ опору для

[9]) См. у о. *С. В. Петровскаго* на стр. 392.

послѣдовательнаго воздѣйствія во всеобщемъ признаніи въ немъ именно главы, въ которомъ солидарно и согласно объединяются всѣ члены академическаго организма въ совмѣстной работѣ. Преосвящ. Іоаннъ не располагалъ всѣми этими удобствами, а С.-Петербургская академическая среда была достаточно своеобразна по сравненію съ тѣмъ, что сохранилось въ его привычкахъ и воспоминаніяхъ объ Alma Mater, между тѣмъ и по журналу «Вѣра и Разумъ» онъ не имѣлъ связи съ С.-Петербургскою академическою карпораціей, члены которой совсѣмъ не сотрудничали тамъ за время его редакторства. Значитъ, для новаго ректора въ новой Академіи все было ново. Тутъ легко быть растеряться, но прекрасныя личныя качества характера и души преосвящ. Іоанна помогли ему съ честію преодолѣть всѣ препятствія и съ достоинствомъ удержать за собою положеніе. Онъ вошелъ въ С.-Петербургскую академію съ простотою и искренностію, которыми интимно овладѣлъ всѣми, почему сразу установилось доброе взаимное довѣріе. Пользуясь имъ, преосвящен. Іоаннъ почерпалъ безспорный для всѣхъ вѣсъ въ органической связи своей съ профессорскимъ составомъ и могъ увѣренно реагировать во всѣхъ направленіяхъ съ помощію власти, какъ обезпеченной соучастіемъ и согласіемъ общаго академическаго разума. Такъ онъ съ успѣхомъ восполнялъ недостающее и въ дальнѣйшемъ пріобрѣталъ опору для самостоятельнаго дѣйствованія. Уже по истеченіи перваго года ректуры, Академія открыто и торжественно засвидѣтельствовала ему свою любовь, а это вездѣ и всегда служитъ наилучшимъ залогомъ плодотворности всякаго совмѣстнаго труда. Преосвящ. Іоаннъ избѣгалъ новаторства и не стремился къ нему по личной инициативѣ. Всѣ его усилія были направлены къ поддержанію выработанныхъ академическихъ порядковъ и къ огражденію нормальнаго теченія академической жизни во всѣхъ отношеніяхъ. Если приснопамятный митрополитъ Палладій съ ревностію отца всюду называлъ С.-Петербургскую Академію «своею», то ректоръ-викарій былъ вѣрнымъ ея стражемъ въ защитѣ чести и достоинства, хотя на нихъ были тогда влiятельныя и назойливыя покушенія. Преосвящ. Іоаннъ не за страхъ, а за совѣсть всегда былъ печальникомъ, ходатаемъ и апологетомъ С.-Петербургской Академіи. И послѣдняя чувствовала это и родственно сживалась съ нимъ тѣсными духовными узами. Естественно, что, когда преосвящ. Іоанну пришлось покинуть ее, обѣ стороны были

подавлены грустію разлуки,—и разставаніе вылилось въ особо трогательныя формы, при чемъ студенты подносили драгоцѣнную панагію своему бывшему ректору, а Академія 29 декабря 1899 г. избрала его своимъ почетнымъ членомъ.

Самостоятельное іерархическое поприще предуготовлялось для преосвящ. Іоанна его безспорными заслугами. Помимо обязанностей ректуры и викаріатства, онъ былъ еще предсѣдателемъ Совѣта С.-Петербургскаго Епархіальнаго Комитета Православнаго Миссіонерскаго Общества и наблюдателемъ за преподаваніемъ въ С.-Петербургѣ Закона Божія въ учебныхъ заведеніяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія, по военному вѣдомству, по Человѣколюбивому Обществу и въ городскихъ школахъ; въ маѣ 1896 г.,—за отъѣздомъ Св. Синода въ Москву на коронованіе Государя Императора Николая II,—былъ предсѣвателемъ С.-Петербургской синодальной конторы; съ 5-го октября 1898 года -- за болѣзнію и послѣдовавшею 5 декабря сего года смертію митрополита Палладія — состоялъ временно правящимъ С.-Петербургскою епархіей, при чемъ всегда съ достоинствомъ держался въ этомъ деликатно-трудномъ положеніи и энергично охранялъ каноническія права церкви и прерогативы церковной власти противъ всякихъ притязаній, грозившихъ ему иногда тяжкими послѣдствіями, какъ это самолично знаемъ по характерному случаю о замѣщеніи одного дьяконскаго мѣста, гдѣ ему предъявленъ былъ авторитетный свѣтскій ультиматумъ въ пользу заранѣе «назначеннаго» кандидата...

16 января 1899 года преосвящ. Іоаннъ былъ назначенъ епископомъ Саратовскимъ и Царицинскимъ (на мѣсто переведеннаго архіепископомъ Финляндскимъ Николая Налимова) и восшелъ потомъ на свою новую каѳедру съ обаятельною простотой, которою сразу привязалъ къ себѣ епархію. Здѣсь шире сталъ обнаруживаться и примѣняться административный его талантъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ яснѣе стали обрисовываться и всѣ трудности іерархическаго управленія, которое тѣмъ отвѣтственнѣе, что часто бываетъ безапелляціоннымъ. Потребовался помощникъ (Гермогенъ Долганевъ), но не въ натурѣ преосвящ. Іоанна было полагаться на другихъ, еслибы даже онъ вполнѣ довѣрялъ имъ, а потому привхожденіе соучастника только создало излишнія осложненія, усиливавшіяся стремительно, хотя и помимо воли правящаго епископа. Той порой послѣдній не щадилъ своихъ старѣющихъ силъ и—въ

интересахъ совершенной основанности и канонической правомѣрности своихъ церковно-административныхъ мѣропріятій—усердно старался восполнять пробѣлы знаній, особенно въ области каноники, ради чего просиживалъ напролетъ цѣлыя ночи.

Здоровье стало измѣнять преосвящ. Іоанну, а осенью 1902 г. его, какъ нарочно, вызвали членомъ Св. Синода въ С.-Петербургъ, гдѣ было наименѣе удобствъ для поправленія... Здѣсь 12 марта 1903 года послѣдовалъ указъ объ увольненіи преосвящ. Іоанна съ Саратовской каѳедры и о назначеніи его штатнымъ членомъ Московской синодальной конторы и управляющимъ ставропигіальнымъ Симоновымъ монастыремъ. Если одни предуготовляли и потому знали это, другіе предчувствовали съ тревогой, то для самого преосвящ. Іоанна тутъ была большая и горькая неожиданность, подѣйствовавшая на него сокрушительнымъ образомъ... Онъ лишенъ былъ даже возможности лично проститься со своею Саратовскою епархіей, но—по словамъ одного некролога (въ «Колоколѣ» № 886 за 15-е февраля 1909 г.)—«духовенство послѣдней до сихъ поръ съ чувствомъ признательности вспоминаетъ преосвященнаго Іоанна, какъ одного изъ лучшихъ архипастырей, входившаго во всѣ нужды и положенія, особенно сельскаго духовенства». Съ покорностію божественному промыслу преосвящ. Іоаннъ прямо изъ С.-Петербурга поспѣшилъ къ новому мѣсту служенія въ Москву, гдѣ и продолжалъ работать для дѣла Церкви въ предуказанной области, насколько позволяли ему силы, которыя быстро падали и убывали.

Время Московскаго пребыванія преосвящ. Іоанна было тяжелымъ періодомъ жизни. Физически надломленный трудами и бѣдами, онъ былъ какъ бы заброшенъ въ нѣкоторомъ пренебреженіи... Но архипастырь не ожесточился отъ обидъ и огорченій, а углубился въ себя, сталъ великимъ молчальникомъ и, всецѣло сосредоточившись въ своемъ внутреннемъ мірѣ, укрѣплялся въ духовномъ смиреніи и безраздѣльной преданности волѣ Всевышняго. Трудно было вовлечь его въ житейскій разговоръ, а еще труднѣе добыть свѣдѣнія о немъ лично. На всѣ запросы у покойнаго былъ одинъ рѣшительный отвѣтъ, что все доброе совершилось чрезъ него по милости Божіей, а самъ онъ ничего полезнаго не сдѣлалъ и не заслуживаетъ даже простыхъ біографическихъ описаній... Особенно жестокъ былъ для больного старца-епископа послѣд-

ній годъ. Какъ будто посылали къ нему навѣстить «человѣколюбія ради», хотя фактически лишь выясняли степень его безпомощности для окончательной сдачи въ архивъ. 5 декабря 1908 г. Высочайшее утвержденъ докладъ Св. Синода объ увольненіи преосвящ. Іоанна отъ должности штатнаго члена Московской синодальной конторы, но сверхъ этого, напечатаннаго въ «Церковныхъ Вѣдомостяхъ» (1908 г., № 51—52, стр. 365), указа былъ доставленъ другой—отъ 4-го декабря—объ освобожденіи его отъ настоятельства въ Симоновомъ монастырѣ. Первое онъ принялъ безропотно, а второе тоже не истощило его терпѣнія, но не хватило физическихъ силъ для преодолѣнія всѣхъ выпавшихъ лишеній, которыя сразу повергли его въ какое-то параличное состояніе... Архипастырь, обычно раздававшій всѣ излишки, не имѣлъ никакихъ личныхъ средствъ, — и теперь изсякали всякіе источники содержанія для безпомощнаго старика, ибо только еще обѣщалось ходатайствовать о пенсіи ему въ 1000 руб. ежегодно за всю его 44-хъ-лѣтнюю службу... Не даромъ, онъ долго отказывался отъ епископства и потомъ не хотѣлъ идти въ епархіальные архіереи, а по оставленіи поста ректора С.-Петербургской Академіи предпочиталъ получить пенсіонное обезпеченіе за свою достойную педагогическую дѣятельность... Мало того. Отнынѣ пришлось перемѣнить помѣщеніе, и изъ покоевъ настоятельскихъ больной архипастырь, отягченный годами, попалъ въ такую квартиру, которую прямо называютъ «темницей». Всего четыре маленькія, низкія и тѣсныя со сводами клѣтушки, съ окнами въ 1 аршинъ вышины; изъ нихъ одна холодная въ родѣ кладовой, а другая настолько темная, что нельзя было читать даже днемъ по недостатку естественнаго свѣта... По всей правдѣ, это была лишь просторная могила, и ея дѣйствіе немедленно сказалось на преклонномъ старцѣ роковымъ образомъ. Онъ ни на что не жаловался, но близкіе вскорѣ замѣтили, что въ немъ внутри что-то сразу оборвалось... Преосвящ. Іоаннъ жилъ теперь одними воспоминаніями, оставаясь внѣ міра и житейскихъ попеченій, ибо почти не принималъ ни пищи, ни лекарствъ. Началось постепенное тихое угасаніе, которое вечеромъ 12-го февраля 1909 г. (т. е. въ четвергъ на первой недѣлѣ великаго поста) завершилось, повидимому, безболѣзненнымъ засыпаніемъ. Господь послалъ кончину христіанскую и мирную для упокоенія его изможденнаго, изсохшаго тѣла, которое почти не измѣнилось по смерти

и даже въ день погребенія не имѣло трупнаго запаха. Отпѣваніе совершали въ субботу 14-го февраля: преемникъ покойнаго по управленію Симоновымъ монастыремъ епископъ (бывшій Олонецкій) Мисаилъ, сказавшій теплое и задушевное слово, епископы Іоанникій (бывшій Архангельскій) и Григорій (бывшій Омскій) при участіи четырехъ архимандритовъ и монастырской братіи, протопресвитера Большого Успенскаго собора В. С. Маркова, нѣсколько Московскихъ священниковъ и нарочито пріѣхавшаго ректора Вологодской Духовной Семинаріи протоіерея Н. П. Малиновскаго, издавна близкаго знакомаго и тѣсно связаннаго съ почившимъ союзомъ самаго искренняго почтенія. Присутствовалъ профессоръ Московской Академіи (въ отставкѣ) П. И. Казанскій. Погребенъ покойный архипастырь въ склепѣ одного изъ храмовъ Симонова монастыря.

Будучи ректоромъ С.-Петербургской Академіи, преосвящ. Іоаннъ (по свидѣтельству оффиціальныхъ академическихъ отчетовъ за 1896, 1897 и 1898 годы) «читалъ лекціи по Священному Писанію Новаго Завѣта, и именно давалъ обозрѣніе пастырскихъ посланій св. апостола Павла къ Тимоѳею и Титу, при чемъ разсматривались мнѣнія о писателѣ, времени, мѣстѣ написанія посланій и пр.». Онъ считалъ себя наиболѣе компетентнымъ въ этомъ предметѣ, ибо нѣкогда спеціально занимался имъ, по связи со своею кандидатскою работой, гдѣ автору съ особенною тщательностію приходилось сосредоточиваться на пастырскихъ посланіяхъ, а потомъ данный вопросъ неизмѣнно занималъ вниманіе преосвящ. Іоанна и освѣщался съ разныхъ сторонъ по интересамъ административно-педагогической службы въ Харьковской Семинаріи и по потребностямъ собственнаго пастырства; въ С.-Петербургѣ привлекалась еще новѣйшая спеціальная русская литература. Въ Академіи на своихъ лекціяхъ преосвящ. Іоаннъ велъ собственно живыя бесѣды со слушателями, расхаживая по аудиторіи; основнымъ принципомъ его аргументаціи была твердость преданія церковнаго по сравненію со всякими отрицательными мнѣніями, какъ позднѣйшими и самоизмышленными, такъ что въ коренныхъ своихъ воззрѣніяхъ лекторъ совпадалъ здѣсь съ апологетическими основоначалами Тертулліановскаго credo хотя бы безъ намѣренія и безъ вѣдома о семъ.

Преосвящ. Іоаннъ оказалъ громадную услугу богословской литературѣ своими ревностными и плодотворными трудами по организаціи и редактированію журнала «Вѣра и Разумъ», о

чемъ и самолично могу съ благодарностію свидѣтельствовать по опыту моего сотрудничества въ этомъ богословско-философскомъ органѣ; сюда я проникъ—въ самую тяжелую для меня пору насильственнаго перерыва моего студентчества въ Московской Духовной Академіи—благодаря доброму и просвѣщенному участію тогдашняго редактора, который тщательно занимался каждою статьей, чтобы привести въ наилучшій видъ со всѣхъ сторонъ, не тяготясь для сего пространными письменными сношеніими съ невѣдомымъ ему молодымъ авторомъ. Однако,—поглощенный непрерывными служебными дѣлами, не оставлявшими времени для самостоятельной и сосредоточенной кабинетно-книжной работы,—преосвящ. Іоаннъ не имѣлъ возможности заниматься литературными трудами и напечаталъ особо только четыре свои проповѣдническія произведенія: два «слова» на день рожденія Государя Императора Александра Александровича (въ журналѣ «Вѣра и Разумъ» 1885 г., I, № 6, стр. 331—339; 1892 г., II, № 5, стр. 265—274) и двѣ «рѣчи»—при нареченіи во епископа Сумскаго (ibid. 1893 г., № 9, стр. 201—203 въ «Листкѣ», и въ «Прибавленіяхъ къ Церковнымъ Вѣдомостямъ» 1893 г., № 18, стр. 710—712) и при вступленіи на Саратовскую епархію (въ «Саратовскихъ Епархіальныхъ Вѣдомостяхъ» 1899 г., № 5, стр. 199—204) *).

---

*) *Свѣдѣнія* о преосвящ. Іоаннѣ Кратировѣ почерпаются, главнымъ образомъ, изъ отрывочныхъ и случайныхъ печатныхъ данныхъ, но мы имѣли еще выписки изъ „Годичной вѣдомости объ ученикахъ Тотемскаго Духовнаго Уѣзднаго училища за $18^{53}/_{54}$ годъ“ и изъ клировыхъ вѣдомостей Тотемской Христорождественской церкви (чрезъ посредство преподавателя Тотемскаго Дух. Училища Николая Ивановича Озеркова), изъ дѣла правленія Вологодской Дух. Семинаріи № 58 за 1860 (чрезъ посредство о. ректора протоіерея Николая Платоновича Малиновскаго), изъ дѣла конференціи Московской Дух. Академіи № 13 за 1867 г. (чрезъ посредство профессора Михаила Андреевича Остроумова) и два формуляра отъ 1895 г. изъ архива С.-Петербургской Дух. Академіи, а также располагали воспоминаніями—собственными и доставленными намъ разными лицами (о. Н. П. Малиновскимъ, проф. М. А. Остроумовымъ, членомъ Государственнаго Совѣта прот. Тимоѳеемъ Ивановичемъ Буткевичемъ). Печатные матеріалы слѣдующіе. *К. Я. Здравомысловъ*, статья въ „Православной Богословской Энциклопедіи“, т. VII, изд. подъ редакціею проф. Н. Н. Глубоковскаго, Спб. 1906, стлб. 159—160. О. *Т. И. Буткевичъ*: Историко-статистическое описаніе Харьковскаго каѳедральнаго Успенскаго собора (Харьковъ 1894), стр. 130—131 (съ портретомъ преосвящ. Іоанна, какъ епископа Сумскаго); Высокопреосвященный Амвросій, Архіепископъ Харьковскій (Харьковъ 1902), стр. 159—160. 199. 249. † Архіеп. *Савва*, Хроника моей жизни, т. IX (Св.-Тр. Сер-

Преосвященный Іоаннъ почти во всѣхъ оставилъ по себѣ наилучшую память, какъ честный, хорошій, добрѣйшій, прямой и открытый человѣкъ, какъ энергичный и преданный дѣятель на поприщѣ духовно-христіанскаго просвѣщенія въ Церкви Русской. Да будетъ этому симпатичному академическому питомцу, яко вѣрному и смиренному христіанину, вѣчная память и упокоеніе со святыми!

Спб. 1909, II, 25—среда.

Н. Глубоковскій.

гіева Лавра 1909), стр. 665. „Харьковскія Епархіальныя Вѣдомости" 1883 г., № 8. „Вѣра и Разумъ" 1893 г., № 9, стр. 199-200; 201—203 въ „Листкѣ". „Херсонскія Епархіальныя Вѣдомости" 1895 г., № 3, стр. 51 оффиціальной части; № 4, стр. 77—78; № 18, стр. 287 оффиц. части; № 19, стр. 552. Протоіерей *С. В. Петровскій*, Одесскій Преображенскій, нынѣ каѳедральный соборъ (Одесса 1908), стр. 391-392 (съ портретомъ преосвящ. Іоанна). „Церковный Вѣстникъ" 1895 г., № 36, столб. 1133; № 40, столб. 1264; 1896 г., № 23, столб. 751—752; 1899 г., № 5, столб. 170-171. Отчеты С.-Петербургской Духовной Академіи за 1895—1899 годы (отдѣльно и) при „Христіанскомъ Чтеніи" 1896 г., № 3—4 (вып. II), стр. 391. 401—402; 1897 г., № 3, стр. 452; 1898 г., № 3, стр. 376. 387; 1899 г., № 3, стр. 483; 1900 г., № 3, стр. 487. „Саратовскія Епархіальныя Вѣдомости" 1899 г., № 4, стр. 45 оффиц. части; № 5. стр. 199—204 (здѣсь и рѣчь при вступленіи на Саратовскую каѳедру). 204—207. 207—212. „Церковныя Вѣдомости" съ „Прибавленіями" 1893 г., № 18, стр. 710—712; 1895 г., № 35, стр. 337 и 344 оффиц. части; 1899 г., № 6, стр. 251—252; 1903 г., № 12, стр. 77 оффиц. части; 1908 г., № 51—52, стр. 365 оффиц. части. Некрологи (въ „Колоколѣ" № 886 за 15-е февраля 1909 г. и др.).

Отвѣтъ на критику профессора М. М. Тарѣева *).

Что касается собственно *содержанія* евангельскаго ученія, то проф. М. М. Тарѣевъ хотѣлъ бы видѣть въ моемъ сочиненіи раскрытіе той мысли, что евангеліе не признаетъ аскетизма, какъ особаго *рода* религіозно-нравственной жизни, не признаетъ, напр., болѣе пригоднымъ для достиженія царства Божія путь безбрачія и свободы отъ родственныхъ связей. Но вѣдь у меня еще въ «Предисловіи» совершенно ясно сказано, что предлагаемый томъ представляетъ лишь общую часть всего моего труда. Въ этомъ томѣ я ставилъ своею задачею представить «христіанскій нравственный и аскетическій идеалъ» лишь «въ его общихъ, наиболѣе существенныхъ и основныхъ чертахъ и принадлежностяхъ». Что же касается второй части, которая должна представить «видоизмѣненія и индивидуализацію этого идеала въ различныхъ формахъ христіанской жизни, въ зависимости отъ этихъ послѣднихъ и примѣнительно къ нимъ», то она должна составить второй—предполагаемый—томъ. Поэтому и спеціальная рѣчь о частныхъ формахъ аскетической жизни, объ отношеніи къ нимъ евангельскаго ученія, должна найти себѣ мѣсто именно въ этомъ второмъ томѣ. Вѣдь надо же считаться съ тѣмъ планомъ, какому слѣдуетъ авторъ. Въ кандидатскомъ моемъ сочиненіи была представлена и вторая часть моей работы; тамъ, въ частности, выяснено евангельское ученіе о бракѣ и безбрачіи, о христіанскомъ отношеніи къ имуществу и земнымъ благамъ и т. д. Выяснено также въ послѣдней—VIII—главѣ и отношеніе евангельскаго ученія къ исторической формѣ монашества, представленной въ различныхъ—наиболѣе типическихъ—видахъ. Что же касается моей мысли о томъ, что «монашество» въ «православіи» «счи-

*) Продолженіе; см. февраль.

тается формою религіозно-нравственной жизни, наиболѣе приспособленною къ осуществленію аскетизма», то вѣдь у меня ясно указанъ источникъ этой мысли. Я и не говорю, что это—мысль евангельская; у меня ясно сказано, что эта мысль составляетъ принадлежность православной «современной богословской науки», при чемъ въ этомъ пунктѣ отражаются замѣтно *конфессіональныя* особенности этого исповѣданія [1]). Зачѣмъ же приписывать человѣку то, чего онъ не говорилъ? Правда, у меня сказано, что «раскрытію, выясненію обоснованію и доказательству этой мысли посвящено мое изслѣдованіе». Но это сказано лишь въ томъ смыслѣ, что я не дѣлаю, въ настоящемъ случаѣ, спеціальнаго изложенія и подтвержденія высказаннаго положенія. Т. е., я указываю, что точка зрѣнія *современнаго* православнаго богословія будетъ выясняться, по мѣрѣ нужды, на протяженіи самаго моего сочиненія. Въ частности, здѣсь я могъ разумѣть преимущественно *второй* томъ, гдѣ о монашествѣ трактуется у меня спеціально. Первый же томъ стоитъ на другой точкѣ зрѣнія. Во «введеніи» къ сочиненію я высказалъ эту мысль вскользь, чтобы оттѣнить одну изъ характерныхъ особенностей православно-этическаго міровоззрѣнія, по сравненію съ протестантскимъ [2]). Съ

---

[1]) II, XIV—XV. Ср. *L. Lemme*, Cristliche Ethik. 1 Bnd. 1905, S. 17: „конфессіональная противоположность въ этическихъ различіяхъ отчасти даже острѣе, чѣмъ въ догматическихъ. Напримѣръ, принципіальное отверженіе монашескаго идеала жизни обозначаетъ неустранимую противоположность (einen unüberbrückbaren Gegensatz) всего протестантизма въ отношеніи къ католицизму“ (разумѣется, конечно, римскій католицизмъ и православіе). Объ отрицательномъ отношеніи протестантизма къ аскетизму см. и въ кн. *James O. Hannay*, The spirit and origin of christian monasticism. London, 1903, p. 3 ff. См., напримѣръ, p. 7: протестанты не только отвергли аскетическій идеалъ жизни,—они его ошибочно понимали, очень часто его ненавидѣли и бо́льшею частью боялись его. Ср. p. 11—12. Что христіанскій аскетизмъ свой кульминаціонный пунктъ имѣетъ въ монашествѣ—это утверждаетъ, напримѣръ, и св. Василій Великій. См. у J. *Hannay*, Lib. cit., p. 189, а равно и въ сочиненіи *Dr. A. Kranich'a*, Die Ascetik in ihrer dogmatischen Grundlage bei Basilius dem Grossen. Padeborn, 1896.

[2]) Вотъ какъ, напримѣръ, формулируетъ протестантское ученіе по данному пункту *Dr. Th. Alexander von Oettingen*, Lutherische Dogmatic. Zw. Band, zw. Theil (München, 1902), SS. 592—593: „Особенныя аскетическія дѣйствія или добровольныя (gesuchte) страданія, которыя налагаютъ на себя христіане помимо своего званія, не только не имѣютъ никакой цѣны, но скрываютъ въ себѣ опасности духовнаго самопревозношенія или самовольнаго причиненія себѣ мученій. Считать посты, милостыню,

другой стороны, самъ проф. М. М. Тарѣевъ считаетъ не только возможнымъ, но и необходимымъ, даже съ евангельской точки зрѣнія, говорить объ «образѣ жизни, отличной отъ обычнаго, иноческомъ» [1]). Въ этомъ «образѣ жизни» осуществляется «юродство», которое—по своему существу—есть «смиреніе человѣка въ отношеніи къ людямъ» [2]). Сущность же и необходимость послѣдняго обосновывается на ученіи евангельскомъ [3]). Стало быть, *идейное* «иночество» возводится

даже молитвенные подвиги „добрыми дѣлами" въ собственномъ смыслѣ позволительно евангелическому христіанину не болѣе, какъ и (признавать) монашескіе обѣты „безбрачія", „послушанія" или „бѣдности" (въ смыслѣ добровольнаго отреченія отъ имущества). Этотъ способъ самовольнаго „смиренія и духовности" (Ср. Колос. II, 18 и слѣд.) становится окончательно роковымъ, если его стремятся сдѣлать признакомъ высшей, болѣе духовной ступени развитія „совершеннаго" христіанина... Настоящія добрыя дѣла должны постоянно осуществляться въ сферѣ сообразнаго съ природой выполненія христіаниномъ своего званія въ домѣ и школѣ, государствѣ и обществѣ, въ церкви и царствіи Божіемъ. Тогда они служатъ доказательствомъ нашей любви къ Богу и ближнему (Мѳ. XXII, 37, слѣд. Мрк. XII, 28 слѣд. Лук. X, 25 слѣд.), такъ какъ совершаются по указанію Господа въ служеніи тѣмъ, кого Богъ поставилъ на нашемъ жизненномъ пути, какъ нуждающихся преимущественно въ нашей помощи и трудѣ нашей любви". Ср. *A. Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte. I Bnd. Zw. Aufl. (Freiburg, I B. 1888), S. 59. 2: „Христосъ освободилъ человѣка отъ міра безъ аскетизма (ohne Askese von der Welt befreite)". Ср. S. 60. По словамъ *Luthard'*а, хотя монашество возникло и не изъ языческихъ образцовъ, а имѣло свои собственные христіанскіе нравственные мотивы и главнымъ образомъ отвращеніе къ дѣйствительно разлагавшейся культурѣ тогдашней жизни и стремленіе сохранить первоначальную строгость христіанской жизни,—однако, въ его основѣ, лежали корни языческаго воззрѣнія, которое отожествляло нравственную задачу съ процессомъ освобожденія отъ чувственности, отсюда полагало совершенство въ осуществленіи стоическаго идеала апаѳіи и хотѣло достигнуть соединенія съ Богомъ посредствомъ созерцательнаго погруженія въ Него. Geschichte der christlichen Ethik vor der Reformation. Lpz., 1888, S. 135. Ср. также *D. Paul Wernle*, Einführung in das theologische Studium. Tübingen, SS. 382- 383. Ср. также *Lutz*, Die kirchliche Lehre von den Evangelischen Räten. Paderborn, 1907, S. 342: *W. Herrmann*, Ethik. Tübingen u. Lpz. 1901, S. 160 ff и др.

[1]) Цѣль и смыслъ жизни, стр. 98=Основы хр. III, стр. 103. Эти положенія хорошо раскрыты и въ сочиненіи католическаго автора—*Dr. Franz Ioseph Lutz'a*, Die kirchliche Lehre von den Evangelischen Räten. Paderborn, 1907. Ср., напр., SS. 9—10: „правда царствія Божія и аскетизмъ міро—и самоотреченія, по ученію Евангелія,—понятія нераздѣльныя: то,—какъ абсолютная и оживляющая цѣль, это,—какъ необходимое средство".

[2]) Стр. 100—104. [3]) Ibid.

своими корнями къ евангельскому ученію. Правда, проф. М. М. Тарѣевъ говоритъ не о «формѣ жизни», а объ «образѣ жизни», а въ послѣднемъ изданіи сдѣлалъ такое примѣчаніе: «къ этому (т. е. идеальному) «иночеству» сформировавшееся монашество относится какъ злоупотребленіе и искаженіе: здѣсь устремленіе къ свободѣ обращается въ рабство, отрицаніе (мірской) формы становится (опредѣленной) формой» [1], и, говоря о перемѣнѣ имени, «практикуемомъ при постриженіи въ монашество», дѣлаетъ замѣчаніе, что, это «обратилось въ пустую форму» [2]). Но вѣдь и я говорю о *принципѣ* христіанской жизни, историческихъ же формъ совсѣмъ пока не касаюсь. Въ этомъ же отношеніи не я одинъ нахожу, что «въ ученіяхъ Апостоловъ мы, при надлежащемъ, непредвзятомъ отношеніи къ нимъ, не можемъ найти чего-либо по существу новаго противъ словъ Спасителя» [3]). Стало быть, и въ данномъ случаѣ я не столь далекъ отъ «евангельской точки зрѣнія» [4]). Но я долженъ сказать больше. И въ *святоотеческомъ* истолкованіи аскетизма *принципіальная* точка зрѣнія на аскетизмъ — несомнѣнно — стоитъ на высотѣ евангельскаго ученія. Напр., характеристическую особенность міровоззрѣнія препод. I. Кассіана, согласно съ основными положеніями восточной аскетики, составляетъ его общій взглядъ на подвижничество, какъ на внутреннюю главнымъ образомъ жизнь христіанина, а не какъ на самодовлѣющій по своей чисто внѣшней формѣ институтъ. Онъ далеко не отожествляетъ

---

[1]) Осн. христ., т. III, стр. 103. [2]) Ibid., 101-105.

[3]) *Проф.-прот. С. А. Соллертинскій.* Пастырство Христа Спасителя. Часть основоположительная. 2 изд. Спб. 1889, стр. 54.

[4]) Ср. *D. Paul Wernle,* Einführung in das theologische Studium. Tübingen, 1908, S. 214: главное (при изученіи существа христіанскаго монашества)...—правильное разсмотрѣніе бывшаго въ возможно-охватывающемъ выборѣ наиболѣе существеннаго изъ жизни эремитской и монастырской. Здѣсь имѣетъ значеніе правило: (*въ монашествѣ*) *слѣдуетъ разсматривать лучшее и совершеннѣйшее...* Только въ томъ случаѣ, если разумѣется идеальное монашество, имѣетъ смыслъ и право вопросъ о его христіанственности. Во всякомъ случаѣ, монашество означаетъ *спасеніе христіанства изъ всеобщаго омірщенія,* утвержденіе его идеала, по крайней мѣрѣ, для избранныхъ (für die Elite) во время, совершенно неспособное къ общему преобразованію. Что имѣли бы и знали бы мы теперь вообще о цѣломъ христіанствѣ безъ этихъ героевъ, обнявшихъ, быть можетъ, *одну* черту евангелія, но зато всѣмъ сердцемъ и всею жизнью" (послѣдній курсивъ подлинника). И это говоритъ протестантъ!

подвижничество и бытъ монашескій [1]). «Можетъ ли кто-либо сказать: я пощусь, веду странническую жизнь, расточаю имѣніе свое, слѣдовательно, уже святъ?», спрашиваетъ преп. Макарій В. и отвѣчаетъ на это отрицательно [2]). Вообще наиболѣе выдающіеся отцы-аскеты указываютъ сущность подвижничества въ его внутренней сторонѣ и понимаютъ идеалъ совершенства исключительно съ религіозно-нравственной точки зрѣнія [3]). Поскольку внѣшніе подвиги (безбрачіе, отреченіе отъ имущества) и внѣшній бытъ содѣйствуютъ очищенію сердца отъ «страстей» и содѣйствуютъ пріобрѣтенію апостольской любви, постольку они и признаются имѣющими свое относительное значеніе и силу, въ качествѣ какъ бы «лѣкарства»; если же они не приводятъ подвижника къ указаннымъ результатамъ, названныя средства рѣшительно признаются лишенными подлиннаго смысла [4]). Поэтому въ принципіальномъ отдѣлѣ своего сочиненія я и не находилъ основаній для противопоставленія евангельскаго ученія святоотеческому по ихъ основному содержанію въ отношеніи къ разсматриваемымъ въ этомъ отдѣлѣ вопросамъ [5]). Ставя мнѣ въ упрекъ то, чего у

[1]) *Архим. Θеодоръ.* Аскетическія воззрѣнія препод. Іоанна Кассіана. Казань, 1902, стр. 277.

[2]) Homil. XVII, 15. [3]) Ibid.

[4]) Цит. соч., стр. 283. Поэтому я совершенно не могу согласиться съ утвержденіемъ *A. Harnack*'а, что „in Mönchthum wesentlich nicht die urchristlich, sondern die griechisch motivirte Askese, allerdings ohne ihre principielle Begründung, gesiegt hat“. Ср. SS. 606—607. Zw. Bnd. SS. 12—13. Dr. Bnd. S. 25. Тѣмъ интереснѣе для насъ мнѣніе базельскаго профессора D. Paul Wernle, Einführung in das theologische Studium (Tübingen, 1908), S. 405: „это главная задача для насъ, протестантовъ, чтобы мы научились даже и католицизмъ съ его этической стороны понимать какъ отголосокъ первохристіанскаго идеала и съ точки зрѣнія неизмѣримой задачи воспитанія и культуры, которая выпала на его долю. Католицизмъ никогда не забывалъ слѣд. идеала: идеи царствія Божія, какъ цѣли, возвышающейся надъ всѣми земными цѣлями, чистоты и любви, свободно родившейся изъ стремленія духа, этики совершенныхъ. Даже въ чуждомъ намъ — энтузіастически-каритативномъ и аскетическомъ (моментѣ) — даже здѣсь проявляетъ свое дѣйствіе Евангеліе (da wirkt das Evangelium nach)“.

[5]) Въ этомъ случаѣ даже относительно Климента А. и Оригена — и притомъ не кто иной, какъ *A. Harnack* — констатируетъ, что у того и другого, въ связи съ разсмотрѣніемъ библейскихъ основныхъ мыслей (Богъ, какъ любовь, возрожденіе, усыновленіе и т. д.) находятся такія выраженія, которыя, будучи свободны отъ узъ системы, поразительно вѣрно отражаютъ и раскрываютъ евангельское благовѣстіе. Lehrbuch der Dogmengeschichte I, SS. 600—601.

меня *нѣтъ*. но чего — по моему плану и задачѣ — и быть не должно въ первомъ томѣ, нарушая общепринятое правило «на нѣтъ и суда нѣтъ»,—проф. М. М. Тарѣевъ не считаетъ нужнымъ отмѣтить, что принципіальная моя точка зрѣнія, проведенная послѣдовательно во всемъ сочиненіи, вполнѣ отражаетъ евангельскій духъ, стоитъ на евангельской высотѣ [1]. Между тѣмъ критикъ это долженъ бы отмѣтить: онъ самъ формулируетъ евангельскую точку зрѣнія на данный предметъ такъ, что она вполнѣ гармонируетъ съ моимъ основнымъ тезисомъ. «Самое характерное для него (евангельскаго аскетизма) въ томъ, что онъ не имѣетъ признаковъ природно-языческаго или номистически-іудейскаго аскетизма. Въ іудаизмѣ, какъ и въ язычествѣ, аскетизмъ служилъ прямымъ средствомъ богоугожденія и богообщенія, являлся «добрымъ дѣломъ», природною или внѣшнею этическою цѣнностью. Напротивъ, для евангелія, какъ нѣтъ природной нечистоты, такъ и нѣтъ природной или внѣшней этической цѣнности,—аскетизмъ является этическою цѣнностью лишь условно, пріобрѣтаетъ этическій обликъ лишь въ отношеніи къ духовному благу, въ качествѣ отрицательнаго условія духовнаго рожденія» [2] [3].—Такъ положительныя

[1]) Ср. *W. Lütgert*, Die Liebe im Neuen Testament. Lpz., 1905: „аскетизмъ, который свое значеніе и цѣль имѣетъ въ себѣ самомъ, въ ученіи Христа не содержится. Аскетизмъ (по Евангелію) есть оборотная сторона любви, относящееся къ послѣдней самоотреченіе“. Ср. SS. 119, 122, 169, 228, 274; 79: „покаяніе—условіе и оборотная сторона послѣдованія Христу. Привлекая къ себѣ, Іисусъ отрѣшаетъ отъ міра“. S. 93, 94 и мн. др.

[2]) Евангеліе. Вѣра и жизнь по евангелію. *Осн. хр.*, т. II. Сергіевъ Посадъ. 1908, стр. 259. Нужно замѣтить, во избѣжаніе недоразумѣній, что это сочиненіе проф. М. М. Тарѣева появилось *послѣ* моего труда.— Ср. *A. Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte II, S: es giebt eine Forme der Sittlichkeit, welche dem religiösen Glauben und der Hoffnung... zugeordnet erscheint... das ist die negative Sittlichkeit oder die Askese. Cp. S. 136. Аскетизмъ, согласно святоотеческому о немъ понятію, въ истинномъ смыслѣ соотвѣтствуетъ особенности религіознаго блага спасенія; отсюда аскетизмъ—не побочное, но существенно необходимое средство для воспріятія спасенія (sie entschpricht in wahrem Sinne der Eigenart des religiösen Heilsgutes; sie ist darum auch nicht mehr bloss ein ihm Nebengeordnetes, sondern sie ist die zutreffende und wesentliche Disposition für den Empfang des Heiles. SS. 56—56), поскольку въ христіанствѣ указана вообще неразрывная связь религіозно-мистическаго съ нравственнымъ моментомъ (SS. 53—54). „Это всеобщее убѣжденіе православной церкви и ея богослововъ“.

[3]) И по ученію Ап. Павла, аскетизмъ имѣетъ цѣль не въ себѣ самомъ. Онъ имѣетъ не отрицательную цѣль—подавленіе природы, но яв-

стороны моего сочиненія и притомъ имѣющія принципіальное значеніе, по сознанію самого критика,—проф. М. М. Тарѣе-

---

ляется оборотной стороной христіанской любви. Страданія и лишенія имѣютъ значеніе только въ качествѣ условія осуществленія требованія христіанской любви. Отреченіе отъ брака есть не „заповѣдь" Господа, но свободный подвигъ любви. Отсюда—Апостолъ признаетъ за бракомъ полное религіозно-нравственное право. Свободы отъ рабства человѣку Апостолъ требуетъ и въ бракѣ (1 Кор. VII, 29). И брачная любовь не должна исключать готовности къ отреченію, и только въ этомъ случаѣ и въ этой своей формѣ она не служитъ препятствіемъ для любви къ Господу. Заповѣдь Господа объ отреченіи отъ обладанія имуществомъ и отъ привязанности къ людямъ получаетъ у Апостола истолкованіе, при которомъ она можетъ получить всеобщее значеніе,—требуется собственно не внѣшнее отреченіе, но внутренняя свобода. Возможно, что свобода возникаетъ только изъ отреченія, но это не необходимо. Ср. *W. Lütgert*, Die Liebe im Neuen Testament. Lpz. 1905. SS. 208—209. На высотѣ евангельской принципіальной точки зрѣнія стояло и послѣдующее церковное ученіе. Даже по сознанію Гарнака, „великая Церковь" „не сдѣлала шага", „который бы привелъ ее или къ дуализму (еретическому гносису) или къ уничтоженію различія природнаго и религіозно-нравственнаго". Lehrbuch der Dogmengeschichte I, S. 152, anm. Правда, по изображенію этого ученаго, аскетическій идеалъ монашества (въ IV и V столѣтіяхъ) несъ въ себѣ опасность для церкви. Аскетизмъ угрожалъ сдѣлаться самоцѣлью и удалиться отъ историческихъ основоположеній христіанской религіи... Аскетическій идеалъ могъ потерять вѣрную связь съ Іисусомъ Христомъ... Но и этого не случилось. Op. cit. II Bnd. SS. 12—13. Правда, въ средѣ самаго монашества находили себѣ мѣсто и представленія объ аскетизмѣ, какъ о самоцѣли; но это были вульгарныя представленія (vulgäre Stimmung). Видные же представители патристической письменности старались исправить эти воззрѣнія. Напр. бл. Августинъ, при всей высокой оцѣнкѣ внѣшнихъ подвиговъ (бѣдности, дѣвства и т. д.), никогда не забывалъ, что они имѣютъ значеніе лишь по своему отношенію къ вѣрѣ, любви и надеждѣ, и поэтому тотъ, кто пріобрѣлъ эти добродѣтели, не можетъ быть оцѣниваемъ по внѣшнимъ подвигамъ. Bnd. III. S. 125. Ср. S. 200. Если же у Августина иногда говорится, что аскеты — это совершенные святые, то аскетизмъ въ такихъ случаяхъ понимается, какъ вершина любви (die Askese ist überhaupt der Gipfel der Liebe). S. 210. *Jammes Hannay* въ своемъ историко-критическомъ сочиненіи объ аскетизмѣ: The Spirit and origin of christian monasticism", London, 1903, въ которомъ аскетизмъ разсматривается именно по эпохамъ,—тѣмъ не менѣе рѣшительно и категорически утверждаетъ, что *принципіальнаго* различія между аскетизмомъ первохристіанскимъ, даже евангельскимъ, и аскетизмомъ монашескимъ установить невозможно (ср., напр., p. 45, 48, 49, 77, 83, 91 и др.). „Въ физической эволюціи высшихъ формъ животной жизни изъ протозоона извѣстныя части протоплазмы отдѣляются для образованія органовъ чувствъ зрѣнія и слуха. Чувствительность къ свѣту, которая на извѣстной ступени составляла общую принадлежность всего тѣла протозоона, въ процессѣ развитія утрачивается во всѣхъ частяхъ организма,

вымъ, желающимъ быть «строгимъ» судіей, старательно замалчиваются.

Итакъ тезисъ критика, что мое изслѣдованіе «не стоитъ на высотѣ науки библейскаго богословія» не только не доказанъ, но и не можетъ быть доказанъ: онъ противорѣчитъ дѣйствительности.

II. По *второму* пункту проф. М. М. Тарѣевъ предъявляетъ ко мнѣ обвиненіе, что я не отношусь «научно-критически и къ церковно-историческому аскетическому міровоззрѣнію». По его словамъ, «г. Заринъ не ставитъ вопросовъ о томъ, подъ какими условіями евангельское міровоззрѣніе стало церковно-историческимъ аскетическимъ міровоззрѣніемъ, по какимъ ступенямъ послѣднее развивалось и въ какіе типы оно выливалось. Ничего этого не хочетъ знать г. Заринъ, онъ просто систематизируетъ библейско-святоотеческіе взгляды на аскетизмъ, объединяя разныя церковно-историческія начала. Поэтому трудъ г. Зарина не имѣетъ никакого научно-критическаго значенія». Высказавши это обвиненіе столь же категорически, какъ и всегда, критикъ спохватился и нѣсколько его видоизмѣняетъ. Въ немъ заговорила неожиданно «справедливость» (!!!). «Справедливость требуетъ сказать»,—продолжаетъ онъ,—что «авторъ ясно ставитъ себѣ задачу не критико-историческую, а систематическую. И не будемъ предъявлять къ нему требованій, выходящихъ за предѣлы его обѣщаній... Мы этого и не дѣлаемъ. (А что же значитъ только что высказан-

---

за исключеніемъ тѣхъ, которыя спеціализируются въ органы зрѣнія, но въ этихъ органахъ зато она становится необыкновенно интенсивною. Точно также и въ развитіи христіанской церкви, неопредѣленный (vague) аскетизмъ, который нѣкогда составлялъ общую принадлежность всѣхъ вѣрующихъ, спеціализировался настолько, что произвелъ извѣстный образъ жизни, нарочито (deliberately) аскетическій, иногда аскетическій до суровости, постепенно становившійся все болѣе и болѣе ясно отличающимся отъ обыкновеннаго христіанства" (p. 83—84). Слѣдуетъ остерегаться, чтобы не впасть „въ общую ошибку, когда смотрятъ на монашество IV столѣтія, какъ на нѣчто совершенно новое въ христіанствѣ,—вмѣсто того, чтобы признавать его только новымъ выраженіемъ духа, присутствовавшаго съ самыхъ первыхъ временъ Церкви". Детальное выясненіе этой мысли см. въ IV chap.: „St. Antony and early egyptian monasticism", особ. p. 105 ff. „Жизнь египетскихъ аскетовъ была попыткой возвратиться къ христіанству Новаго Завѣта. Только измѣнившіяся условія міра, который только по имени сдѣлался христіанскимъ, вынудили ихъ совершить опредѣленный и видимый разрывъ съ міромъ, чтобы осуществить апостольскій образецъ" (p. 109). Ср. p. 171, 189.

ный упрекъ въ томъ, что я не отношусь научно-критически и къ церковно-историческому аскетизму и т. д.)? Не въ томъ дѣло, что г. Заринъ не ставитъ себѣ критико-исторической задачи, а въ томъ, что онъ не стоитъ на высотѣ критико-исторической науки, совершенно не считается съ ея выводами... Система г. Зарина идетъ въ разрѣзъ съ критико-историческимъ принципомъ: она служитъ у него механическимъ сведеніемъ подъ однѣ рубрики разнороднаго матеріала... Здѣсь мы наблюдаемъ неудержимое стремленіе сказать все обо всемъ, соединить всѣ святоотеческія мысли, всѣ начала, всѣ типы» [1]). Такъ представляетъ дѣло критикъ, желая соблюсти «справедливость». Постараемся разъяснить недоразумѣніе критика.

Что въ мою задачу не входило *спеціальное* раскрытіе всѣхъ поставленныхъ имъ вопросовъ,—съ этимъ долженъ согласиться volens-nolens и самъ проф. М. М. Тарѣевъ. А что я ничего подобнаго и «знать не хочу», что я будто бы «совершенно не считаюсь съ выводами» «критико-исторической науки»,— это рѣшительно невѣрно. Въ критическомъ обзорѣ я довольно подробно останавливаюсь при характеристикѣ трудовъ проф. П. П. Пономарева, Harnack'а, Holl'я, Zöckler'а, Schiwietz'а, Myer'а—на вопросѣ о томъ, подъ какими историческими условіями и идейными вліяніями развивались и измѣнялись первоначально данныя въ христіанствѣ элементы аскетическаго міровоззрѣнія и въ какихъ основныхъ формахъ оно проявлялось. Что я имѣлъ сказать въ дополненіе, измѣненіе или разъясненіе по даннымъ вопросамъ,—то и указано. Въ заключеніе разбора двухтомнаго труда Zöckler'а я говорю: «для принципіальнаго пониманія явленій христіанскаго аскетизма не только не безполезно, а прямо необходимо изучить и исторію аскетизма... Поэтому разборъ труда Zöckler'а представляетъ, по нашему мнѣнію, цѣлесообразное предвареніе положительной части нашей работы, служа къ ней какъ бы введеніемъ, расчищая ей путь, а отчасти уясняя и указывая задачи нашего изслѣдованія по нѣкоторымъ пунктамъ» и т. д. [2]). Аскетизмъ разсматривается у меня именно въ исторической перспективѣ, въ связи съ особенностями эпохъ [3]). Въ частности, указываются специфическія черты аскетизма первыхъ трехъ вѣковъ въ дополненіе къ тому, что сообщаетъ по этому вопросу проф. П. П. Пономаревъ [4]). Уясняются специфическія особен-

[1]) Стр. 327—328, 334. [2]) I, стр. 333. [3]) I, 129.
[4]) 130, ср. 240.

ности христіанскаго аскетизма IV вѣка [4]) и т. д. и т. д. Въ частности, изъ историческихъ обстоятельствъ, вліявшихъ на характеръ теоретическаго и практическаго проявленія христіанскаго аскетизма, я особенно настойчиво выдвигаю фактъ *мученичества* [5]). Эта идея возникла у меня самостоятельно, а потомъ я нашелъ подтвержденіе ея у † проф. А. П. Лебедева. Изучая аскетическую письменность, я все болѣе и болѣе нахожу подтвержде-

---

[4]) 131, ср. 154.

[5]) Эту идею несправедливо игнорируетъ даже Harnack. Ср. у меня I. 240. Между тѣмъ еще въ ветхозавѣтномъ іудействѣ установился взглядъ на мученичество, какъ на высшее и особенно характерное проявленіе любви человѣка къ Богу. На мученичество смотрѣли именно какъ „на доказательство той любви, которую Богъ любитъ болѣе всего" (*Schlatter*, Die Tage Trajans und Hadrians, S. 22. Ср. *D. Wilhelm Lütgert*, Die Liebe im Neuen Testament. Leipzig, 1905. SS. 7—8). Какъ извѣстно, съ особенною рѣшительностію отвергалъ всякую—какъ историческую, такъ и идейную—связь монашества съ мученичествомъ *H. Weingarten*, въ своемъ сочиненіи: Der Ursprung des Mönchtums im nachkonstantinischen Zeitalter, Zeitschr. f. K. G. 1876, S. 1ff. Дополненное отдѣльное изданіе трактата—Gota, 1877. Weingarten старался, какъ можно, далѣе отодвинуть монашество хронологически. Онъ утверждалъ, что монашество ни въ коемъ случаѣ не могло возникнуть въ концѣ третьяго столѣтія, а получило начало лишь послѣ 350 года. Всѣ извѣстія, которыя утверждаютъ болѣе раннее существованіе монашества, были признаны ложными; принадлежность Аѳанасію В. „Жизни Антонія" была отвергнута. Всѣ позднѣйшіе источники—Палладій въ „Historia Lausiaca", Руфинъ въ „Historia monachorum", Кассіанъ въ „De coenob. institut." и „Collat." и прежде всего Іеронимъ въ своихъ біографіяхъ монаховъ—были отвергнуты, какъ недостовѣрные, поскольку они повѣствуютъ о монахахъ, какъ существовавшихъ уже въ константиновскую эпоху. Христіанское монашество возникло въ болѣе позднее время, какъ продолженіе того монашества, которое существовало въ храмѣ Сераписа.—По поводу изложенныхъ воззрѣній Weingarten'а возникла цѣлая, довольно обширная литература. Несмотря на сдѣланныя ему съ разныхъ сторонъ возраженія, W. не отказался отъ своихъ воззрѣній, какъ это видно изъ его статьи: „Mönchtum", помѣщенной въ X томѣ 2-го изданія Realencyklopädie Герцога и хронологическихъ таблицъ къ церковной исторіи (Изд. 3-ье. Rudolstadt 1888, S. 288). Почти всѣ тезисы W. были отвергнуты критикой, какъ не доказанные или прямо какъ неосновательные. Что Пахомій, первый организаторъ монашеской жизни, сначала былъ монахомъ Сераписа или что онъ вообще стоялъ въ связи съ культомъ этого египетскаго божества,—это совершенно не основательное предположеніе W. уже не должно бы теперь находить поддержки въ наукѣ, особенно послѣ работы *P. Ladeuze*, Etude sur le cénobitisme Pakhomien. Louvain, 1898. См. особ. p. 157ff. См. также *Erwin Preuschen*, Mönchtum und Serapiskult. Giessen, 1903.

ній и убѣждаюсь въ справедливости этой идеи [1]). Уже по напечатаніи моего сочиненія мнѣ пришлось встрѣтить подтвержденіе и историческое обоснованіе этой мысли въ западныхъ трудахъ даже историко-литургическаго характера [2]). Критикъ ни единымъ словомъ не обмолвился о значеніи выдвигаемой мною идеи «мученичества» для уясненія принципіальныхъ и историческихъ особенностей христіанскаго аскетизма. Что же, — по мнѣнію критика, эта идея не имѣетъ никакого значенія и не заслуживаетъ даже упоминанія? Вообще онъ старательно «обходитъ» молчаніемъ все-то, что и ему пришлось бы оцѣнивать въ моемъ сочиненіи съ положительной стороны. Въ всякомъ случаѣ, «справедливость», при всей его «строгости», требовала отъ критика признать, что въ этомъ отношеніи и въ этихъ вопросахъ я стою не ниже уже добытыхъ наукою— западною и русскою—результатовъ. Добытые принципы принимаются во вниманіе и проводятся неопустительно и въ *систематической* части моего труда [3]).

Самъ проф. М. М. Тарѣевъ въ своемъ послѣднемъ сочиненіи: «Христіанская проблема» указываетъ слѣдующія обстоятельства, которыя, по его мнѣнію, должны быть приняты во

---

[1]) См., напр.. *Θеодора Студита* Μικρὰ Κατήχησις, изд. Emmanuel Auvray (Parisiis, 1891). Κατηχ. LXXIII. σ. 256. Ср. Κατ. LXXII, σ. 251—252; LXXV. σ. 262; LXXXVI. σ. 297 и мн. др.

[2]) См., напр., *E. Lucius*, Die Anfänge des Heiligenkults in der christlichen Kirche. Tübingen, 1904.

[3]) Ничего существенно новаго для себя не нахожу и въ сочиненіи: *James O. Hannay*, The spirit and origin of christian monasticism. London, 1903 (XXIV+307),—хотя изслѣдованіе въ немъ ведется по эпохамъ. Эпохи различаются, въ частности, слѣдующія: „Аскетизмъ апостольскаго вѣка" (p. 31—54); „Христіанскій аскетизмъ во второмъ и третьемъ столѣтіяхъ" (p. 56—91); „св. Антоній и первоначальное египетское монашество" (p. 94—132); p. 134—168—„Жизнь и идеалъ египетскаго монаха"; „Св. Василій и восточное монашество" (p. 170—199). Далѣе слѣдуютъ двѣ главы спеціально о западномъ монашествѣ. Hannay, по сравненію съ Zöckler'омъ, даетъ немного новыхъ фактовъ, выводовъ и соображеній. Направленіе же его, по сравненію съ нѣмецкимъ ученымъ, существенно иное: онъ является послѣдовательнымъ и искреннимъ апологетомъ христіанскаго аскетизма, который, по его убѣжденію, несомнѣнно заключается въ Евангеліи. Нѣкотораго вниманія заслуживаетъ его попытка защитить самобытность христіанскаго монашества и доказать неосновательность ученыхъ, предполагающихъ вліяніе на христіанское монашество со стороны θерапевтовъ, неоплатониковъ и, наконецъ, со стороны „inclusi" Сераписа (Weingarten и Zöckler) p. 267—273.

вниманіе при рѣшеніи вопроса о факторахъ и «мотивахъ», вліявшихъ на характеръ историческаго аскетизма: 1) ожиданіе христіанами близкаго «конца исторіи» [1]); 2) «условное содержаніе» «апостольско-святоотеческаго ученія, поскольку въ немъ чистое евангельское ученіе входитъ въ историческую перспективу, приспособляется къ исторической задачѣ. Такою задачею было изгнаніе изъ всѣхъ областей языческой природно-общественной жизни политеистическаго духа, который проникалъ у язычниковъ всѣ формы этой жизни. Требовалось освятить христіанствомъ не только науку и искусство, не только государственную и семейную жизнь, но даже такія отправленія, какъ питаніе. Отсюда апостольская заповѣдь: «ѣдите-ли, пьете-ли,—все во славу Божію дѣлайте». Напротивъ, въ чистомъ, внѣисторическомъ, евангельскомъ ученіи намъ внушается мысль, что какъ естественно-природная, такъ и общественно-историческая жизнь совершаются по законамъ, чуждымъ нравственныхъ цѣлей... Поэтому-то въ евангельскомъ ученіи и выражается лично-духовная абсолютность, смягченная въ апостольско-святоотеческомъ ученіи» [2]); 3) тотъ фактъ, что «языческая исторія ко временамъ христіанства переживала страшный моральный упадокъ», почему языческій міръ представлялся «естественно-порочнымъ», такъ какъ «полнота» «естественной жизни въ исторической дѣйствительности» была «пропитана развратомъ» [3]).

Что касается 1-го и 2-го тезисовъ, то — по существу — я встрѣчался съ ними при разсмотрѣніи воззрѣній Harnack'a [4]). По поводу второго тезиса, — въ частности, по поводу словъ Ап. Павла,—я долженъ сказать, что не могу находить въ нихъ принципіальнаго различія съ евангеліемъ. Принципіальное воззрѣніе на функцію питанія, въ полной гармоніи съ евангельскимъ ученіемъ, выражаетъ Апостолъ въ слѣдующихъ словахъ: «пища не приближаетъ насъ къ Богу: ибо ѣдимъ-ли мы, ничего не пріобрѣтаемъ; не ѣдимъ-ли, ничего не теряемъ» [5]). Въ приводимыхъ же проф. М. М. Тарѣевымъ словахъ Апостола выражается субъективно-этическое отношеніе къ природному факту, который и по слову Христа можетъ имѣть неблагопріятное религіозно-этическое вліяніе на человѣка [6]). Въ

---

[1]) Стр. 3=178. [2]) Стр. 151—152=327—328. [3]) Стр. 15=191.
[4]) Стр. 229—230. [5]) 1 Кор. VII, 8. Ср. Рим. XIV, 14, 20 и др.
[6]) Лук. XXI, 34.

разумѣемыхъ же словахъ Христа (Мѳ. V, 45; Іоан. IX, 1—3; Лук. XIII, 1—5 и др.) выражается объективно-религіозная точка зрѣнія. Но «изъ законовъ природы, освѣщенной и согрѣтой теплотою вѣры, дѣлается этическій выводъ объ универсальной любви, —о любви не только къ добрымъ, но и къ злымъ, не только къ друзьямъ, но и къ врагамъ» [1]). Равнымъ образомъ,—добавимъ отъ себя,—и въ отношеніи къ слѣпорожденному,—хотя природа дѣйствовала не по этическимъ нормамъ, а по своимъ законамъ, холоднымъ и безучастнымъ къ человѣческому горю и радости, его благосостоянію или несчастію, доброму или злому нравственному настроенію,—однако «вѣра» слѣпца и отеческая любовь «Божія» и эту «игру слѣпыхъ силъ природы» обращаютъ къ прославленію Бога, и естественное несчастіе служитъ къ тому, чтобы на пострадавшемъ «явились дѣла Божіи», — чтобы онъ получилъ вмѣстѣ прозрѣніе физическое и духовное.

Относительно *третьяго* тезиса проф. М. М. Тарѣева я долженъ сказать, что онъ можетъ быть принятъ лишь съ значительными ограниченіями. «Былыя времена свѣтлой юности, здоровой жизнерадостности, непосредственности природныхъ инстинктовъ, цѣльности чувствъ смѣнились вѣками извращенныхъ инстинктовъ, скверной ненасытной чувственности. Ко времени христіанства язычество гнило, и скверная слюна этого моральнаго гніенія отравляла историческій воздухъ» и т. д. Такія картины нравственнаго разложенія языческаго міра рисуются обычно, но исторически едва ли вѣрно. Конечно, онѣ безспорно вѣрны по отношенію къ большимъ тогдашнимъ городамъ, имѣвшимъ міровое значеніе—Коринфу, Эфесу, Риму. Но вѣдь едва ли выше нравственность и въ теперешнихъ столицахъ міровыхъ имперій... Что же касается жителей провинцій, то тамъ нравственность вовсе не падала такъ низко; даже и въ тѣ времена ихъ нравы не представляли собой ничего особенно ужасающаго. Если бы картина развращенія язычества, нарисованная Апостоломъ, имѣла въ виду весь языческій тогдашній міръ, то какъ же онъ самъ говоритъ о существованіи въ «сердцахъ» язычниковъ внутренняго «закона» «совѣсти, который не остается бездѣйственнымъ, а характерно проявляетъ себя и въ соотвѣтствующемъ поведеніи?

[1]) Мѳ. V, 44—45; Лук. VI, 35.

[2]) Слѣдуетъ сказать, что проводимый проф. М. М. Тарѣевымъ взглядъ считался точно отвѣчающимъ дѣйствительности до послѣдней прибли-

Вообще дѣлать историческія обобщенія весьма трудно. Здѣсь философскіе порывы къ широкимъ обобщеніямъ нерѣдко

зительно- четверти прошлаго столѣтія. Только къ этому времени сдѣлалось возможнымъ воспроизведеніе исторіи провинцій, какъ ихъ управленія, такъ и ихъ быта, ихъ нравовъ. Эта исторія не могла быть—въ своей преимущественно культурной и бытовой сторонѣ—съ точностью воспроизведена раньше, такъ какъ важнѣйшіе матеріалы для этой исторіи—надписи только къ этому времени были въ достаточной степени изслѣдованы. А провинціи въ эпоху римской имперіи составляли съ этой стороны положительную величину, въ противоположность Риму, который представлялъ въ то время въ указанномъ отношеніи величину дѣйствительно отрицательную: въ провинціи господствовали сравнительно добрые нравы, и была еще въ силѣ старая вѣра отцовъ, въ противоположность распущенному и утратившему всякую религіозную вѣру Риму. Вотъ почему включеніе исторіи провинцій въ общую исторію имперіи способствовало тому, что впечатлѣніе, производимое этой исторіей, сдѣлалось не столь мрачнымъ и безотраднымъ. Здѣсь могутъ имѣть значеніе V томъ исторіи Моммзена, соч. *Фридлендера*: „Darstellungen aus der Sittengeschichte Roms" (1890). *Шиллера* Geschichte der römischen Kaiserzeit и др. Столь же несправедливъ и раздѣляемый еще многими взглядъ на низкое состояніе религіозныхъ воззрѣній язычества и религіозной жизни вообще ко времени пришествія Христа Спасителя. Въ этомъ отношеніи нѣсколько сгущаетъ краски, напримѣръ, и почтенный трудъ *P. Wendland*'а. Die hellenistisch-römisch Kultur in ihren Beziehungen zu Judentum und Christentum. Handbuch zum Neuen Testament. Tübingen. 1907. Относительно религіозности эллинистической культуры авторъ говоритъ, что она вся сводилась къ внѣшнему этикету и лишенной содержанія формѣ. Прежняя національная религія грековъ, дѣйствительно, разлагалась и гибла, но религіозное чувство не только не гибнетъ, но становится индивидуалистичнѣе, пріобрѣтаетъ замѣтный мистическій отпечатокъ: усиливается эсхатологическій элементъ. Навстрѣчу этимъ потребностямъ времени явилось вліяніе востока. Такимъ образомъ, разумѣемая эпоха можетъ быть характеризована даже какъ эпоха по преимуществу религіозной вѣры. Синкретизмъ сыгралъ весьма благопріятную роль, подготовивъ почву для монотеизма. Неоплатонизмъ превратился въ религію, поскольку въ немъ интенсивно заявляла себя жажда откровенія, исканіе посредничества между Богомъ и человѣкомъ и т. под. Изъ школъ философовъ возвышенное понятіе о Богѣ проникло въ широкіе круги общества. Не только языческіе, но и христіанскіе писатели предполагаютъ, что это понятіе получило твердое право гражданства. (Ср., напримѣръ, *Максимъ Тирскій*, Dissert. XVII, 5, Тертулліанъ, Apologet. 17. 24. Ср. *Арнобій*. Adv. Gentes I. 34. *Лактанцій*. Divin. inst. I, 11; *Августинъ*, Cont. Faustum, XX, 19). Правда, это понятіе, какъ продуктъ мысли, а не религіознаго опыта, было въ значительной степени абстрактно, холодно и пусто, однако, не смотря на это, импонировало своею возвышенностью. Опытъ истинной религіозной жизни принесло только христіанство, но все же нельзя отрицать важнаго подготовительнаго — и при томъ положительнаго значенія и за тѣмъ процессомъ, который происходилъ въ языческомъ мірѣ какъ въ

могутъ брать рѣшительный верхъ надъ обобщаемымъ фактическимъ матеріаломъ, подгоняя его подъ апріорныя положенія. Это обстоятельство, между прочимъ, слѣдуетъ имѣть въ виду при сужденіи о причинахъ, по которымъ я *спеціально* не ставлю вопросовъ, «по какимъ ступенямъ церковно-историческое аскетическое міровоззрѣніе развивалось и въ какіе типы оно выливалось», — за что, между прочимъ, упрекаетъ меня проф. М. М. Тарѣевъ. — Мысль спеціально «поставить» этотъ вопросъ являлась и у меня самого при написаніи сочиненія. Вообще указанная задача не являлась мнѣ чѣмъ-то неожиданнымъ, о чемъ я не «догадался» будто бы. И если все же я этого вопроса *спеціально* не «поставилъ», то сдѣлалъ это по весьма вѣскимъ соображеніямъ. Обычно подобные вопросы любятъ «ставить» люди, которые ничѣмъ подобнымъ сами не занимались и — по большей части — и не собираются заняться [1]). Подобныхъ вопросовъ можно «поставить» сколько угодно... Но посмотримъ, какъ относятся къ нимъ люди, много работавшіе въ указанной области... Ad. Harnack въ своемъ сочиненіи «Das Mönchtum, seine Ideale und seine Geschichte» нашелъ возможнымъ указать только *два* основныхъ типа монашества, хотя между истинными монахами» уже въ четвертомъ вѣкѣ онъ замѣчаетъ «важнѣйшее различіе». При этомъ онъ оговаривается, что «основныя положенія» всѣхъ направленій были *одинаковы*. *Два* основныхъ различія онъ находитъ лишь въ отношеніи монаховъ къ *природѣ* [2]). Holl'ю именно хотѣлось бы видѣть принципіальное расхожденіе идеаловъ анахоретскаго и киновитскаго, но онъ самъ откровенно и честно заявляетъ, что такого расхожденія — ни принципіально,

---

религіозномъ, такъ и въ нравственномъ, отношеніяхъ. См. подробнѣе *Jean Réville*, La religion à Rome sous les Sévérs. Paris. 1886. (Русск. перев. Москва подъ ред. Линда); *Chastel*, Histoire de la destruction du paganisme dans l'empire d'Orient. Paris, 1850; *Vacherot*, Histoire critique de l'ecole d'Alexandrie. tt. I—III. Paris, 1846—1851; *Boissier*, La fin du paganisme. Paris, 1894. *Ernst Lucius*, Die Anfänge des Heiligenkults in der cristlischen Kirche. Tübingen, 1904, 53 ff; *А. Вишняковъ*. Императоръ Юліанъ Отступникъ и литературная полемика съ нимъ св. Кирилла, архіепископа Александрійскаго, въ связи съ предшествующей исторіей литературной борьбы между христіанами и язычниками. Симбирскъ, стр. 12 и слѣд.; *С. Меликова*, библіографическая замѣтка о книгѣ *P. Wendland*'а въ журналѣ „Гермесъ". 1908, Августъ №№ 11—12 (17—18) и др.

[1]) Ср. у меня т. I. стр. 231. [2]) Стр. 254—255.

ни фактически — въ дѣйствительности *не было* [1]). Во всѣхъ фазисахъ развитія монашескаго идеала онъ слѣдитъ *одну* идею— идею монашескаго энтузіама, независимаго отъ церкви «духа» чрезвычайныхъ дарованій. И эту идей онъ находитъ на *всѣхъ* ступеняхъ существованія и развитія монашества, при чемъ «исихазмъ былъ послѣдовательнымъ результатомъ монашескаго энтузіазма» [2]). Въ историческомъ проявленіи этой идеи Holl наблюдаетъ то потемнѣніе ея, ослабленіе энтузіазма, то просвѣтлѣніе и дальнѣйшее развитіе.

Проф. И. В. Поповъ устанавливаетъ и характеризуетъ *два* основныхъ идеала монашества по вопросу о созерцаніи и дѣятельности, т. е. по вопросу самому существенному и характерному [3]).

Въ своемъ основномъ видѣ эти два главныхъ теченія наблюдаются на всемъ протяженіи исторіи, начиная съ періода вселенскихъ соборовъ [4]). Къ такому же выводы пришелъ и я по данному вопросу, — когда еще не имѣлъ и возможности читать статьи проф. И. В. Попова [5]). Вообще, я убѣжденъ, что представить классификацію и частныя характеристики различныхъ эпохъ возможно только по отношенію *къ отдѣльнымъ вопросамъ* обширной аскетической области, а не по отношенію къ вопросу объ аскетическомъ міровоззрѣніи вообще [6]). Это и осуществляется — по мѣрѣ возможности — въ

[1]) Въ такихъ случаяхъ считается научнымъ долгомъ, чтобы критикъ, предъявляя требованія, предъявлялъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, по меньшей мѣрѣ контуръ своего собственнаго представленія дѣла. См. † *проф. В. В. Болотовъ*. Отзывъ о сочиненіи проф. А. А. Спасскаго объ Аполлинаріи Л. „Христ. Чт.“, 1908, августъ—сент., стр. 1262.

[2]) Стр. 261.

[3]) Мистическое оправд. аскетизма въ твореніяхъ Макарія В. Богосл. Вѣстн. 1905 г., іюнь, стр. 246–251.

[4]) См. и у проф. *С. И. Смирнова*, Духовный отецъ въ древней восточной церкви, стр. 178 слѣд.

[5]) I. стр. 66 слѣд.

[6]) Ср. и *А. Harnack*, Lehrbuch Dogmengeschichte I, SS. 564—567: никто не можетъ отрицать, что оба типа (созерцательнаго и дѣятельнаго совершенства) конкретно могутъ осуществляться въ безконечномъ разнообразіи (in einer unendlichen Mannigfaltigkeit), и при этомъ разнообразіи могутъ переходить одинъ въ другой. У Климента А. и Оригена наблюдается, напр., этотъ именно случай. Христіанинъ достигаетъ религіозно-нравственнаго идеала, главнымъ содержаніемъ котораго является „любовь къ Богу и братьямъ“, побѣдою надъ чувственностью, постояннымъ размышленіемъ о Божественномъ, самопознаніемъ и созерцательнымъ

моемъ сочиненіи. Но первая, принципіальная, часть работы представляетъ въ этомъ отношеніи гораздо менѣе повода и

уединеніемъ, которое, однако, не исключаетъ работы въ царствѣ Божіемъ, въ церкви.—Съ IV вѣка христіанству угрожала опасность со стороны крайняго направленія „аскетической мистики“, очень близко соприкасавшейся съ неоплатонизмомъ. Для этого направленія, вмѣстѣ съ міромъ, исчезала и исторія. Поставивъ своею задачею самостоятельно перейти отъ внѣшняго къ внутреннему, оно могло отвергнуть всѣ пособія и подпоры, даже и предлагаемыя церковью, въ видѣ, напр., таинствъ, тѣмъ болѣе обрядовъ и т. д. Мало того. Даже цѣлью этого пути былъ не Іисусъ Христосъ, но Λόγος ἄσαρκος, посколько послѣднее было *чистою* истиною и *чистою* жизнью. Кромѣ Бога и души, ничто не должно привлекать вниманіе послѣдовательнаго мистика. Даже идея троичности являлась здѣсь какъ бы препятствіемъ: Богъ, съ которымъ душа на этой высшей ступени входитъ въ общеніе,—одинъ и единственный (Bnd. III, S. 382). Такое мистическое направленіе, въ своемъ послѣдовательномъ развитіи, близко соприказалось съ свою противоположностью—раціонализмомъ. Оно само становилось раціонализмомъ, направленнымъ только на область, превышающую разумъ (aber zunächst ist sie nicht anderes, als Rationalismus, angewendet auf eine über der Ratio liegende Sphäre). Такое направленіе въ корнѣ противорѣчило христіанству, которое возвѣщало *историческаго* Христа, какъ путь и истину для всѣхъ и на всѣхъ ступеняхъ. Однако „живѣйшее благочестіе греческихъ отцовъ“ не позволило восторжествовать этому направленію аскетической мистики (SS. 144—145). Воззрѣнія Гарнака изложены у меня въ свободной передачѣ). При этомъ А. Н. находитъ у церковныхъ писателей только *слѣды* такого воззрѣнія, нѣкоторые намеки (S. 144). О близости аскетическаго мистицизма указанаго типа къ раціонализму см. также *Bigg*. The Christian Platonists of Alex. 1886, p. 51 ff. Это направленіе по своему происхожденію, существу и особенностямъ— отмѣчено и въ моей диссертаціи. Ср. кн. 1, стр. 66 слѣд.; кн. 2, 435 слѣд. Отмѣчается у меня и та общая особенность восточной аскетики, что преобладающимъ моментомъ въ ней является созерцаніе (2 кн., стр. 398 слѣд.), между тѣмъ западная аскетика на первый планъ выдвигаетъ моментъ *дѣятельный*. Ср. и *А. Harnack'a* Lib cit., Bnd. III, S. 20. Ср. S. 89.—Пелагіанизмъ въ значительной степени обязанъ своимъ происхожденіемъ раціонализму, постепенно развившемуся на западѣ подъ вліяніемъ—между прочимъ—и указаннаго направленія греческаго монашества. Извѣстно, что въ пелагіанствѣ съ особенною силою подчеркивалось значеніе дѣвства и воздержанія, какъ такихъ средствъ, которыя *сами по себѣ* въ состояніи уничтожить силу грѣха въ человѣкѣ, посколько похоть возникаетъ non de substantia carnis, sed ex operibus carnis. Ср. Bnd. III, SS. 155—156, 172. Предпринимались обширныя изысканія, чтобы представить классификацію мистиковъ. Полагали, что можно различать схоластическую, романскую, нѣмецкую, католическую, евангельскую и пантеистическую мистику. Но такая и подобная классификація мистицизма, въ связи съ аскетизмомъ, не имѣетъ значенія (ohne Belang). Различіе касается не существа мистики (niemals ihr

основаній. По этимъ вопросамъ даже между различными типами аскетическаго христіанскаго міровоззрѣнія болѣе сходства, чѣмъ различія [1]).

Однако и самыя оттѣнки мысли мною, по мѣрѣ возможности, отмѣчаются и получаютъ свое мѣсто въ *логическомъ развитіи извѣстной идеи*.

Что же касается *второй* части, то указанное требованіе мною выполнено еще въ кандидатской работѣ по отношенію къ вопросамъ—о бракѣ и безбрачіи, о христіанскомъ отрече-

Wesen), но только мѣры, рода и энергіи ея примѣненія, а также того,—интеллектъ или воля преобладаетъ въ осуществленіи мистическаго стремленія. Но и здѣсь рѣчь идетъ только о степенномъ различіи и въ результатѣ приводитъ къ заключенію о тѣсной связи мистики съ объективнымъ богословіемъ (die volle Verschwisterung der Mystik mit der objectiven Theologie): изъ него возникаютъ и всѣ тѣ различія. Церковное благочестіе здѣсь выражается только въ индивидуальной формѣ. Великіе мистики были также и великими святыми церкви. SS. 374–375. Ср. SS. 382 ff.

„*Два* основныхъ типа въ направленіи и содержаніи христіанской мистики различаются и въ книгѣ: „Beiträge zur mystischen Theologie“, herausg. von F. A. Besnard, Augsburg, 1847,—причемъ въ основаніе такого различія полагается то,—какая по преимуществу изъ двухъ способностей—разумъ или воля—считается органомъ достиженія непосредственнаго единенія съ Богомъ. S. 8 ff.

[1]) Напр., неразрывная связь γνῶσις'а и ζωὴ αἰώνιος констатируется уже въ міровоззрѣніи христіанъ перваго столѣтія. *A. Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschiche I, S. 123. Если въ посланіи Варнавы говорится: τῆς πίστεως ἡμῶν εἰσὶν βοηθοὶ φόβος καὶ ὑπομονή, τὰ δὲ συμμαχοῦντα ἡμῖν μακροθυμία καὶ ἐγκράτεια τούτων μενόντων τὰ πρὸς Κύριον ἁγνῶς, συνευφραίνονται αὐτοῖς σοφία, σύνεσις, ἐπιστήμη, γνῶσις",—то въ этой классической формулѣ γνῶσις является какъ существенный, но обусловленный вѣрою и практическими добродѣтелями и зависимый отъ нихъ моментъ христіанства. Ср. *A. Harnack*, Lib. cit., S. 138–139. Совершенное познаніе истины и вѣчная жизнь тѣсно связаны потому, что отецъ истины есть также и начальникъ жизни. Ср. Διδαχή 9. 10; I Клим. 36, 2. *Harnack* I, SS. 181—142, 144. Несмотря на зависимость Климента и Оригена отъ современныхъ имъ философскихъ системъ, они ставили γνῶσις въ подчиненное отношеніе къ вѣрѣ и любви. Ср. Stromat. IV, 7, 54: πρόκειται τοῖς εἰς τελείωσιν σπεύδουσιν ἡ γνῶσις ἡ λογική, ἧς θεμέλιος ἡ ἁγία τριάς, πίστις, ἀγάπη, ἐλπίς. Ср. *A. Harnack*, Lehrbuch der Dogmengeschichte, I, SS. 562–563. И впослѣдствіи перевѣсъ получило направленіе, выражавшее собою связь реалистическаго и спекулятивнаго, объективно-церковнаго и мистически-монашескаго моментовъ (Verbindung von realistichen und speculativen, objectiv—kirchlichen Momenten) S. 704. У блаж. Августина связь взаимной зависимости любви и созерцанія оттѣняется еще рельефнѣе. У него созерцаніе представляется иногда не инымъ чѣмъ, какъ самою любовью. Bnd. III. S. 123.

ченіи отъ имущества, о подчиненіи своей воли «духовному отцу» и т. д. Здѣсь указаны и ступени развитія извѣстной идеи и главные типы того или иного міровоззрѣнія. По вопросу, напр., о бракѣ и безбрачіи я отмѣчаю, что первый фактъ рѣшительнаго и особенно рѣзкаго униженія брака по сравненію съ безбрачіемъ въ патристической письменности мы встрѣчаемъ на границѣ второго и третьяго столѣтій, въ твореніи св. Кипріана Карѳагенскаго: «De habitu virginum» [1]. Это сочиненіе со всею рѣшительностью показываетъ, какое громадное вліяніе оказали писанія Тертулліана, въ частности по вопросу о бракѣ, на воззрѣнія западной церкви [2]. Фактическое осуществленіе и самое пониманіе обѣта отреченія отъ имущества въ исторіи христіанскаго аскетизма было не всегда одинаково, различаясь не только въ отношеніи степени и формы выполненія евангельской заповѣди объ отреченіи отъ «всего своего имѣнія», но и въ пониманіи и истолкованіи — отчасти — самыхъ психологическихъ и религіозно-этическихъ основаній этого подвига [3] и т. д. Далѣе предлагается характеристика и анализъ самыхъ основныхъ историческихъ типовъ, въ которыхъ выразилось патристическое ученіе по данному вопросу [4].

[1]) См. напр., с. III, col. 143 AB.

[2]) Рукописн. канд. соч. СПБ. 1899 г., стр. 681.

[3]) ibid, стр. 723 и слѣд.

[4]) Къ моему полному научному и моральному удовлетворенію, подтвержденіе правильности моихъ взглядовъ и наблюденій по данному вопросу я встрѣтилъ у Zöckler'a. По воззрѣнію этого извѣстнаго изслѣдователя *историко-критической* стороны христіанскаго аскетизма, основы христіанской аскетики и мистики даны уже въ Евангеліи и въ апостольскихъ посланіяхъ. Дальнѣйшее развитіе этихъ началъ обезпечивалось тѣмъ обстоятельствомъ, что христіанство, вступивши въ міръ, встрѣтило весьма благопріятную среду въ направленіи умовъ и философскихъ и религіозныхъ ученій, заключавшихъ въ себѣ много элементовъ строго аскетическаго и возвышенно мистическаго характера. Особенно это нужно сказать о неоплатонизмѣ. Вліяніе этого послѣдняго на указанную сторону христіанства было довольно серьезнымъ и замѣтнымъ. Подъ вліяніемъ именно этого направленія получилъ особенно важное значеніе въ христіанствѣ моментъ созерцательный, теоретическій, тогда какъ практическая дѣятельность должна была отступить на второй планъ. Отсюда въ христіанской этикѣ получилъ особенное значеніе и развитіе принципъ различныхъ степеней религіозно-нравственнаго совершенства. Въ этомъ отношеніи въ христіанской мистикѣ и аскетикѣ онъ различаетъ, во времена еще предшествовавшія средневѣковью, два основныхъ

Желая представить въ неблагопріятномъ свѣтѣ всю мою работу, проф. М. М. Тарѣевъ особенно подчеркиваетъ, что моя систематизація библейско-святоотеческихъ взглядовъ на аскетизмъ есть объединеніе разныхъ и различныхъ церковно-историческихъ началъ. Выходитъ, что я «объединяю» и притомъ «механически» начала разнородныя, не связанныя общимъ духомъ. О томъ, что евангеліе и апостольскія посланія не представляютъ началъ взаимно разнородныхъ,—съ этимъ, какъ мы видѣли, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, соглашается и самъ проф. М. М. Тарѣевъ [1]). Излагая во II томѣ спеціально «евангельское ученіе», профессоръ, однако, постоянно прибѣгаетъ къ помощи апостольскихъ писаній, видя и констатируя въ тѣхъ или другихъ случаяхъ не только полную гармонію по духу между евангельскимъ и апостольскимъ ученіемъ, но и особенно глубокое и адэкватное истолкованіе и точную формулировку различныхъ евангельскихъ истинъ въ апостольскихъ писаніяхъ.

При свѣтѣ апостольскаго истолкованія евангельское ученіе для нашего пониманія выступаетъ яснѣе, рельефнѣе [2]). Мало

типа. Въ первомъ различіе степеней нравственнаго совершенства касалось внѣшнихъ состояній или общественныхъ классовъ (Stufenmoral der Stände oder Gesellschaftsklassen), во второмъ—степеней внутренняго освященія или совершенства молитвы (Stufenmoral der Heiligunggrade oder der Sebetswirkungen). Первый типъ, особенно рельефно обозначившійся въ четвертомъ и пятомъ столѣтіяхъ, касался собственно различныхъ отношеній *къ брачному состоянію* (Die Tugendlehre des Christentums, SS. 191—192). Мораль второго типа получила свое раскрытіе и обоснованіе почти исключительно въ кругу монашеской жизни, подъ воздѣйствіемъ монастырской дисциплины. Здѣсь основоположительное значеніе имѣло различное отношеніе преимущественно къ обязанностямъ смиренія и послушанія (SS. 193—194).—Въ этомъ я могу находить новое подтвержденіе правильности принятаго мною метода—характеризовать различные типы аскетическаго и мистическаго развитія въ христіанствѣ во второмъ томѣ, гдѣ рѣчь должна идти о различныхъ формахъ выраженія и осуществленія мистико-аскетическаго стремленія въ христіанствѣ.

[1]) Ср. и † проф. *В. В. Болотовъ*, лекціи по исторіи древней церкви I, Спб., 1907, стр. 227—228: „апостольскій періодъ я не считаю относящимся къ церковной исторіи... Апостольскій періодъ въ особенности отличается отъ тѣхъ, которыми занимается церковная исторія тѣмъ, что вопросы, которыми занимались въ этотъ періодъ, имѣли принципіальное значеніе, и рѣшеніе ихъ было безповоротно“.

[2]) См., напр., стр. 184: мысль о совершенной невозможности раздѣленія „богосыновней любви на два вида—на любовь къ Богу и любовь къ ближнему“ „съ полною ясностью высказываетъ Апостолъ“ (разум.

того, профессоръ находитъ вполнѣ возможнымъ характеризовать вообще «апостольско-святоотеческое ученіе объ аскетизмѣ» [1]), констатируетъ и общій «патристическій методъ этическаго сужденія» [2]). «Абсолютность составляетъ неотъемлемое свойство евангельской любви и вообще христіанской религіи» [3]). «Въ лично христіанскомъ аскетизмѣ, поскольку онъ входитъ въ систему христіанскаго міровоззрѣнія, открывается специфическій христіанскій характеръ» [4]) и т. д. Все это совершенно вѣрно и вполнѣ оправдываетъ избранную мною основную точку зрѣнія и мой методъ изслѣдованія. Я увѣренъ, что по извѣстному вопросу возможно представить именно православно-христіанское ученіе церкви [5]); здѣсь, конечно, будетъ дана «положительная

I-е Іоанн. IV, 20, 21). „Но эта именно мысль содержится и въ извѣстныхъ словахъ Христа о поклоненіи Отцу въ духѣ и истинѣ" (Іоанн. IV, 23, 24) и дал. стр. 212: „евангельская заповѣдь (воспрещающая клятву) съ совершенною ясностью, не допускающею перетолкованій, повторяется у апостола Іакова" (Іак. V, 12). Кратко выражаетъ евангельское ученіе (Мѳ. V, 29; Лук. VI, 29—30) апостолъ Павелъ: не будь побѣжденъ отъ зла, но побѣждай добромъ зло" (Рим. XII, 21). Ср. стр. 118. стр. 220: „мѣсто изъ посланія къ Римлянамъ (XIII, 8—10) служитъ лучшимъ комментаріемъ къ словамъ нагорной проповѣди πληρῶσαι τὸν νόμον". Стр. 232: евангельскій „принципъ христіанской свободы особенно ярко и вдохновенно раскрытъ въ посланіяхъ апостола Павла". У него мы находимъ „лучшее истолкованіе этой свободы". Стр. 235. Ср. стр. 225. 226—227, 249. 260, 271, 284 и мн. др.

[1]) Христ. проб., 151=327. [2]) ibid., 62=238.

[3]) Осн. христ. т. II, стр. 181. [4]) Осн. христ. т. III, стр. 131.

[5]) Ср. проф. *М. М. Тарѣевъ*, Искушенія Христа въ связи съ исторіею до христіанскихъ религій и христіанской церкви. Осн. христ., т. III, стр. 270: „церковь считала и считаетъ одинаково грѣхомъ какъ рабство страстямъ, такъ и воздержаніе отъ естественныхъ потребностей"... и т. д. Ср. стр. 256: „какъ невѣріе есть начало похоти, такъ полное исцѣленіе отъ похоти дается вѣрою по благодати и получается чрезъ ту борьбу, которая, исключая сочувствіе злу, основывается на отвращеніи къ нравственной нечистотѣ. *Этому учитъ и слово Божіе, преимущественно ап. Павелъ, и вся аскетическая письменность* (курсивъ мой). Ср. стр. 257. Ср. проф. *Н. В. Поповъ*, Естественный нравственный законъ. стр. XII: „по ученію Св. Писанія и отцевъ Церкви, стремленіе къ добру составляетъ неотъемлемую принадлежность человѣческой души". Ср. стр. 149: „весь характеръ христіанства, какъ религіи самопожертвованія, говоритъ противъ евдемонистическаго пониманія нравственности". „Что добродѣтель тѣсно связана съ страданіями, мысль эта служила для отцевъ церкви и св. подвижниковъ постояннымъ предметомъ поученій". Ср. стр. 154, 156, 157. Ср. 208: „часто говоря о страхѣ Божіемъ, отцы церкви разумѣли подъ нимъ чувство благоговѣйной любви къ Богу". Стр. 271, 273, 275, 278, 286, 288 и мн. др.

оцѣнка церковно-историческаго міросозерцанія», причемъ «неизбѣжна историческая и личная критика. такъ что будетъ налицо указаніе въ церковно-историческомъ наиболѣе важнаго и постояннаго, возведеніе его къ евангельской высотѣ и освобожденіе отъ исторически-условныхъ односторонностей». Такъ совершенно вѣрно опредѣляетъ самъ проф. М. М. Тарѣевъ правильный методъ систематическаго изслѣдованія объ аскетизмѣ [1]. Я именно такъ и понималъ и въ такомъ направленіи старался осуществить свою задачу. Во главу угла полагалось именно по каждому частному вопросу *евангельское* ученіе. Если оно раскрывается въ апостольскомъ ученіи въ полномъ согласіи съ своимъ абсолютнымъ духомъ. то оно комментируется при помощи этого именно ученія. Если въ апостольскомъ ученіи замѣтны черты церковно-исторической условности. отраженія мѣстныхъ или временныхъ обстоятельствъ, то и это обстоятельство отмѣчается. Въ патристическомъ ученіи я старался уловить именно самое характерное. «наиболѣе высокій моментъ» въ переживаніи и истолкованіи той или другой истины на основаніи личнаго опыта, непосредственнаго переживанія. Элементы «чуждаго происхожденія», проистекавшіе изъ подчиненія вліянію внѣшнихъ факторовъ — вліянію философіи. историческихъ обстоятельствъ и т. п.—всякій разъ, когда самый фактъ ихъ присутствія стоитъ внѣ сомнѣнія, — отмѣчаются и выдѣляются изъ церковно-историческаго ученія. Я увѣренъ— и могу доказать въ примѣненіи къ каждому отдѣльному случаю,—что изъ патристическаго ученія у меня берется наиболѣе характерное, наиболѣе цѣнное. Въ какихъ воззрѣніяхъ или фактахъ замѣчается явное отклоненіе отъ евангельскаго духа. — это также старательно оттѣняется. Въ частности, съ начала и до конца изслѣдованія я старался отмѣчать, какой оттѣнокъ въ ту или другую догматическую или нравственную истину, въ то или другое христіанское понятіе. вносила спеціально аскетическая точка зрѣнія.

Проф. М. М. Тарѣевъ признаетъ, что эволюція «церковнаго аскетизма» совершалась не только «подъ разными сторонними вліяніями», но и «по силѣ собственнаго развитія» [2]. Всякая идея, какъ нѣчто живое и планомѣрное, имѣетъ и свою имманентную логику развитія, предопредѣляющую и объясняющую и отдѣльные фазисы этого развитія. Отсюда.

[1]) стр. 331. [2]) Христ. Проб., 16—192.

уловивъ общій духъ христіанскаго ученія, можно понимать и оцѣнивать мѣсто и значеніе того или иного отдѣльнаго момента въ раскрытіи того или другого понятія. Вообще, критикъ полагаетъ радикальное, существенное различіе между евангельскою и святоотеческою точкою зрѣнія на аскетизмъ. Но до такихъ крайностей не доходятъ даже не слишкомъ тенденціозные протестантскіе писатели. Zöckler, напр., о системѣ Макарія Египетскаго говоритъ, что она «проникнута» «интенсивно благочестивымъ мистическимъ духомъ, аскетическая строгость котораго, однако, не отвергаетъ библейско-христіанскихъ основоположеній (dessen asketische Strenge die biblisch-christliche Grundlage doch nicht verleugnet)» [1]). Даже у Тертулліана, несмотря на то, что его моральная система замѣтно окрашена духомъ юридизма и представляетъ точки соприкосновенія съ античною этикою по нѣкоторымъ важнымъ пунктамъ,—все же понятіе о добродѣтели—не языческаго характера, но покоится на евангельски-апостольскомъ основаніи [2]). Если система Кипріана К. не чужда подобныхъ же недостатковъ, удаляющихъ ее отъ евангелія, то все же нѣкоторые его трактаты всецѣло проникнуты—несомнѣнно—евангельскимъ духомъ, особенно трактатъ «О молитвѣ Господней» [3]). Всѣ эти обстоятельства доказываютъ только необходимость научно-исторической критики, но не оправдываютъ *принципіальнаго* противопоставленія евангельской и святоотеческой точекъ зрѣнія. Указанная критика *постоянно* имѣла мѣсто и въ моей работѣ. Изъ патристической письменности извлекалось только самое цѣнное съ точки зрѣнія евангельскаго ученія. Напр., изъ Кипріана К. берется и анализируется указанное его твореніе,—стоящее на евангельской высотѣ, по свидѣтельству также и исторической критики [4]). Историческая критика пришла къ тому выводу, что начало ученія объ аскетическихъ и мистическихъ добродѣтеляхъ восходитъ къ самымъ первымъ временамъ христіанства (reichen zurück bis in die Urzeit des Christentums). Уже во времена Апостоловъ констатируется существованіе такого ученія, хотя еще и не имѣвшаго систематическаго характера, однако уже заключавшаго въ себѣ зародыши (die Keime) къ образованію системы, не лишенное даже опредѣленныхъ формъ и правилъ (gewis-

[1]) Die Tugendlehre des Christentums, S. 55. [2]) Ibid., SS. 67—68.
[3]) Ibid., S. 71—72. [4]) II, стр. 453, прим. 64 и др.

ser fester Formen und Regeln nicht entbehrende) [1]. Возбужденія и импульсы къ тому, что христіанское стремленіе къ добродѣтели пріобрѣтало мистическій характеръ, даны уже въ Евангеліи и въ апостольскомъ ученіи, и притомъ не въ случайномъ, рѣдкомъ и спорадическомъ видѣ, но въ изобиліи и полнотѣ (in reicher Fulle). Гдѣ указаніе на путь христіанской жизни понималось строго и выполнялось интенсивно въ смыслѣ изреченій Господа (Іоан. X, 1—9; XIV, 6; XVII, 21 слѣд.; Лук. XVII, 21; Мѳ. XVIII, 20 и др.),—тамъ выступали ясно зародыши (die Keime) именно мистико-аскетическаго ученія о добродѣтели. Апостольскія изреченія Гал. II, 20, 1 Іоанн. IV, 16 и др. — не единственныя свидѣтельства того, что уже первоначальное христіанство было знакомо съ такими зачатками ученія о христіанской добродѣтели съ ясно выраженной мистико-аскетической окраской. Пастырское посланіе ученика, котораго любилъ Господь, сплошь пропитано (ganz durchtränkt) указаніями, направляющими вниманіе на эту мистико-аскетическую область, и даже ревнителю закона Іакову не остался чуждымъ или неизвѣстнымъ идеалъ добродѣтели, понимаемый именно въ этомъ углубленномъ смыслѣ (Іак. I, 18; I, 25; II, 12 и др.) [2]. Христіанство, вступивши въ міръ съ ясными и опредѣленными задатками мистицизма и аскетизма, встрѣтилось, наряду съ здоровыми теченіями, благопріятствовавшими дальнѣйшему развитію указанныхъ элементовъ, также и нездоровыя, уже выродившіяся, направленія мысли и жизни.

Здѣсь имѣется въ виду преимущественно *неоплатонизмъ*. Подъ воздѣйствіемъ послѣдняго, христіанскія этическія традиціи ученія и жизни получили «нѣкоторые мутные», нездоровые элементы [3]. Впрочемъ, заимствованные отсюда элементы были замѣтно переработаны, — по крайней мѣрѣ, поскольку дѣло касалось существа дѣла. Такъ, исключительнаго предпочтенія созерцательнаго или теоретическаго (θεωρετικός) идеала добродѣтели наиболѣе видные представители патристической письменности все же не допускали. Между созерцаніемъ и дѣятельностію, между жизнью, посвященной молитвѣ, и дѣятельнымъ участіемъ въ осуществленіи обязанностей земного призванія, не было въ патристическомъ ученіи вырыто глубокой

[1] *Zöckler*, Die Tugendlehre des Christentums. S. 181. [2] S. 18ff.
[3] S. 183.

пропасти (какъ это наблюдалось въ неоплатонизмѣ), но установлено извѣстное равновѣсіе. «Созерцаніе» и «дѣятельность» считаются у свв. отцовъ если и не абсолютно равноцѣнными, то все же «совершенно необходимыми факторами христіанской добродѣтельной жизни» (gleichsehr notwendige Faktoren im christlichen Tugendleben) [1]).

Не «въ разрѣзъ» съ исторической критикой, а въ полномъ согласіи съ нею, совершалась, такимъ образомъ, моя систематическая работа. Я приступилъ къ ней, ознакомившись съ наиболѣе выдающимися работами въ этой области, обстоятельно изучивши каждаго изъ имѣющихся у меня представителей патристической письменности въ отдѣльности... Вѣдь авторитетъ Zöckler'а хоть что-нибудь да значитъ въ области историко-критическаго изученія аскетизма, хотя проф. М. М. Тарѣевъ, конечно, и его признаетъ не знающимъ «научно» евангелія, такъ какъ этотъ ученый не полагаетъ *существеннаго* различія между евангеліемъ и апостольскими посланіями въ ихъ ученіи объ аскетизмѣ и мистицизмѣ. Вообще, я не нахожу *по существу* никакого радикальнаго различія между тѣмъ *методомъ*, котораго я держусь въ своемъ изслѣдованіи, по сравненію съ тѣмъ методомъ, которому слѣдуетъ самъ проф. М. М. Тарѣевъ въ третьей книгѣ «Основъ христіанства». Излагая исторически-христіанское міровоззрѣніе, онъ ставитъ «своей задачей — уловить въ сотняхъ томовъ церковной письменности и въ системѣ церковной жизни наиболѣе существенное, основное, глубокое, возвести исторически-христіанское міровоззрѣніе къ возможно высокимъ идеямъ» [2]). Общій методъ здѣсь тотъ, что ученіе евангельское комментируется при помощи апостольскаго и святоотеческаго ученія [3]). Почему же *здѣсь* профессоръ не находитъ «объединенія разнородныхъ началъ»? Во всякомъ случаѣ мой трудъ стоитъ уже не ниже—*по методу*—его третьяго тома,—съ этимъ долженъ бы согласиться и самъ критикъ, если бы онъ дѣйствительно былъ «справедливъ».

Вообще я долженъ сказать, что въ данномъ пунктѣ «приговоръ» критика особенно и ужъ слишкомъ очевидно несправедливъ. Именно въ историко-критическомъ отношеніи къ источникамъ я стремился стоять на достигнутой какъ русской, такъ

---

[1]) S. 188. [2]) Стр. 5.
[3]) См., напр., стр. 92 и слѣд.; 98, 108 и слѣд. и др.

и особенно западной наукой высотѣ. Это потребовало отъ меня *громадной* (безъ всякаго преувеличенія!) предварительной работы, хотя я и не старался въ диссертаціи показывать это explicite. Но я надѣялся, что всякій безпристрастный, хотя бы и «строгій» критикъ-спеціалистъ самъ усмотритъ правильное положеніе дѣла *).

С. Заринъ.

*) Продолженіе слѣдуетъ.

О новыхъ книгахъ.

Акты, издаваемые Виленскою Комиссіею для разбора древнихъ актовъ. Томъ XXXIII. Акты, относящіеся къ исторіи Западно-русской церкви. Вильна. 1908.

Виленская археографическая комиссія, послѣ нѣкотораго перерыва, возвратилась къ изданію актовъ, спеціально относящихся къ исторіи церкви въ сѣверо-западномъ краѣ. Церковно-историческій характеръ носили въ значительной степени XXIII и XXVII томы ея Актовъ, содержащіе въ себѣ акты Холмскаго гродскаго суда и сопровождавшіеся обширными, въ видѣ предисловій, историческими изслѣдованіями покойнаго В. М. Плоцанскаго о судьбахъ православія и уніи въ предѣлахъ Холмской Руси. Изданный въ настоящее время подъ редакціей Д. И. Довгялло томъ Актовъ Виленской коммиссіи имѣетъ близкое историко-географическое соприкосновеніе съ тѣми двумя томами. Большая часть историческихъ документовъ, помѣщенныхъ въ немъ, относится къ сосѣднему съ Холмщиной Подляшью (западная часть Гродненской губерніи и восточная часть губерній Сѣдлецкой и Ломжинской). Это—та наиболѣе удаленная на западѣ отъ государственно-народнаго нашего центра русская область, гдѣ между православно-русскимъ и католическо-польскимъ населеніемъ идетъ въ наши дни бой не на животъ, а на смерть. Кромѣ Подляшскихъ актовъ, въ интересующемъ насъ томѣ помѣщенъ его редакторомъ цѣлый рядъ актовъ, касающихся исторіи православія, уніи и рим.-католичества и

въ другихъ мѣстахъ сѣверо-западнаго края, въ томъ числѣ въ самой Вильнѣ.

По содержанію своему большинство напечатанныхъ актовъ представляетъ собой всякаго рода оффиціальные документы относительно основанія православныхъ и уніатскихъ церквей и монастырей, надѣленія ихъ землей и другимъ имуществомъ и т. п. Въ напечатанныхъ документахъ содержатся свѣдѣнія о 18 монастыряхъ и 160 церквахъ, начиная съ 1443 года и оканчивая половиной XVII вѣка. Напечатанные документы о церквахъ представляютъ собой большой интересъ по тому уже одному, что нѣкоторые изъ нихъ относятся къ такимъ населеннымъ мѣстамъ, которыя существовали еще въ домонгольскій періодъ нашей исторіи (Брестъ. Бѣльскъ, Дрогичинъ, Мельникъ, Волковыскъ). Другіе документы касаются менѣе исторически извѣстныхъ, или даже совсѣмъ неизвѣстныхъ мѣстъ. Но благодаря имъ, открывается возможность нанесенія на общую нашу церковно-историческую карту новыхъ, документально засвидѣтельствованныхъ, пунктовъ существованія православно-христіанскихъ храмовъ въ XV—XVI вѣкахъ. Весьма важны документальныя данныя напечатанныхъ актовъ и относительно монастырей и церквей первой половины XVII вѣка. Въ это именно время произошло фактическое обращеніе большинства православныхъ церквей въ уніатскія, но самая исторія этого ихъ обращенія никѣмъ еще не написана, и не только относительно тѣхъ или иныхъ отдѣльныхъ церквей, но и относительно церквей цѣлой мѣстности, иногда нельзя сказать съ достовѣрностью, когда онѣ стали уніатскими.

Напечатанные въ XXXIII томѣ церковно-монастырскіе документы заимствованы изъ такъ называемыхъ гродскихъ и земскихъ книгъ разныхъ западнорусскихъ городовъ, хранящихся въ Вилен. центральномъ архивѣ актовыхъ книгъ. Большинство болѣе древнихъ документовъ заимствовано изъ актовыхъ книгъ сравнительно поздняго времени (второй половины XVII и даже XVIII вѣка). Это нужно, напр., сказать, о всѣхъ пяти документахъ, относящихся къ XV вѣку. Впрочемъ уже съ 1530 г. начинается рядъ документовъ, взятыхъ изъ современныхъ актовыхъ книгъ. Не подлежитъ сомнѣнію, что и сохранившіяся въ позднихъ копіяхъ древнія грамоты имѣютъ научную цѣнность, тѣмъ болѣе, что нерѣдко въ этихъ только копіяхъ онѣ и сохранились, и самыя

эти копіи не возбуждаютъ сомнѣній. Но нѣкоторая доля скептицизма по отношенію къ нимъ всегда умѣстна. Такъ, напр., напечатанное въ XXXIII томѣ подъ № 1 духовное завѣщаніе священника Семена Чаплеевскаго, настоятеля Волковыской Крестовоздвиженской церкви (отъ 9 марта 1443 г.), заимствованное изъ Волков. земскихъ книгъ второй половины XVIII вѣка, возбуждаетъ сомнѣніе, если не въ его подлинности, то въ исправности его текста, уже однимъ упоминаніемъ въ немъ о какомъ-то невѣдомомъ митрополитѣ Александрѣ. Еще болѣе сомнѣній внушаетъ напечатанная подъ № 2 фундушовая запись церкви въ Савичахъ Русскихъ (на Подляшьи отъ 22 марта 1443 г.), заимствованная изъ Дрогичинскихъ гродскихъ книгъ 1632 года. Въ самомъ документѣ эта фундушовая запись въ другомъ мѣстѣ названа жалованной грамотой (privilegium) Сигизмунда Перваго, короля Польскаго. Дата этой грамоты (1443 г.) совсѣмъ не соотвѣтствуетъ времени царствованія въ Польшѣ и Литвѣ Сигизмунда I (1506—1548). Но съ другой стороны извѣстная грамота отъ того же 1443 года польскаго короля Владислава Варнскаго, обѣщавшая уравненіе правъ православнаго духовенства съ рим.-католическимъ подъ условіемъ единенія съ Римомъ, по содержанію своему подходитъ къ интересующей насъ грамотѣ. Наконецъ, стоящее въ концѣ этой послѣдней (хотя безъ всякой видимой связи съ нею) имя извѣстнаго уніатскаго разыскивателя письменныхъ историческихъ свидѣтельствъ въ пользу древности западнорусской церковной уніи, митрополита Ипатія Потѣя даетъ и нѣкоторый ключъ къ уразумѣнію происхожденія странной грамоты Сигизмунда I, датированной 22 марта 1443 года. Но хотя и фальсифицированная, эта грамота представляетъ собой интересный историко-литературный фактъ, и противъ помѣщенія ея въ Актахъ возражать было бы нерезонно. Для характеристики учено-архивныхъ воззрѣній и дѣятельности Ипатія Потѣя вообще редакторъ въ напечатанномъ имъ духовномъ его завѣщаніи далъ новый яркій штрихъ. Поручивши въ этомъ завѣщаніи сыновьямъ своимъ передать относящіяся къ уніи 1596 года подлинныя папскія и королевскія грамоты и иные документы на храненіе послѣ его смерти виленскому рим.-католическому епископу съ его капитуломъ, митр. Потѣй мотивировалъ свое распоряженіе опасеніемъ, что бы они, ходя по чужимъ рукамъ, не погибли такъ

же, какъ погибли „и первыя грамоты и свидѣтельства той на Флорентійскомъ соборѣ принятой уніи, безъ которыхъ вещь невѣроятная, чтобы обошлось дѣло, потому что это ясно открывается и изъ тѣхъ грамотъ, которыя имѣются: людская злоба и небрежность старшихъ все это погубили“.

Построеніе православныхъ церквей и обращеніе ихъ въ унію тѣсно были связаны, какъ извѣстно, съ православною или уніатскою религіозною ревностью западно-русскихъ дворянъ-землевладѣльцевъ. Въ XXXIII томѣ находится, поэтому, не мало матеріаловъ для исторіи этой ихъ ревности, по особымъ условіямъ литовско-польской общественной жизни, имѣвшей обыкновенно рѣшающее значеніе въ вопросѣ о самомъ существованіи въ ихъ имѣніяхъ храмовъ того или другого вѣроисповѣданія. Интересенъ, напр., документъ (№ 191, стр. 287), свидѣтельствующій объ особенно выдающемся значеніи трехъ князей Огинскихъ (Яна, Александра и Самуила), какъ патроновъ православной церкви въ Литвѣ (въ 1636 году). Еще интереснѣе упоминаніе (№ 126 и 127) о брестской воеводинѣ Θеодорѣ Зеновичъ, рожденной Воловичъ, какъ патронкѣ (1604 г.) Виленской Св.-Духовской братской церкви (къ сожалѣнію, въ указателѣ личныхъ именъ случайно пропущено ея имя). Историческими документами установлено только участіе Θеодоры Зеновичъ, вмѣстѣ съ ея сестрой Анною Абрамовичъ, въ построеніи Вилен. Св.-Духовской церкви. О дальнѣйшихъ же ея отношеніяхъ къ ней ничего неизвѣстно. Изъ болѣе древнихъ документовъ представляютъ интересъ документы о церковно-благотворительной дѣятельности кн. К. И. Острожскаго (наиболѣе изъ нихъ древній № 6 напечатанъ уже во второй разъ—XIV, № 1).

Въ XXXIII томѣ напечатано и нѣкоторое количество документовъ, имѣющихъ нѣкоторое значеніе для общей исторіи борьбы православія съ уніей въ Западной Россіи. Документъ подъ № 180 даетъ видѣть, что послѣ сейма 1607 года обратное движеніе изъ уніи въ православіе произошло и въ Брестѣ (общеизвѣстно таковое движеніе въ Вильнѣ). Но изъ этого же документа видно, что митр. Ипатій Потѣй (онъ же и владимірско-брестскій епископъ), нисколько не стѣсняясь благопріятною для православныхъ сеймовою конституціею, энергично принялся за усмиреніе брестскаго священническо-мѣщанскаго возстанія противъ него. Въ XXXIII

томѣ напечатано и духовное завѣщаніе этого ревнителя уніи, составленное имъ во Владимірѣ - Волынскомъ 19 ноября 1609 года, т. е. три мѣсяца спустя послѣ извѣстнаго покушенія на его жизнь, происшедшаго въ Вильнѣ на религіозно-вѣроисповѣдной почвѣ (№ 138). Это завѣщаніе служитъ новымъ яркимъ свидѣтельствомъ его пламенныхъ уніатскихъ убѣжденій, но вмѣстѣ съ тѣмъ и полнаго почти въ этомъ отношеніи его одиночества въ своей средѣ (даже учредительныхъ объ уніи папско-королевскихъ грамотъ онъ никому не рѣшился довѣрить изъ состава подчиненной ему уніатской церковной іерархіи). Разыгравшаяся въ междуцарствіе по смерти Сигизмунда III въ новыхъ формахъ борьба православія съ уніей впослѣдствіи, при практическомъ примѣненіи достигнутыхъ въ ней православными побѣдныхъ успѣховъ, съ особенной силой и особенно долго продолжалась въ такой для обѣихъ боровшихся сторонъ опасной области, какой было Подляшье. Всѣ тридцатые годы XVII вѣка для православныхъ въ Бѣльскѣ, Дрогичинѣ и другихъ мѣстахъ Подляшья радость побѣды смѣнялась ожиданіемъ новыхъ наступленій уніи, и не однимъ ожиданіемъ, но и фактическимъ ихъ осуществленіемъ. Для этой измѣнчиво-тревожной эпохи православной жизни на Подляшьи хранящіяся въ Вилен. архивѣ актовыя книги главныхъ подляшскихъ городовъ доставили довольно значительный и въ деталяхъ новый историческій матеріалъ... XXXIII томъ заканчивается документами, относящимися къ послѣднимъ годамъ царствованія Владислава IV и первымъ годамъ царствованія Яна Казимира, когда подготовлялось и вспыхнуло великое православно-русское народное движеніе подъ предводительствомъ Богдана Хмельницкаго Это движеніе, оказывается, нашло себѣ сочувственный отголосокъ и въ православно-русскомъ населеніи Подляшья, и не только по сю, но и по ту сторону Западнаго Буга. Въ XXXIII томѣ напечатано три документа (№№ 268, 277, 279, изъ Дрогичинскихъ актовыхъ книгъ пятидесятыхъ годовъ XVII вѣка), твердо устанавливающихъ этотъ фактъ, хотя и характерезующихъ его подъ своеобразнымъ польско-шляхетскимъ угломъ зрѣнія.

Въ видѣ предисловія къ XXXIII тому Актовъ помѣщены редакторомъ его двѣ обширныхъ, тщательно составленныхъ, статьи: 1) "Черты религіозныхъ отношеній на

Подляшьи въ XVII в." и 2) „Историческія данныя объ отдѣльныхъ церквахъ Западной Россіи до половины XVII в." Въ концѣ приложено три указателя (личныхъ именъ, географическихъ названій и предметовъ). Все это весьма облегчаетъ научное пользованіе помѣщенными въ томѣ историческими матеріалами.

Проф. **П. Жуковичъ.**

26 февраля 1909 г. Печатать разрѣшается. Ректоръ С.-Петербургской духовной академіи епископъ *Ѳеофанъ.*

Редакторъ профессоръ С.-Петербургской духовной академіи *Петръ Смирновъ.*